

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

124

СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ
В СКИФО-САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

124

СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ
В СКИФО-САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1970

Выпуск посвящен археологическому изучению Северного Причерноморья и скифо-сарматскую эпоху и содержит исследование археологических памятников на территории античных северно-причерноморских городов, ремесленных комплексов, памятников античного искусства и архитектуры. Ряд статей посвящен изучению скифских и сарматских древностей, исследованиям могильников, находившихся на территории древних античных городов. В выпуске отражены вопросы взаимоотношений античных городов с местными племенами Северного Причерноморья, торговых связей, культуры и религии.

Материалы выпуска представляют большой интерес для археологов и историков, интересующихся вопросами античной техники, архитектуры, искусства.

Редакционная коллегия:

Н. Н. Воронин, Н. Н. Гурина, А. В. Кольцов (ответственный секретарь),
И. Т. Кругликова (ответственный редактор), *К. Х. Кушнарера,*
А. Ф. Медведев, Н. Я. Мерперт, Р. М. Мунчаев,
П. А. Раппопорт (зам. ответственного редактора), *В. В. Седов,*
Д. Б. Шелов, А. А. Якобсон

I. ДОКЛАДЫ И ДИСКУССИИ

И. Т. КРУГЛИКОВА

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БОСПОРА

О религиозных представлениях населения боспорских городов сообщают эпиграфические памятники — посвящения богам, надписи фиасов, граффити и различные другие надписи с упоминанием имен божеств. О них можно судить и по многочисленным изображениям божеств, находимых в городах и их некрополях, — статуям, бронзовым и терракотовым статуэткам, протомам, рельефам, росписям склепов. Значительно беднее представлены памятники, позволяющие восстановить религиозные представления сельских жителей Боспора. Кроме очень редко встречающихся граффити с именами богов и небольшого количества раскопанных погребений, основным источником для выяснения этого вопроса до настоящего времени остаются терракотовые статуэтки, находимые при раскопках сельских поселений. Большая часть этих статуэток повторяет широко распространенные в Средиземноморье изображения божеств греческого пантеона, но некоторые воспроизводят образцы, характерные только для Боспорского царства.

По количеству посвящений, сохранившихся в боспорских монументальных надписях, по граффити на сосудах, скульптурам, терракотам и изображениям на монетах можно судить о большой популярности среди боспорского городского населения женских божеств: Афродиты¹, Артемиды², Деметры³. При этом посвящения Афродите встречаются начиная с V в. до н. э. по II в. н. э., посвящения Артемиде известны с IV в. до н. э. по II в. н. э., тогда как надписи с именем Деметры нам известны только с V в. до н. э. по III в. до н. э. Из мужских божеств наибольшее

¹ Здесь и ниже номера надписей даются по изданию: «Корпус боспорских надписей». М.—Л., 1965. Наибольшее количество надписей с посвящением Афродите происходят из азиатской части Боспора (№ 97, 972, 1041, 1043, 1045, 1055, 1111, 1115, 1237, 1244). Имеются надписи из Пантикалея (№ 7, 13, 17, 30, 31, 75) и из Таманса (№ 1237); граффити из Нимфея (см.: И. И. Толстой. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.—Л., 1953, № 114); Л. П. Харко. Культ Афродиты на Боспоре Киммерийском. КСИИМК, вып. XIII, стр. 138; И. И. Сокольский. Святилище Афродиты в Келах. СА, 1964, № 4, стр. 116—118.

² Из Пантикалея (№ 11, 12, 28), Гермонассы (№ 1040), Горгиппии (№ 1114) и найденные вне известных античных городов — у станции Ахтанисовской на Таманском полуострове (№ 1014) и около Ростова-на-Дону (№ 1315); граффити из Пантикалея (см. И. И. Толстой. Указ. соч., № 163, 173, 176, 184); ср.: С. Я. Лурье. Культ матери Девы в Боспорском царстве. ВДИ, 1948, № 3, стр. 204 сл.; М. М. Кобылина. Терракотовые статуэтки Пантикалея и Фанагории. М., 1961, стр. 48 сл.

³ Посвятительные надписи из Пантикалея (№ 8, 14, 18), граффити из Пантикалея и Нимфея (см. И. И. Толстой. Указ. соч., № 110, 116, 117, 120—123, 125, 167, 168, 170, 177).

количество посвящений сделано Аполлону (преимущественно Аполлону Врачу)⁴, Зевсу⁵ (преимущественно Зевсу Сотеру — Спасителю)⁶ и безымянному синкретическому божеству, которого называют Богом Высочайшим, Богом Гремящим, Внемлющим, Справедливым и т. д.⁷ При этом культы Аполлона, Зевса Сотера засвидетельствованы на Боспоре с IV в. до н. э., а существовали, вероятно, и ранее, тогда как культ безымянного бога получил распространение в первые века н. э. По-видимому, в это же время на Боспоре начинает распространяться также иудейская и христианская религии. Кроме названных выше богов, в городах Боспора поклонялись ряду других греческих божеств. Так, там имелись храмы, посвященные Посейдону⁸, Аресу⁹, Дионису¹⁰, Асклепию¹¹ и Фригийской Матери¹² (Кибеле), культ которой был распространен на Боспоре уже в V в. до н. э.¹³ Среди других богов, культы которых были распространены на Боспоре, можно назвать Геру¹⁴, Гекату¹⁵, Гермеса¹⁶, восточные божества: Астару, Санерга¹⁷, Сабазия¹⁸, Изиду¹⁹, Мена²⁰ и др. Известно о существовании культа римских императоров²¹; возможно, имелись также и культы каких-то местных божеств, имена которых нам неизвестны²².

Даже из этого перечня культов и имен богов, поклонение которым в городах засвидетельствовано письменными памятниками и памятниками изобразительного искусства, видно, сколь разнообразны были религиозные культы и как многочислен был пантеон богов у городских жителей Боспора.

О культах, распространенных у населения сельской территории, можно судить только по данным, полученным при археологических раскопках сельских поселений. При раскопках сельских поселений VI—V вв. до н. э., расположенных вблизи боспорских городов (рис. 1) Киммерика

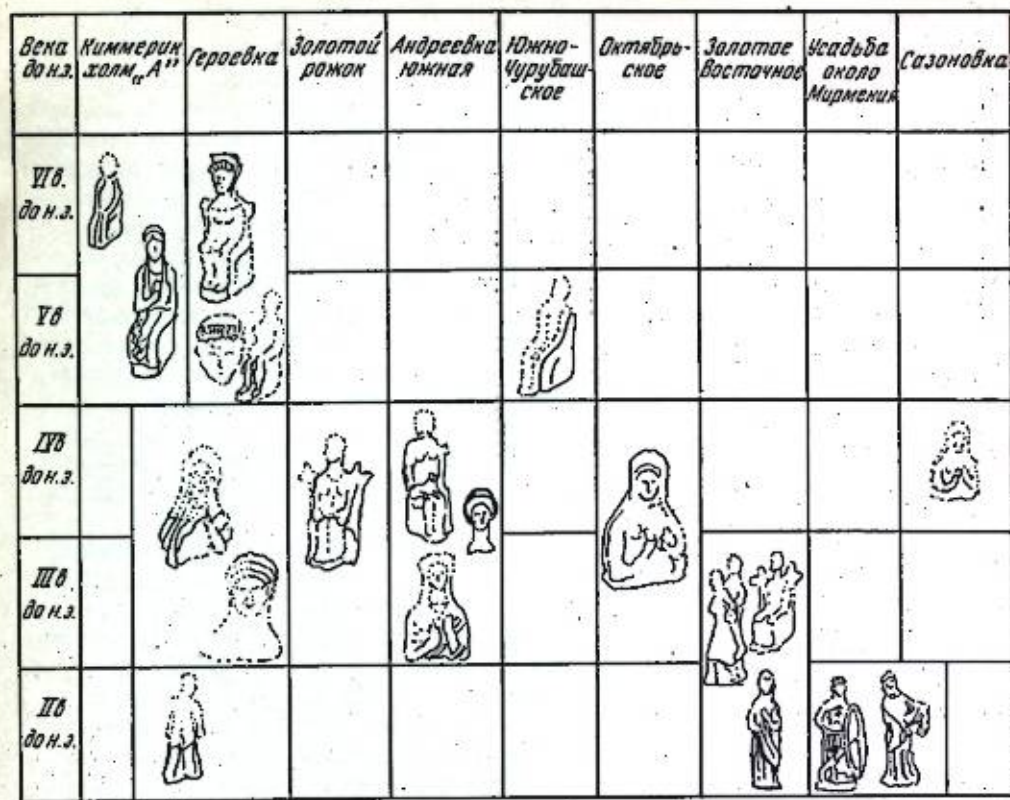

Рис. 1. Терракоты из сельских поселений Боспора (VI—II вв. до н. э.)

⁴ Посвящение из Пантикапея (№ 6, 10, 25), Фанагории (№ 974, 975, 985), Гермонассы (№ 1037, 1039, 1044), Таванса (№ 1239) и граффити из Нимфея и Пантикапея (И. И. Толстой. Указ. соч., № 115, 169, 174).

⁵ Посвящения из Пантикапея (№ 26, 29, 36А, 76, 135), Мирмекия (№ 868), Таванса (№ 1237).

⁶ А. И. Болтунова. О культе Зевса Сотера на Боспоре. «Культура античного мира», М., 1966, стр. 29 сл.

⁷ Наиболее ранние надписи I в. н. э. найдены в Анапе (№ 1123 — манумиссия) и в Ростове-на-Дону (№ 1316). Большинство надписей II—III вв. н. э. происходят из Таванса (№ 1260—1261; 1277—1289). Имеются также из Китея (№ 942) и Горгиппии (№ 1116).

⁸ № 30, 1048, 1134 — I в. до н. э. и II—III вв. н. э.

⁹ № 63, 1237 — II—III вв. н. э.

¹⁰ № 15, 24 и граффити (И. И. Толстой. Указ. соч., № 118 и 164). IV—III вв. до н. э.

¹¹ № 957 — II в. н. э.

¹² Посвящения III в. до н. э. из Пантикапея (№ 21 и 23).

¹³ В. Ф. Гайдукевич и К. Михайловский. Исследования по археологии СССР. Л., 1961, стр. 136.

¹⁴ Посвящения I и II вв. из Пантикапея (№ 36 и 76) и манумиссия II в. с Таманского полуострова (№ 1021).

¹⁵ Посвящения III в. до н. э. из Пантикапея (№ 22).

¹⁶ Существовал праздник в честь Гермеса-Гермея. Имена победителей в состязаниях во время этого праздника в Горгиппии сохранила надпись № 1137; граффити из Нимфея (И. И. Толстой. Указ. соч., № 113).

¹⁷ Посвящение Комосарии (№ 1015) из станицы Ахтанизовской, Таманский полуостров.

¹⁸ Изображения этого бога найдены в Пантикапее. В первые века н. э. распространены изображения его атрибутов. См. М. Ростовцев. История античной декоративной живописи. СПб., стр. 428—434; И. Т. Кругликова. Глиняный штамп из Киммерика. КСИИМК, вып. XLIII, 1952, стр. 122 сл.

¹⁹ И. Т. Кругликова. Раскопки в Анапе. «Археологические открытия 1967 г.», М., 1968, стр. 83 сл.

²⁰ М. М. Кобылина. Указ. соч., стр. 98.

²¹ № 41, 983, 1045, 1047.

²² Д. Б. Шелов. К вопросу о взаимодействии греческих и местных культов в Северном Причерноморье. КСИИМК, вып. XXXIV, 1950, стр. 62 сл.

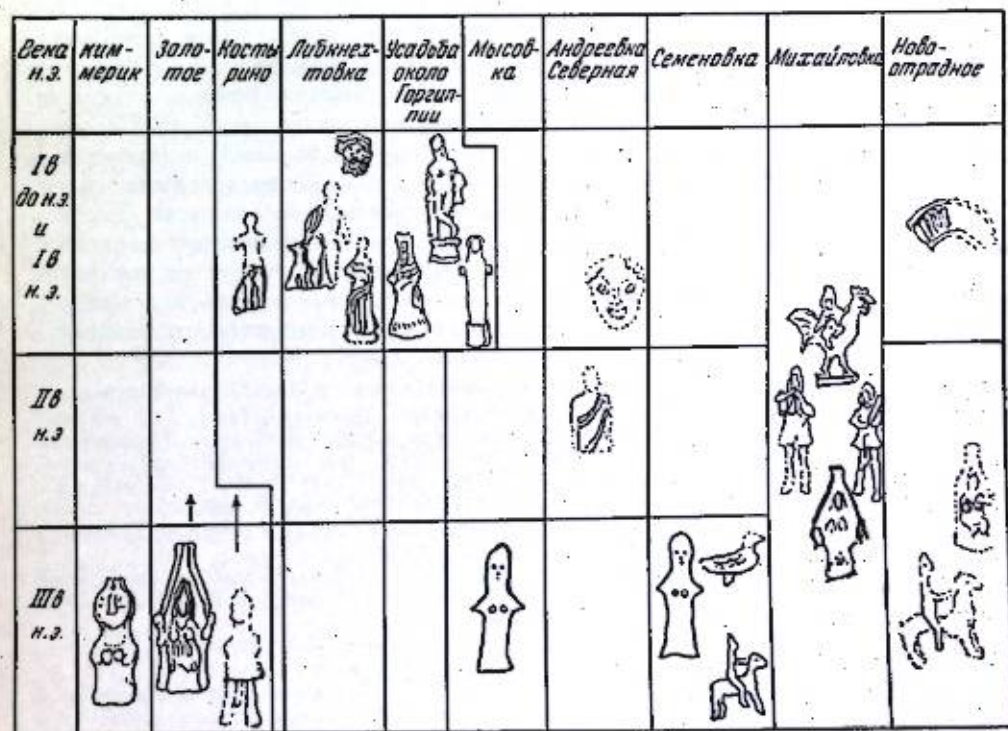

Рис. 2. Терракоты из сельских поселений Боспора (I в. до н. э. — III в. н. э.)

(раскоп «Холм А») и Нимфея (поселение Героевка и Южно-Чурубашское), были найдены фрагментированные и целые терракотовые статуэтки (рис. 1), изображающие сидящую на троне богиню²³, а также обломок протомы²⁴. Все эти терракоты являются привозными из Малой Азии и островов Средиземного моря. Аналогичные им были найдены и в боспорских городах. Можно предполагать, что владельцы сельских усадеб, открытых вблизи Киммерика и Нимфея, были греками-переселенцами, гражданами этих городов, и их религиозные представления не отличались от тех, которые были у городских жителей. Наиболее почитаемым божеством считалась богиня плодородия, покровительница земледельцев. Это верховное женское божество еще не имело атрибутов, различающих позднее Деметру, Афродиту, Афины и др. По-видимому, образ верховной богини в представлении древнейшего земледельческого населения объединял в себе первоначально функции, которые позднее стали свойственны различным женским божествам.

Преобладание терракот, связанных с культом верховного женского божества, характерно и для сельских поселений периода IV—III вв. до н. э.

К этому времени относится основная масса сельских неукрепленных поселений. На большей части поселений, особенно на тех, которые расположены вдали от боспорских городов, не было найдено никаких терракот. Но серия терракот была обнаружена в сельской усадьбе Андреевка Южная, расположенной примерно в 10 км от Пантикапея²⁵. Имелись они и на поселениях Сазоновка и Героевка в слоях IV—III вв. до н. э., а также вблизи сельской усадьбы IV—III вв. до н. э. у дер. Октябрьское в 7 км от Пантикапея. На побережье Азовского моря около дер. Золотое в поселениях Золотой Рожок и Золотое Восточное тоже имелись терракотовые статуэтки и их обломки. Все терракоты, найденные на этих поселениях, также воспроизводят верховное женское божество или фигурки девушек, связанные, вероятно, с мифами о Деметре и ее дочери Персефоне, похищенной Плутоном. Так, например, в Андреевке Южной в яме IV в. до н. э. найдена фигурка Кибелы, сидящей на троне с львом на коленях, головка Коры-Персефоны и части протомы Деметры или Персефоны. Вблизи Октябрьского найдена протома Деметры; на поселении Золотой Рожок — обломки статуэток, изображающих богиню, сидящую на троне с высокой спинкой, имеющей выступы на концах²⁶. В Героевке найдены обломки женских статуэток, части протомы богини²⁷, на поселении Золотое Восточное — обломки статуэток Коры, играющих девушек и сидящей на троне богини, аналогичной найденной на поселениях Золотой Рожок. Поскольку все терракоты, найденные в сельских поселениях IV—III вв. до н. э., так же как и те, которые нам известны из поселений VI—V вв. до н. э., связаны с культом великого женского божества, можно предполагать, что земледелие продолжало оставаться господствующим

²³ И. Т. Кругликова. Работы Восточно-Крымского отряда причерноморской экспедиции в 1957 г. КСИИМК, вып. 78, 1960, стр. 71, рис. 24, 7; И. Т. Кругликова. Раскоп древнего Киммерика. «Археология и история Боспора», Симферополь, 1952, стр. 68, рис. 3; она же. Киммерик в свете археологических исследований 1947—1951 гг. МИА, № 85, 1958, стр. 240, рис. 15, 3; В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. МИА, № 25, 1952, стр. 79, рис. 95.

²⁴ Аналогичная найденной в Тиритаке (см.: М. А. Наливкина. Терракоты Мирмекия и Тиритаки. МИА, № 25, стр. 329, рис. 1, 3).

²⁵ И. Т. Кругликова. Античная сельскохозяйственная усадьба близ Керчи. «Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья», Л., 1968, стр. 206 сл.

²⁶ И. Т. Кругликова. Новые данные об исторической географии Крымского побережья Азовского моря. СА, XXIII, 1958, стр. 226, рис. 5, 2.

²⁷ Аналогичная найденной в Нимфее (см.: М. М. Худяк. Работы Нимфейской экспедиции 1939 г. «Государственный Эрмитаж. Тр. Отдела истории искусства и культуры античного мира», т. 1, 1945, табл. XVI, 1).

шим занятием жителей этих поселений. Но можно также утверждать, что в IV—III вв. до н. э. в среде сельского населения были распространены уже культы различных богинь. В сельской усадьбе Андреевка Южная, например, было найдено граффити на стенке чернолакового канфара IV в. до н. э. с именем Деметры²⁸, но там же были и статуэтки Кибелы и Коры-Персефоны, а может быть, и Афродиты. Возможно, что древнее верховное женское божество плодородия стало ассоциироваться у земледельцев с образами различных богинь: Кибелы, Деметры и Коры-Персефоны; возможно, что некоторые обломки принадлежали и статуэткам Афродиты.

Распространение культа верховного женского божества среди боспорских земледельцев вполне естественно. В Греции, среди земледельческих божеств, самое главное место занимала Деметра, которую Еврипид называл Матерью Землей²⁹. Среди скифов, осевших на землю и обрабатывавших земли на плодородных равнинах европейской части Боспора, верховное женское божество греков могло ассоциироваться с их верховной богиней Табити, которую Геродот отождествляет с эллинской Гестией³⁰. Гестия — дочь Кроноса и Реи, сестра Деметры, Геры и Зевса — была богиней семейного очага. Огонь с ее очага из пританен метрополии переселенцы приносили на новые места поселений. Ей приносили в жертву первые плоды. Позднее ее отождествляли с Деметрой и Кибелой. Из других женских божеств скифы почитали Апи и Аргимаспу, которых Геродот отождествляет с Землей и Афродитой Уранией. Изображений богов скифы не знали. Естественно, что скифские земледельцы, поселившиеся среди боспорских греков, ознакомились с греческими антропоморфными изображениями богов и, возможно, некоторые из них переняли у греков обычай поклонения терракотовым изображениям богинь. Они могли отождествить свою верховную богиню с главным земледельческим божеством греков — Деметрой. Изображения Деметры и Коры в представлении боспорских эллинизированных скифов-земледельцев, возможно, выполняли роль греко-скифских синкретических божеств, соединивших в себе функции Табити, Апи, Аргимаспы, Деметры и Коры, Реи, Афродиты, а возможно, и Кибелы.

Если греки IV—III вв. до н. э. ясно представляли себе функции каждого из эллинических богов, то для скифа-земледельца, даже более или менее эллинизированного, эти различия не всегда были понятны. Поэтому статуэтки различных греческих богинь могли иметь для них один и тот же смысл — представить верховную богиню, функции которой были разнообразны, почему и образ ее мог быть различным. Именно таким многогранным восприятием верховного божества плодородия на Боспоре и объясняется тот факт, что на ранних земледельческих поселениях Боспора представлены только терракоты, изображающие женское божество. При этом преобладают изображения Деметры и Коры либо в виде сидящей на троне богини, либо в виде протомы с прижатыми к груди руками.

Начиная со II в. до н. э. типы терракот, находимые на сельских поселениях, становятся значительно разнообразнее. Во второй половине III—начале II в. до н. э. сельская территория Боспора претерпевает серьезные изменения. Подавляющее большинство неукрепленных сельских поселений приходит в запустение. Жизнь на них прекращается. Одновременно возникают новые поселения, располагающиеся обычно на возвышенностях, легко приспособленных для возведения оборонительных сооружений, а также позволяющих видеть и подавать световую сигнали-

²⁸ И. Т. Кругликова. Исследование хоры Боспорского царства. «Археологические открытия 1967 г.», М., 1968, стр. 220.

²⁹ Б. А. Богаевский. Земледельческая религия Афин. Пг., 1916, стр. 107 сл.

³⁰ Herod., IV, 59.

занию в случае приближения врагов. Процесс перемещения населения на новые места происходит постепенно. Параллельно ему шел процесс концентрации земельной собственности, исчезновения мелких поселений и появления крупных сельскохозяйственных усадеб. Такого типа усадьбы существовали с IV по III в. до н. э. на поселении Андреевка Южная и с III в. до н. э. до первой половины I в. до н. э. вблизи Мирмекия³¹. На последней из них наряду с изображением Кибелы с львенком на коленях, со статуэтками Коры-Персефоны и Афродиты были найдены несколько изображений Геракла, опирающегося на палицу, война-галата с овальным щитом кельтского типа³², статуэтки Эрота, головка лошади³³. На азиатской стороне Боспора в сельской укрепленной усадьбе I в. до н. э. — I в. н. э. вблизи Горгиппии³⁴ наряду со статуэтками богини в высоком головном уборе имелись фигурки воина и гермы. Разнообразие тематики терракот наблюдается также на сельских поселениях европейского Боспора в период с I в. до н. э. до II в. н. э. В слоях I—II вв. на поселении у дер. Либинехтовки наряду с изображениями Кибелы и Афродиты найдена жанровая статуэтка мальчика с сидящей собакой и голова старика в оригинальном головном уборе³⁵.

На поселении у дер. Михайловки наряду с изображением богини и так называемыми гротесками с подвесными конечностями, связанными, вероятно, с культом великого женского божества, имеются изображения быка и бога Мена на петухе³⁶; на поселении Андреевка Северная найдены мужской торс с плащом, перекинутым через левое плечо, и маска, а на поселении у дер. Семеновки — Эрот и птичка. По-видимому, в этот период в сельских поселениях наряду с земледельческими культурами появляются новые. Может быть, это свидетельствует об изменении состава сельского населения и повышении роли мужских божеств среди боспорского населения. Именно в это время в городах увеличивается количество надписей с посвящениями Богу Высочайшему, а также Зевсу и Посейдону.

Изменение тематики терракот, уменьшение их разнообразия и ухудшение их качества наблюдается на поселениях III в. н. э. В это время вновь начинают преобладать изображения, связанные с культом великого женского божества, — статуэтки сидящей богини в высоком головном уборе³⁷, гротески с подвесными ногами³⁸. Среди лепных статуэток доминируют идолоподобные изображения богини. На поселениях у деревень Семеновки и Ново-Отрадное были найдены, кроме того, и лепные фигурки всадника. Распространение во II—III вв. н. э. изображений всадника или конного воина³⁹ подтверждают данные эпиграфических памятников Боспора о повышении там в это время роли верховного муж-

ского божества. Возможно, что население далеких сельских поселков стало изображать его в виде всадника.

В последний период существования античных сельских поселений, таким образом, верховное женское божество плодородия, покровительница растительного и животного мира выступает в своем чистом виде, не спрятанной под обликом греческих божеств. Такой она представлена на штампе для ритуальных лепешек из Илурата⁴⁰ и в лепных статуэтках из Семеновки, Мысовки, Киммерика, Тасуново. Боспорские короласты по традиции еще изготавливали во II—III вв. статуэтки, иконография которых восходит к образу сидящей Кибелы или Деметры, но эти богини все чаще и чаще утрачивают свои атрибуты.

Сравнивая религиозные культы жителей боспорских городов и сельских поселений, отраженные в терракотах, мы видим, что культы всех божеств, которым поклонялось сельское население, были распространены также и в боспорских городах. Однако пантеон горожан был значительно богаче, гораздо большее число культов имело своих приверженцев в городах. В поселениях же земледельческой хоры Боспора в течение всего античного периода преобладали культы, связанные с верховным женским божеством плодородия. До III в. до н. э. они, по-видимому, были единственными. Однако после периода расцвета земледельческих поселений — в IV и в начале III в. до н. э. — заметно изменяется характер сельских поселений. Увеличивается в них роль скотоводства, рыболовства и, вероятно, других промыслов. Это находит отражение в падении удельного веса земледельческих культов и в возрастании роли других религиозных культов.

В идеологии сельского населения нашли свое отражение и существенные изменения, которые произошли в первые века н. э. в религиозных представлениях жителей боспорских городов. Вновь увеличивается роль великой богини плодородия, покровительницы животного и растительного мира и рядом с ней появляется новое синкретическое мужское божество — бог-всадник (вероятно, покровитель скотоводов и воинов). В среде сельского населения проникает и христианская религия. При раскопках некрополя у дер. Ново-Отрадное был найден перстень III в. с сердоликовой вставкой, на которой вырезаны крест и рыбы — символы христианства⁴¹. В одной из гробниц вблизи Золотого Восточного найден христианский амулет, датируемый 305 г.⁴²

Интересные материалы об изменении религиозных представлений дает и анализ погребальных обрядов. Анализ погребений свидетельствует о наличии различных представлений о загробном мире. В большинстве могил находили сосуды, в которых, вероятно, была пища, положенная родственниками, веровавшими в продолжение жизни умершего в потустороннем мире.

Могилы, относящиеся к периоду от V до III в. до н. э., обнаружены вблизи поселений Южно-Чурубашское⁴³, Михайловское⁴⁴ и в глубинной части Керченского полуострова около деревень Фронтное⁴⁵, Астанино,

³¹ В. Ф. Гайдукевич. Отчет о работах Боспорской экспедиции в 1954 г. Архив ИА АН УССР, д. 1954/28, л. 2.

³² В. И. Пругло. Позднеэллинистические боспорские терракоты, изображающие понов. «Культура античного мира». М., 1966, стр. 206, рис. 1, 3.

³³ В. Ф. Гайдукевич. Отчеты о работах Боспорской экспедиции за 1951, 1952, 1953 гг. Архив ИА АН СССР, д. Р-1, д. 645, рис. 82; д. 770, рис. 48 и 49; д. 913, рис. 14—17.

³⁴ Ю. С. Крушкoл. Античное здание в районе Горгиппии. «Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья». Л., 1968, стр. 213, 218, рис. 3 и 4.

³⁵ Т. М. Смирнова. Поселение римского времени близ Керчи. КСИА, вып. 109, 1967, стр. 142, рис. 57.

³⁶ Б. Г. Петерс, Г. М. Ефимова. Раскопки у с. Михайловки. «Археологические открытия 1967 г.», стр. 224, 225; Б. Г. Петерс. Раскопки городища у с. Михайловки в 1963 г. КСИА, вып. 103, 1965, стр. 120.

³⁷ И. Т. Кругликова. О культе верховного женского божества на Боспоре. «Культура античного мира». М., 1966, стр. 113, рис. 3.

³⁸ Там же, рис. 4.

³⁹ М. М. Кобыльина. Указ. соч., стр. 168, 169, табл. XXXVII, 4.

⁴⁰ В. Ф. Гайдукевич. Илурад. МИА, № 85, стр. 83, рис. 76.

⁴¹ Т. М. Арсеньева. Раскопки некрополя у дер. Ново-Отрадное. СА, 1963, № 1, стр. 195, рис. 3.

⁴² В. В. Шкорпил. Три христианские надписи, найденные в окрестностях Керчи. ЗООИД, т. XXI, стр. 8.

⁴³ И. Т. Кругликова. Отчет о работах Восточно-Крымской археологической экспедиции ИА АН СССР в 1964 г. Архив ИА АН СССР, д. Р-1, № 2998, стр. 32 сл.

⁴⁴ Б. Г. Петерс. Указ. соч., стр. 119 сл.

⁴⁵ В. Н. Корпусова. Памятники скифо-сарматского времени у с. Фронтное. «Археологические исследования на Украине 1965—1966 гг.», вып. 1. Киев, 1967, стр. 39 сл.

Ильичево и Зеленый Яр⁴⁶. У Южно-Чурбашского было найдено шесть каменных ящиков и одна грунтовая могила. Грунтовая могила и пять ящиков были ориентированы по оси с юго-востока на северо-запад, лишь один ящик был ориентирован с юго-запада на северо-восток, сохранившиеся в нем два костяка лежали черепами на юго-запад. Среди инвентаря в нем было 13 астрагалов, 3 сосуда и бусы. Около поселения у с. Михайловки найдена плитовая могила с 10 скорченными костяками, 8 из которых лежали головами на северо-запад и 2 — головами на юго-восток⁴⁷.

Вблизи Фронтового вскрыто около 50 простых грунтовых могил, ориентированных с востока на запад, и две подбойных.

В могилах имелось оружие и лепные горшки⁴⁸. Вблизи дер. Астанино в курганах найдены каменные ящики, склепы из дикариных камней и грунтовые ямы, перекрытые плитами. Погребенные ориентированы головами на запад. В могилах имелось оружие, лепные греческие сосуды V—III вв. до н. э. В районе Зеленого Яра найден склеп с 22 погребениями и грунтовая яма с 18 костяками. Около Ильичево в могиле вместе с греческими сосудами и с гераклейской амфорой были кости от напутственной пищи и нож.

В районе Казантипского мыса и к востоку по побережью Азовского моря найдены каменные ящики VI—IV вв. до н. э., ориентированные с востока на запад. Они большей частью бывали ограблены, костяки выкинуты. В них встречались обломки протофазосских, гераклейских и синопских амфор, наконечники стрел, украшения⁴⁹. В неграбленном ящике, раскопанном А. А. Дириним у мыса Эюк, три костяка лежали головами на восток. В ящике нашли чернолаковый килик V в. до н. э., бронзовое зеркало и черпак. Таким образом, погребальные обряды у населения различных районов сельскохозяйственной территории европейской части Боспора в IV—III вв. до н. э. не были одинаковы. Наряду с коллективными погребениями, которые отражают пережитки общинно-родовых культов, существовали одиночные, возможно, свидетельствующие о более развитых религиозных представлениях, соответствующих иной ступени социального развития. Умерших клали в вытянутом положении и в скорченном. Ориентировали их головами на восток, юго-восток, юго-запад, северо-запад и запад. Все это свидетельствует о различных погребальных культах. Это отражается также и в конструкции погребальных сооружений, которые не были одинаковыми: имелись грунтовые могилы и склепы, каменные ящики и плитовые могилы, погребенным часто клали напутственную пищу и вино в амфорах и других сосудах. Различия в погребальных культах могут быть объяснены и различной этнической принадлежностью погребенных. Часть могил принадлежала скифам, часть — таврам, а в могиле у поселения Южно-Чурубашское могли быть похоронены боспорские греки — владельцы сельской усадьбы. Именно этнической неоднородностью населения объясняют разнообразие погребальных обрядов в некрополях боспорских городов⁵⁰.

Отчетливо бросается в глаза изменение погребального обряда в некрополях сельских поселений в первые века н. э. В некрополях I—III вв.

у деревень Кыз-Аул⁵¹, Ново-Отрадное⁵², Семеновка⁵³, Сююрташ⁵⁴ и Фронтовое⁵⁵ погребенные лежали в большинстве случаев головой на восток, тогда как в предшествующий период преобладала западная ориентировка. Каменные ящики, встречающиеся на Керченском полуострове в V—IV вв. до н. э. позднее исчезают. Получают распространение простые грунтовые, плитовые и подбойные могилы, а также склепы. На протяжении всего периода истории Боспорского царства в его европейской части продолжают сосуществовать коллективные и одиночные захоронения, однако в единственном могильнике позднеантичного времени, открытом у дер. Заморское, все погребения были одиночными.

Раскопки некрополей и поселений одинаково свидетельствуют о серьезных изменениях, происходивших на территории сельской хоры европейской части Боспорского царства за долгий период его существования. У нас пока нет достаточных материалов, чтобы сопоставить данные, полученные нами для европейской части Боспора, с аналогичными материалами из сельских поселений азиатской его части. Можно только предположить, что процессы, проходившие в одной части государства, отражались и на населении другой его части и соответственно вызывали одинаковые изменения в религиозных представлениях обитателей всей обширной хоры Боспорского царства.

⁴⁶ Э. В. Яковенко. Раскопки скифских курганов на Керченском полуострове в 1965—1966 гг. «Археологические исследования на Украине 1965—1966 гг.», стр. 36 сл.

⁴⁷ Б. Г. Петерс. Указ. соч., стр. 119.

⁴⁸ В. Н. Корпусова. Указ. соч., стр. 39.

⁴⁹ А. М. Лесков. Об остатках таврской культуры на Керченском полуострове. СА, 1961, № 1, стр. 259; И. Т. Кругликова. Исследование сельских поселений Боспора. ВДИ, 1963, № 2, стр. 70.

⁵⁰ Е. Г. Кастанаян. Грунтовые некрополи боспорских городов. МИА, № 69, 1959, стр. 265; А. Ф. Силантьева. Некрополь Нимфея. МИА, № 69, стр. 13 сл.

⁵¹ В. Ф. Гайдукевич. Некрополи некоторых боспорских городов. МИА, № 69, 1959, стр. 187 сл.

⁵² Т. М. Арсеньева. Указ. соч.

⁵³ И. Т. Кругликова. Некрополь поселения у дер. Семеновки. СА, 1969, № 1, стр. 98 сл.

⁵⁴ А. А. Дирин. Мыс Эюк и сделанные на нем археологические находки. ЗООИД, т. XIX, 1896, стр. 120 сл.

⁵⁵ В. Н. Корпусова. Указ. соч., стр. 41.

И. Б. БРАШИНСКИЙ

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ГРЕЧЕСКОМ ИМПОРТЕ
НА НИЖНЕМ ДОНУ

(по материалам Елизаветовского городища и могильника)

Елизаветовское поселение было наиболее отдаленным северо-восточным торговым центром, в котором на протяжении V—III вв. до н. э. осуществлялись экономические связи греков с местным населением крайней восточной области геродотовой Скифии. Поэтому не случайно, что в связи с изучением Елизаветовского городища и его курганного могильника особое внимание было уделено исследованию греческого импортного материала, в частности массовой керамике из раскопок¹.

Раскопки Елизаветовского городища и его курганного могильника, возобновленные в 1954 г. Южно-Донской экспедицией², весьма значительно расширили материал для суждения о различных сторонах хозяйственной жизни Елизаветовского поселения и позволили подвергнуть критической проверке существовавшие до сих пор выводы об особенностях экономических связей Нижнего Подонья в V—III вв. до н. э.

В свое время И. Б. Зеест, исследуя керамическую тару из Елизаветовского городища и некрополя (раскопки А. А. Миллера), отмечала, что, если не считать хиосских амфор, привозившихся сюда в V и IV вв. до н. э., других групп керамической тары классического времени здесь почти нет³.

Новые материалы в корне меняют картину. В настоящее время мы располагаем многими амфорами указанного времени.

Большой интерес представляют обнаруженные в нескольких погребениях курганного могильника (курган 27, погребение 3, 1966 г.; курган 30, погребение 1, 1967 г.) амфоры Менды третьей четверти V в. до н. э. (рис. 3, 1)⁴, целые экземпляры их до сих пор не были известны в Причерноморье, вследствие чего эта группа амфор не выделялась среди мас-

¹ См.: Т. Н. Книпович. Опыт характеристики городища у станции Елизаветовской по находкам экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры в 1928 г. ИГАИМК, вып. 104, 1934 (1935), стр. 111 сл.; И. Б. Зеест. Керамическая тара Елизаветовского городища и его курганного некрополя. МИА, № 19, 1951, стр. 119 сл. Амфорные клейма из Елизаветовского городища и могильника изучены Б. Н. Граковым в его, к сожалению, неопубликованной докторской диссертации «Клейменная керамическая тара эпохи эллинизма...». М., 1939 (Архив ИА АН СССР, № 538).

² С тех пор проведено девять полевых сезонов. Начальник экспедиции в 1954, 1958—1960 и 1964—1965 гг. — В. П. Шилов, в 1966—1968 гг. — И. Б. Брашинский. Работами на городище в разные годы руководили Н. С. Белова, Я. В. Доманский, Л. К. Галанкина, Э. С. Доманская, К. К. Марченко, Э. С. Шарафутдинова, на могильнике — В. П. Шилов, И. Б. Брашинский и А. И. Демченко. Весь материал из раскопок хранится в Ростовском областном музее краеведения.

³ И. Б. Зеест. Керамическая тара Елизаветовского городища... стр. 119.

⁴ См.: V. Grace. Amphorae and the Ancient Wine Trade. «Excavations of the Athenian Agora». Picture Book № 6. Princeton, 1961, fig. 43.

сового материала из причерноморских раскопок. Эти амфоры представляют собой сравнительно невысокие сосуды (54 см) с очень раздутым шаровидным туловом (диаметр 38,5 см), невысоким горлом, составляющим примерно четверть общей высоты амфоры, и короткой ножкой, расширяющейся к основанию и имеющей с внешней стороны небольшое углубление. Под горлом — неширокий пояс, нанесенный бурой краской.

Второй тип амфор (рис. 3, 2) скорее всего также принадлежит продукции Менды и тоже представлен двумя экземплярами (курган 28, погребение 2, 1967 г.; курган 15, тризна-амфора, фрагментирована, 1966 г.); амфоры несколько отличаются от описанных: переход от горла к тулову менее плавно, плечи широкнее, а нижняя часть тулова приближается к конусообразной форме. Они несколько больше амфор первого типа (высота 66 см, диаметр 44 см) и ножка несколько длиннее, но пропорции и объем почти одинаковы. Вероятно, эти амфоры являются развитым вариантом типа амфор Менды; они датируются, судя по сопутствующему материалу, скорее всего последней четвертью V в. до н. э. Они имеют сходные черты с некоторыми разновидностями типа амфор с рюмкообразной ножкой⁵, сближаются они не только по форме, но и по составу глины. Не исключено, что амфоры с рюмкообразной ножкой (или часть их) представляют собою дальнейшее развитие типа амфор Менды в IV в. до н. э. и начале III в.

Амфоры Менды из Елизаветовского могильника не соответствуют по форме тем, которые И. Б. Зеест отнесла к группе мендских, датировав их V в. до н. э.⁶, хотя некоторые черты сходства отрицать нельзя. По-видимому, амфора, опубликованная И. Б. Зеест (ее мендское происхождение подтверждается процарапанной под венцом надписью ΜΕΝΔΕ), более поздняя, чем елизаветовские, иначе придется предположить, что в Менде параллельно изготавливались амфоры различных типов.

Елизаветовские амфоры Менды являются наиболее ранним надежно датированным свидетельством об импорте знаменитого вина из этого центра Халкидики в Причерноморье. До сих пор о его ввозе было известно по приписываемой Демосфену судебной речи против Лакрита⁷, датированной 341 г. до н. э., и немногочисленным амфорным клеймам Менды, найденным в Ольвии и на Боспоре, относящимся к последней четверти — концу V в. до н. э.⁸ Теперь выясняется, что это дорогое вино потреблялось не только в крупных греческих городах Причерноморья, но и в варварской среде — и притом в весьма раннее время.

Находки фасосской амфоры V в. до н. э. (рис. 3, 3; курган 17, 1966 г.) и амфоры (курган 25, 1966 г.) очень редкого в Причерноморье типа (рис. 3, 4), предположительно отнесенной мной к продукции Самоса и датированной первой половиной V в. до н. э.⁹, позволили установить факт раннего импорта в дельту Дона вина и из этих центров.

Одной из особенностей греческого импорта в Елизаветовское поселение в IV—III вв. до н. э. является неожиданно и необычайно высокий для Северо-Восточного Причерноморья процент херсонесской керамической тары¹⁰. Известно, что в городах Боспора находки херсонесских

⁵ См.: И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора. МИА, № 83, 1960, стр. 88, табл. X, 23.

⁶ Там же, стр. 81, табл. VI, 17.

⁷ [Dem.], XXXV, 10.

⁸ И. Б. Брашинский. Из истории торговли Северного Причерноморья с Мендой в V—IV вв. до н. э. НЭ, III, 1962, стр. 45 сл.

⁹ И. Б. Брашинский. Новые данные о торговле Ольвии с Самосом. КСИА, вып. 109, 1967, стр. 22 сл., рис. 2.

¹⁰ На значение херсонесского импорта на Елизаветовском городище обратила внимание и И. Б. Зеест, анализируя материал из раскопок 1928 г. (см.: И. Б. Зеест. Керамическая тара Елизаветовского городища и его курганного некрополя. МИА, № 19, 1951, стр. 124).

Рис. 3. Амфоры V в. до н. э. из Елизаветовского курганного могильника

1, 2 — Менде, третьей и последней четверти V в.

амфор очень редки¹¹. Среди керамических клейм из Пантикапея, Фанагории, Мирмекии херсонесские составляют ничтожное количество (от 0,5% до 1%)¹². Между тем среди керамической тары Елизаветовского городища выделяются многочисленные амфоры херсонесского производства разнообразных типов (рис. 4). Сравнительно многочисленны и херсонесские амфорные клейма. Из 268 амфорных клейм, найденных в 1928 и 1954—1968 гг., 25 — херсонесских, что составляет более 9%. Даже если принять в расчет и материалы из Елизаветовского курганного могильника, среди которых нет херсонесских клейменных амфор (найдена лишь одна неклеяная¹³) и резко преобладают гераклеийские, что несколько меняет общее соотношение отдельных групп, то и тогда херсонесские амфоры и клейма на Нижнем Дону во много раз превосходят соответствующий материал из городов и поселений как европейского, так и особенно азиатского Боспора. Вместе с тем показательно, что среди эллинистической керамической тары из Танаиса херсонесские амфоры составляют совсем незначительное число¹⁴. Помимо всего прочего, это обстоятельство имеет важное значение для определения хронологических границ херсонесского импорта в дельту Дона. Очевидно, импорт этот

¹¹ И. Б. Зеев. К вопросу о торговле Неаполя и ее значении для Боспора. МИА, № 33, 1954, стр. 75; она же. Керамическая тара Боспора. МИА, № 83, 1960, стр. 28; Д. Б. Шелов. Клейма на амфорах и черепицах, найденных при раскопках Пантикапея в 1945—1949 гг. МИА, № 56, 1957, стр. 214.

¹² Из 595 амфорных клейм, найденных при раскопках Пантикапея в 1945—1949 гг., лишь четыре херсонесских (0,65%) (Д. Б. Шелов. Клейма на амфорах и черепицах... стр. 203). Среди 570 клейм на амфорах из раскопок Фанагории в 1936—1950 гг. всего три херсонесских (0,53%) (Д. Б. Шелов. Керамические клейма из раскопок Фанагории. МИА, № 57, 1956, стр. 129). Среди 3650 амфорных клейм из Мирмекии, подавляющее большинство которых не опубликовано, херсонесских насчитывается 52, что составляет менее 1,5%.

¹³ И. Б. Зеев. Керамическая тара Елизаветовского городища и его курганного некрополя, стр. 122 сл.; она же. Керамическая тара Боспора, стр. 98 и табл. XXI, 386.

¹⁴ Д. Б. Шелов. Экономическая жизнь Танаиса. «Античный город». М., 1963, стр. 116.

Рис. 3. (окончание)

3 — фесская, второй половины V в.; 4 — самоская (?), первой половины V в.

в основном предшествовал времени основания Танаиса (первая четверть III в. до н. э.)¹⁵ и относился главным образом к IV и началу III в. до н. э. Если с этим согласиться, то мы получаем важный материал для уточнения (в сторону удреждения) датировок различных групп херсонесских астиномных клейм. С другой стороны, эта бросающаяся в глаза разница в херсонесском импорте в двух главнейших соседних центрах греко-варварской торговли в дельте Дона может указывать на то, что и после основания Танаиса в течение какого-то времени (возможно, на протяжении большей части III в. до н. э.) Елизаветовское поселение продолжало играть самостоятельную и важную роль в экономических сношениях этого района.

В связи со сказанным встает вопрос, можно ли считать, что херсонесский импорт поступал в Елизаветовское поселение через Боспор (Пантикапей) или же правильнее предположить, что он был результатом непосредственных экономических связей с Херсонесом. Думается, что последнее вероятнее.

Херсонесский импорт на Елизаветовском городище обращает на себя внимание еще и с другой точки зрения. Аналогичный импорт имел место и на Каменском городище на Днепре. Там, как и на Елизаветовском городище, херсонесские амфорные клейма также занимают положение, совершенно не свойственное им в греческих черноморских городах (исключая, разумеется, сам Херсонес и подвластные ему города северо-западного Крыма, в частности Керкинитида). На Каменском городище процент херсонесских клейм даже еще выше, чем на Елизаветовском: из 70 амфорных клейм, опубликованных Б. Н. Граковым, 12 (17%) — херсонесского происхождения¹⁶. И на Елизаветовском городище, и на Каменском херсонесские клейма более или менее синхронны остальным, в особенности — синопским. И тут, и там наблюдается одна общая

¹⁵ Д. Б. Шелов. О времени основания Танаиса. «Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья». Л., 1968, стр. 309.

¹⁶ Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. МИА, № 36, 1954, стр. 87 сл.

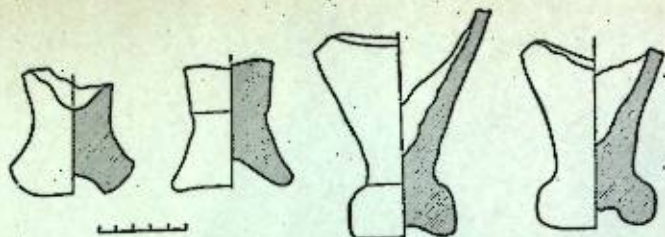

Рис. 4. Типы ножек херсонесских амфор IV—III вв. до н. э. с Елизаветовского городища

черта — повторяемость клейм одних и тех же астиномов: на Каменском городище — Героксена — (пять клейм), на Елизаветовском — Аполлония (семь клейм). Это свидетельствует о крупных одновременных закупках херсонесского вина. Мы полагаем, что параллельный анализ клейм из обоих городищ — Каменского и Елизаветовского позволяет говорить, что херсонесский импорт играл весьма важную роль в их экономических связях. Очевидно, херсонесское вино, не пользовавшееся сколько-нибудь значительным спросом у населения греческих городов Причерноморья, охотно покупалось скифами¹⁷.

Весьма большой интерес представляют неоднократные находки фрагментов амфор неизвестного до сих пор типа. При раскопках Елизаветовского городища в 1954, 1966 и 1968 гг. были найдены нижние части таких амфор и части их венцов и горл с остатками ручек (рис. 5)¹⁸. Судя по этим фрагментам, амфоры имели очень широкое шаровидное тулово на короткой ножке; высота их, по-видимому, была сравнительно небольшой, горла прямыми, скорее всего невысокими. Ручки, судя по незначительным, правда, остаткам, круглые в сечении, прикреплялись они непосредственно к нижней части венчика. Диаметр горла 9—10 см, стенка горла очень тонкая (0,5 см), стенки тулова несколько толще, утолщаясь ко дну. Но наиболее интересными и необычными являются их высокие вертикальные (высотой в 6 см) массивные венцы, нависающие на горло. С внешней стороны венец имеет ребро; сохранились остатки бурых полос или, что менее вероятно, сплошной окраски венца. Аналогии таким венцам среди многочисленных амфор Средиземноморья и Причерноморья архаического, классического и эллинистического времени мне неизвестны. Глина этих амфор очень характерна: в изломе черепок желтого цвета с обильными включениями крупных частиц шамота. Эти особенности, как известно, являются характерной отличительной чертой глиняного теста, из которого изготовлялась толстостенная керамика Коринфа (амфоры, лутерии и т. д.)¹⁹, коринфские кровельные черепицы и терракотовые архитектурные украшения²⁰. Глина амфор с Елизаветовского городища идентична коринфской, и едва ли можно сомневаться в принадлежности их к группе коринфской керамической тары. Однако, полностью соответствия коринфским амфорам по глине, а также и по некоторым особенностям формы (сильно раздутый шарообразный корпус, короткая ножка, круглые ручки), они резко отличаются от всех коринфских амфор, изве-

¹⁷ Отметим, в частности, находку клейменной ручки херсонесской амфоры в Чертомыкском кургане.

¹⁸ См.: Фотоархив ЛОИА АН СССР, 0.1993, табл. 46.

¹⁹ И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора, стр. 17, 71 и табл. 1, 5; И. Б. Зеест, И. Д. Марченко. Некоторые типы толстостенной керамики из Пантикапея. МИА, № 103, 1962, стр. 153 сл.

²⁰ И. Б. Брашиский. Новые архитектурные терракотовые украшения из Ольвии. «Культура античного мира», М., 1966, стр. 47.

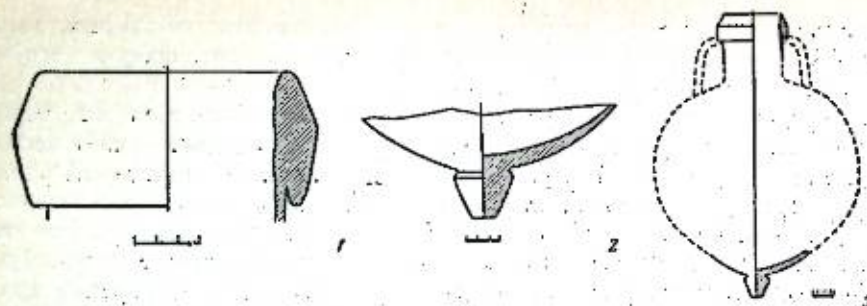

Рис. 5. Обломки коринфских амфор с Елизаветовского городища (1, 2) и реконструируемый тип коринфской амфоры IV в. до н. э. (3).

стных по раскопкам как в самом Коринфе²¹, так и в других местах²² формой своих венцов. Некоторые отличия наблюдаются и в форме ножек — они более тщательно выделены и более изящны, имеют более сложную профилировку. Таким образом, есть основания говорить о новом, неизвестном доселе, типе коринфских амфор.

Сложнее вопрос о дате этих амфор. Все обломки коринфских амфор на Елизаветовском городище найдены в мешаных слоях, ограниченных рамками конца V—III вв. до н. э. Очевидно, к этому времени должны относиться и интересующие нас амфоры. Некоторые соображения склоняют в пользу ранней даты в рамках указанного отрезка времени. Нижняя граница ее определяется тем, что амфоры рассматриваемого типа отсутствуют в коринфских (и иных) комплексах V в. до н. э.²³, верхняя — тем, что коринфский импорт, в частности в Причерноморье, в III в. до н. э. вообще неизвестен: наиболее поздние коринфские изделия здесь датируются временем не позднее второй половины IV в. до н. э.²⁴ Таким образом, коринфские амфоры из Елизаветовского городища вернее всего отнести к IV в. до н. э.; их тип может рассматриваться как дальнейшая эволюция коринфских типов архаического и классического времени. Предложенная дата подтверждается и единственной более или менее близкой аналогией — фрагментированной коринфской амфорой (верхняя часть ее не сохранилась), найденной в одном из погребений (№ 21) некрополя в районе поселка им. Войкова близ Керчи²⁵; амфора датируется тем же временем, что и елизаветовские.

Импорт коринфской керамической тары в Причерноморье был, как известно, вообще очень ограниченным. Тем более примечателен факт их находок на Елизаветовском городище.

Новые материалы из раскопок Елизаветовского городища и могильника далеко не исчерпываются приведенными, но и публикуемый материал позволяет прийти к выводу о том, что, во-первых, импорт греческих товаров, в частности вина в керамической таре, в дельту Дона уже в V в. до н. э. был значительно более широким и разнообразным, чем это предполагалось до сих пор, причем вино перевозили в амфорах ред-

²¹ M. Z. Pease. A Well of the Late Fifth Century at Corinth. «Hesperia», VI, 1937, p. 303, № 199—201, fig. 34, 35; см. также многочисленные публикации отчетов о раскопках Коринфа в «Hesperia», AJA и материалы в серии «Corinth».

²² C. Boulter. Pottery of the mid-fifth Century from a Well in the Athenian Agora. «Hesperia», XXII, 1953, p. 93, tabl. 34, 107; И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора, стр. 17, 71, табл. 1, 5; V. Grase. Указ. соч., рис. 35 (маленькая амфора слева) и др.

²³ M. Z. Pease. Указ. соч.; C. Boulter. Указ. соч.

²⁴ И. Б. Брашиский. Материалы к изучению торговых связей Ольвии. СА, 1968, № 2, стр. 263 сл.

²⁵ С. И. Капошина. Некрополь в районе поселка им. Войкова близ Керчи. МИА, № 69, 1959, стр. 128, рис. 29 (стр. 132).

ких типов, импорт которых на Боспор не характерен; во-вторых, выявляются определенные особенности этого импорта, отличающие его от ввоза на Боспор, в частности в Пантикапей.

Публикуемый материал позволяет, полагаем, отказаться от тезиса о замкнутом и ограниченном характере торговли Елизаветовского поселения, а также в известной мере и от представления об его полной экономической зависимости от Пантикапея. Несомненно, зависимость существовала, но она не была столь сильной, как это предполагалось. Это тем более вероятно, что новые раскопки все более подтверждают местный характер поселения и опровергают мысль о нем, как о боспорской колонии²⁶.

По-видимому, значительная часть греческого импорта поступала на Нижний Дон в результате непосредственных сношений с купцами из различных греческих городов, вероятность чего подкрепляется тем, что экономические связи греков с областью реки Танаиса берут, как известно, начало еще в VII в. до н. э.²⁷

А. Н. ЩЕГЛОВ

ПОСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРЫМА
В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ

В Северо-Западном Крыму вдоль морского побережья от Сакского озера до Донузлава и по берегам Тарханкутского полуострова протянулась цепь укрепленных и неукрепленных поселений античной эпохи. Исследования этих памятников, начатые в 1933—1934 гг. П. Н. Шульцем¹ и проводящиеся особенно интенсивно в последнем десятилетии², позволили выдвинуть иное, чем это было принято предшествующими исследователями, толкование о характере и хронологии поселений, а следовательно, истории всего изучаемого района в целом³.

В общих чертах историческая картина представляется сейчас такой. Поселения в Северо-Западном Крыму (кроме Керкинитиды, основанной, по-видимому, на рубеже VI—V вв. до н. э.) возникают, вероятно, начиная с последней трети IV в. до н. э. как населенные пункты хоры Херсонесского государства. Конец IV и, видимо, весь III до начала II в. до н. э. — время максимального расцвета Херсонеса как в территориальном, так и в экономическом и политическом отношениях. Северо-Западный Крым становится в это время настоящей житницей Херсонеса, поставлявшей главным образом хлеб, а также, по-видимому, продукты скотоводства, соль и рыбу. Однако не позднее середины II в. до н. э. херсонесские поселения и укрепления были захвачены скифами; часть из них была разрушена и больше не восстанавливалась. На пожарах других спешно были возведены небольшие скифские крепости. Есть основания думать, что именно Северо-Западный Крым послужил яблоком раздора между Херсонесским и Скифским государствами, и это привело к бурным событиям последних десятилетий II в. до н. э., вызвавшим походы Диофанта и давшим лишний повод Митридату VI вмешаться во внутреннюю жизнь северопонтийских государств.

Дальнейшая история поселений вплоть до их окончательного запустения, видимо в III в. до н. э., скорее всего связана с историей позднескифского и сарматского мира.

¹ П. Н. Шульц. О работах Евпаторийской экспедиции. СА, III, 1937; он же. Евпаторийский район. «Археологические исследования в РСФСР», М.—Л., 1941.

² Работы осуществляются тремя экспедициями: Чайкинской (с 1959 г.) — под руководством А. Н. Карасева (ЛОИА АН СССР) и И. В. Яценко (МГУ); Донузлавской (с 1960 г.), возглавляемой О. Д. Дашевской (ИА АН СССР) и Тарханкутской (с 1959 г.) — под руководством автора (Херсонесский музей).

³ Точка зрения автора впервые была высказана в докладе на III годичном собрании Одесского археологического общества 30.IX 1963 г. (Севастополь) (А. Н. Щеглов. О населении Северо-Западного Крыма в античную эпоху. ВДИ, 1966, № 4, стр. 149 сл.; он же. Основные этапы истории Западного Крыма в античную эпоху. «Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья», Л., 1968, стр. 332 сл. К близким выводам пришла О. Д. Дашевская.

²⁶ В. П. Шилов. Раскопки Елизаветовского могильника в 1954 и 1958 гг. «Известия Ростовского областного музея краеведения», № 1 (3), 1959, стр. 26; И. Б. Брашинский, А. И. Демченко. Исследования Елизаветовского могильника в 1966 г. КСИА, вып. 116; Д. Б. Шелов. Танаис и Нижний Дон. Автореферат докт. дисс. М., 1968, стр. 17.

²⁷ Т. Н. Книпович. Танаис, стр. 7 сл.

Что же представляли собой поселения Северо-Западного Крыма на разных этапах своего существования? В эпоху херсонесской колонизации края, т. е. в конце IV—первой половине II в. до н. э., была, надо думать, освоена вся прибрежная полоса. Плодородные земли, особенно на южном берегу Тарханкутского полуострова, были защищены от холодных ветров северного направления увалами Тарханкутского поднятия. Здесь еще сохранялась древесно-кустарниковая лесостепная растительность, имелись удобные берега с мысами, лагунами и озерами, в которых можно было добывать соль. Наконец, экспансии Херсонеса способствовала общеполитическая обстановка, сложившаяся в Северном Причерноморье в последней трети IV в. до н. э.

В херсонесскую хору входили следующие типы поселений:

1. Города с прилегающими к ним сельскохозяиственными округами (Керкинитиды и Калос Лимен). Города были окружены крепостными стенами и имели, по-видимому, регулярную планировку улиц. В их окрестностях на земледельческой территории, размежеванной на клеры, находились крупные загородные усадьбы. Они известны по раскопкам Н. Ф. Романченко, Л. А. Моисеева и Б. В. Фармаковского на берегу Мойнакского озера близ Евпатории (округа Керкинитиды) и раскопкам Тарханкутской экспедиции у бухты Ветреной неподалеку от пос. Черноморского (округа Калос Лимена).

2. Укрепления. Одно из них исследуется А. Н. Карасевым неподалеку от Евпатории, у санатория «Чайка», в 7 км к западу от Керкинитиды⁴. Возможно, к значительным укрепленным пунктам можно будет отнести Караджинское городище в с. Оленевке и Кульчукское (Красный Курган) городище, лежащее в 2 км к востоку от с. Лазурное.

3. Поселения, состоящие из небольшого укрепления (типа большой укрепленной сельской усадьбы) и расположенного возле него селения (Белаяс, Тарпанчи, Джан-баба). Укрепление Белаяс⁵ у западного конца пересыпи Донузлавского озера, например, занимало площадь около 3500 кв. м и имело на одном из углов башню, подобную башням сельских усадеб херсонесской городской округи на Герраклеевском полуострове, позднее укрепленную дополнительным противотаранным поясом. Площадь селища здесь не установлена. На подобном комплексном поселении Тарпанчи у с. Окуневка пока точно неизвестна площадь укрепленной усадьбы (по ряду признаков можно полагать, что оно было близким белаясскому), а селение размещалось на территории около 0,7—1,0 га. Известный тип жилища на нем — землянка с невысокими наземными стенами, сложенными из камня. Возможно, что в поселениях, примыкавших к укреплениям, жило местное, по-видимому, зависимое или полузависимое земледельческое население. Вместе с тем отметим, что ни на одном из обследованных Тарханкутской экспедицией поселений Северо-Западного Крыма не обнаружено материала ранее конца IV—начала III в. до н. э. Поэтому говорить о существовании на месте поселений херсонесской хоры поселений местного оседлого населения, непосредственно предшествовавших херсонесской колонизации края, пока нет оснований, хотя письменные источники и позволяют локализовать в этом районе сатархов⁶.

4. Комплекс вилл. Примечательным образцом такого населенного пункта является поселение, открытое в 1965 г. на северном берегу оз. Панское. Оно некогда было расположено на склоне балки; но в результате

⁴ А. Н. Карасев. Раскопки на городище Чайка близ Евпатории. КСИА, вып. 95, 1963; он же. Раскопки на городище Чайка в 1963 г. КСИА, вып. 103, 1965.
⁵ О. Д. Дашевская, А. Н. Щеглов. Херсонесское укрепление на городище Белаяс. СА, 1965, № 2; О. Д. Дашевская. Раскопки в Северо-Западном Крыму. «Археологические открытия 1965 г.», М., 1966, стр. 119 сл.
⁶ А. Н. Щеглов. О населении Северо-Западного Крыма..., стр. 146—149.

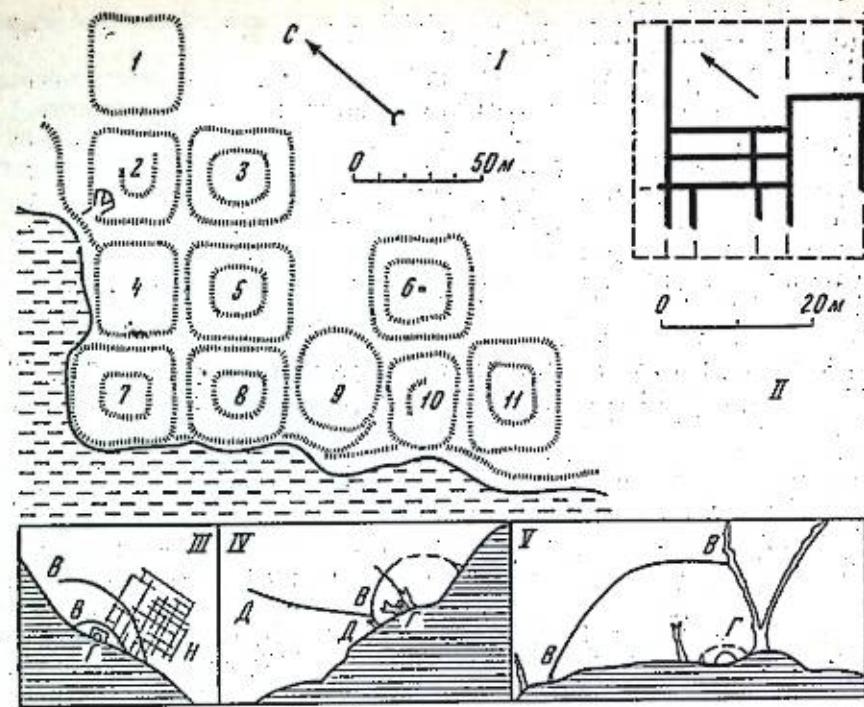

Рис. 6. Типы поселений северо-западного Крыма в античную эпоху

I — комплекс вилл IV—III вв. до н. э. у оз. Панское; II — план усадьбы № 1 на поселении у оз. Панское; III—V — урчи поселений по длинным воздушной и наземной разведок (III — Аврчи, IV — Джан-Баба, V — Тарпанчи); Г — городище; В — вали и рвы; И — следы земельных наделов; Д — следы древней дороги

поднятия уровня моря за историческое время и, возможно, вертикальных локальных движений суши оно сейчас частично подтоплено водами сравнительно недавно образовавшегося озера.

Поселение имеет строгую правильную планировку (рис. 6, I), соответствующую так называемой Гипподамовой системе, и насчитывает 11 крупных усадеб, отчетливо прослеживаемых на поверхности. Все усадьбы примерно одинаковой величины — 30 (34) м × 30 (34) м, квадратные в плане, с большими внутренними дворами. Площадь отдельного хозяйства — около 1200—1300 кв. м. Судя по видимым контурам (рис. 6, II; 2), их архитектурно-планировочное решение идентично сельским виллам в округе Херсонеса (здесь только нет башен) на Герраклеевском полуострове, усадьбе у бухты Ветреной близ Калос Лимена и некоторым малоазийским сельским виллам эллинистического времени.

Во дворе дома № 6 (рис. 6, I; 2) находится вырубленный в скале прямоугольный подвал (?) (1,70 × 0,85). Небольшой стратиграфический шурф во дворе этого дома открыл завал раздавленной и растрескавшейся, очевидно в огне пожара, разнообразной керамики: амфор (преимущественно херсонесских, а также снопских и «Солоха»), лутернев, блюд для рыбы, различной простой и чернолаковой, а также лепной посуды. Все найденные здесь амфорные клейма — херсонесские с именами астиномов: Аполлония (6 экз.), Диоскурида (1 экз.), Эвклида (1 экз.), Ксанфа (1 экз.) и монограммой (1 экз.)⁷. Материалы из шурфа и с поверхностных сборов позволяют предварительно датировать поселение концом

⁷ Р. Б. Ахмеров. Об астиномных клеймах эллинистического Херсонеса. ВДИ, 1949, № 4, стр. 112 сл., № 18, 31, 34, 82; он же. О клеймах керамических мастеров эллинистического Херсонеса. ВДИ, 1951, № 3, стр. 80, № 5.

IV—III в. до н. э. Нет сомнения в том, что комплекс вилл погибает в период войн Херсонеса со скифами.

К северу от поселения находится курганный комплекс, насчитывающий более 50 насыпей. Скорее всего, она относится к этому памятнику.

Поселение, состоящее из группы крупных сельских вилл — новый для Северного Причерноморья вид античного памятника. Важность исследования поселения у оз. Панского очевидна; тем более, что оно не повреждено позднейшими перестройками и наслоениями. Не исключено, что близким по характеру поселением может оказаться Южно-Донузлавское городище на первом этапе своего существования, где О. Д. Дашевской открыты остатки крупной греческой усадьбы⁸ с характерной для сельских вилл планировкой.

5. Отдельно стоящие неукрепленные усадьбы. Такими, видимо, были населенные пункты у мыса Ойрат, Акчи-Сарай (Пристань № 15), Окуневка I, Западно-Донузлавское и, может быть, Тереклам-Конрат и Молочное. Показательна усадьба у мыса Ойрат, которая вместе с примыкающими к ней крупными, прекрасно сохранившимися земельными наделами составляет единый хозяйственный комплекс.

Некоторые поселения Северо-Западного Крыма в силу их недостаточной изученности пока не могут быть отнесены к какому-либо из выделенных типов (близ с. Владимировки, в с. Лазурном, Аирчи — на окраине с. Витино, Кара-Тобе — у входа на пересыпь Сасык-Сивашского озера и др.). Вместе с тем на них выявлены четкие эллинистические слои, а возле Аирчи, как показывают аэрофотоснимки, замечены следы размежевки (рис. 6, III, Н), позднее перекрытые, вероятно, скифскими оборонительными линиями (рис. 6, III, В). Исследование этих памятников, возможно, выявит и новый тип поселения. Так, у Владимировки два рода жилищ: землянки и каменные наземные дома.

Поселения Херсонесской хоры располагались либо на самом берегу моря — чаще всего на мысах и на берегах небольших заливов, а также у устья балок — либо в непосредственной близости от него. Эта особенность отличает топографию поселений Херсонесского государства от Боспора. Там, как известно, населенные сельские пункты (в том числе и крупные усадьбы) находились и в глубине Керченского полуострова (на территории европейского Боспора). Создается впечатление, что Херсонесом в Северо-Западном Крыму была освоена только узкая прибрежная полоса.

Перечисленные типы населенных пунктов херсонесской хоры, по-видимому, позволяют говорить о Херсонесе конца IV—II вв. до н. э. как о типичном эллинистическом государстве с полисной автократией. Действительно, здесь мы сталкиваемся, очевидно, со всеми теми видами поселений, которые характерны, в частности, для малоазиатских эллинистических государств (сходная картина, вероятно, была и на Боспоре): города с ближайшей земледельческой округой и системами клеров, пользующиеся, по-видимому, некоей автономией (Керкинитиды — судя по собственному, хотя и кратковременному, чекану монет); крепости, крупные и мелкие поместья, деревни. Отсюда, видимо, можно предполагать и свойственный эллинистическим государствам сложный этнический и социальный состав населения хоры, среди которого, очевидно, была и крупная рабовладельческая землевладельческая знать, и мелкие и средние свободные общинники, и различные категории зависимого и полузависимого земледельческого населения. Надо думать, что исследование памятников херсонесской хоры подводит нас вплотную к проблеме синойкизма. Дальнейшее всестороннее изучение памятников херсонесской хоры значительно

⁸ О. Д. Дашевская. Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1963—1965 гг. КСИА, вып. 109, 1967, стр. 65 сл.

приблизит нас к пониманию структуры Херсонесского государства в эпоху его расцвета, т. е. с конца IV и по начало II в. до н. э.

Во II в. до н. э. картина меняется. Поселения херсонесской хоры захватываются и почти все уничтожаются скифами. Керкинитиды и Калос Лимен лежали в развалинах. Сельские загородные виллы в их окрестностях были сожжены. Такие селения и усадьбы, как Панское, Акчи-Сарай, Окуневка I, Западно-Донузлавское и, возможно, Молочное и Беляусское селище погибают окончательно и более не возрождаются. На руинах других спешно возводятся небольшие крепости скифов. К ним относятся Чайка, Аирчи, Южно-Донузлавское (Поповка), Кульчукское, Тарпанчи, Джан-Баба и Караджинское городища, а также, может быть, Кара-Тобе и Владимировка. Вероятно, скифами были использованы и старые греческие крепостные стены городов, а также, по-видимому, укрепление Беляус.

В последние годы проводятся раскопки трех скифских крепостей: Чайки (А. Н. Карасев и И. В. Яценко)⁹, Южно-Донузлавской (О. Д. Дашевская)¹⁰ и Тарпанчи (А. Н. Щеглов)¹¹. В результате исследований теперь возможно представить себе облик этих укреплений, возводившихся из рваного камня на глиняном растворе.

Южно-Донузлавская крепость, например, в плане имела овальные очертания. Ее система укреплений состояла из рва и вала, в одном месте присыпанного к стенам греческого дома, предшествовавшего периоду. С напольной стороны ров и вал были облицованы камнем. По верху вала, возможно, шла стена. Крепость Тарпанчи (как и Чайка) в плане — прямоугольная. Площадь — около 1800 кв. м. Оборонительная система состояла из глубокого и широкого рва (скат которого, обращенный в сторону неприятеля, также был облицован камнем) и крепостной стены с близко поставленными башнями. Вероятно, вскоре после строительства стена и башни укрепляются дополнительным мощным противотаранным поясом. Хорошая сохранность памятника позволяет реконструировать его крепостные сооружения.

Крепость Тарпанчи сохраняла ориентировку, а возможно, в какой-то степени и план предшествовавшего греческого укрепления, но в целом ее облик был иным — чрезвычайно близким к городищам на Нижнем Днепре (особенно к Козацкому). В I в. до н. э. — начале н. э. она становится укрепленным центром, своеобразным «акрополем» большого поселения, жители которого занимались, кроме земледелия и животноводства, рыбным промыслом. На поселении открыта также керамическая печь, в которой обжигалась лепная посуда.

Исследования Тарханкутской экспедиции с применением материалов аэрофоторазведки, проведенной К. В. Шишкиным, показали, что оборонительная система на поселениях Северо-Западного Крыма в поздний период их существования не ограничивалась укрепленным «акрополем», а включала дополнительные системы валов или рвов, опоясывавших как все поселение в целом, так, по-видимому, и прилегавшие непосредственно к нему

⁹ А. Н. Карасев. Раскопки на городище Чайка близ Евпатории. КСИА, вып. 95, 1963; он же. Раскопки на городище Чайка в 1963 г. КСИА, вып. 103, 1965; он же. Раскопки у санатория «Чайка» в Евпатории. «Археологические открытия 1965 г.»; он же. Раскопки городища Чайка в Евпатории. «Археологические открытия 1966 г.» М., 1967.

¹⁰ О. Д. Дашевская. Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1960 г. КСОГУ и ОГАМ, 1960 г., 1961; она же. Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1961—1962 гг. КСОГАМ 1962 г., 1964; она же. Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1963—1965 гг. КСИА, вып. 109, 1967; она же. Археологические исследования близ оз. Донузлав. «Археологические открытия 1966 г.»

¹¹ А. Н. Щеглов. Разведки 1959 г. на западном побережье Крыма. СХМ, II, 1961; он же. Раскопки городища Тарпанчи в 1960 г. СХМ, III, 1963; он же. Тарханкутская экспедиция в 1962—1963 гг. КСИА, вып. 103, 1965; он же. Раскопки в Северо-Западном Крыму. «Археологические открытия 1966 г.»

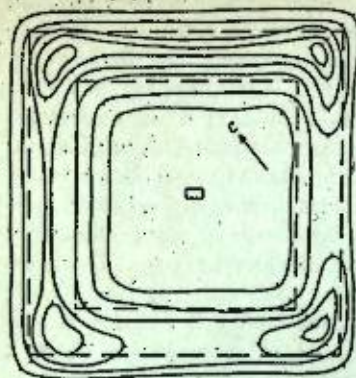

Рис. 7. План усадьбы № 6 на поселении у оз. Панское

земельные участки. Следы таких дополнительных ограждений выявлены почти на всех памятниках (Владимировка, Жан-Баба, Тарпанчи, Кульчукское, Анрчи (рис. 6, III—IV)). Это особенно сближает топографию поселений изучаемого района с нижнеднепровскими, где известна аналогичная оборонительная система. О связи скифских поселений Северо-Западного Крыма с городищами на Нижнем Днестре говорят и формы лепной орнаментированной керамики. Можно предположить, что возникновение скифских поселений в Северо-Западном Крыму связано с перемещением сюда какой-то части населения из районов Нижнего Поднепровья в период войн скифов с Херсоном.

В I—II вв. н. э. наблюдаются следы каких-то разрушений; возможно некоторые укрепления (например, Южно-Донузлавское)¹² в конце I—начале II в. перестают существовать. На Тарпанчи около II в. уничтожаются крепостные стены. Промежутки между башнями засыпаются мусором, на руинах стен и башен строятся жилые дома. Лишенное «акрополя», Тарпанчи превращается в обширное неукрепленное селение. Во II—III вв. наблюдается подъем экономики поселения, строятся новые здания. Судя по находкам металлических шлаков на городищах Тарпанчи и Жан-Баба, можно предполагать собственное, хотя, по-видимому, и небольшое по масштабам производство железа.

В архитектуре поселений первых веков н. э. наблюдается, с одной стороны, определенная преемственность, идущая, вероятно, от греческой архитектуры эпохи эллинизма, с другой — связь с архитектурой нижнеднепровских поселений. Это касается и фортификационной и жилой архитектуры. Вместе с тем на поселениях Северо-Западного Крыма с I в. до н. э. становится известным новый тип жилища — круглые, по-видимому, сарматские юрты, существующие наряду с каменными строениями. Такие юрты открыты П. Н. Шульцем на городище Кара-Тобе¹³ и О. Д. Дашевской на Южно-Донузлавском городище¹⁴. Ряд фактов позволяет предполагать появление сарматов (и, вероятно, роксоланов) в этих местах со времени скифо-херсонесских войн.

Окончательное запустение поселений Северо-Западного Крыма наступает, очевидно, в III в. Раскопки на Тарпанчи показали картину спешного бегства его жителей, вероятно, перед лицом приближавшейся внешней грозной опасности. Быть может, это была угроза надвигавшейся волны готского союза племен?

Отдельные единичные находки керамики III—IV вв. происходят с нескольких поселений (Ойрат, Лазурное), а на поселении Морское I найден один обломок амфоры V—VI вв. (с глубоким и частым рифлением), но это уже следы какого-то мимолетного пребывания человека на местах некогда густонаселенных и цветущих поселений.

¹² О. Д. Дашевская. Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1963—1965 гг., стр. 65.

¹³ П. Н. Шульц. О работах Евпаторийской экспедиции, стр. 253 сл.; он же. Евпаторийский район, стр. 273 сл., рис. 73, 74.

¹⁴ О. Д. Дашевская. Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1963—1965 гг., стр. 69 сл., рис. 20.

Э. А. РИКМАН

О ВЛИЯНИИ ПОЗДНЕАНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ НА ЧЕРНЯХОВСКУЮ В ДНЕСТРОВСКО-ПРУТСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ

Процессы активного воздействия античного мира на варварские племена особенно усилились в первых столетиях н. э., когда в варварской культуре под влиянием античного мира произошли коренные изменения¹ и античное влияние на прикладное искусство распространилось на племена, обитавшие на севере Восточной Европы и Западной Сибири². В большей степени это относится к Северному Причерноморью: черняховскую культуру, в Днестровско-Прутском междуречье в частности, нередко именуют провинциально-римской, разумея под этим наименованием глубокое проникновение позднеантичной культуры в варварский мир, переработку варварской культуры под влиянием позднеантичной.

Действительно, близость римских провинций, общение с населением которых происходило и в мирный период и во время военных походов, проникновение жителей позднеантичных центров в глубь варварской территории и попытка их там закрепиться, торговля импортными товарами, которая охватывала широкие слои общинников, циркуляция в среде последних римской монеты в качестве средства внутреннего денежного обращения — в такой обстановке проходило влияние позднеантичной культуры на черняховскую.

Ниже мы увидим, что ряд сторон черняховской и позднеантичной культур сходен. Нельзя сомневаться в том, что это сходство порождено воздействием высокоразвитой античной культуры на черняховскую. Источники этих влияний — античные города и другие поселения Причерноморья — просуществовали одновременно с племенами черняховской культуры до гунского вторжения.

Особенно ясно сказывается это влияние на керамическом производстве черняховцев. Так, например, круглые в плане горны для обжига посуды, распространенные в Днестровско-Прутском междуречье и в других областях, где расселялись черняховцы, напоминают позднеантичные печи для обжига керамики³. Техника производства гончарной керамики черняховцев заимствована в позднеантичных центрах, где эта техника зародилась еще в последних веках до н. э., способы обработки поверхности и состав глиняного теста, обжига, характерные для керамики черняховцев, в античных городах появляются уже в керамике эллинистической эпохи⁴. Видимо,

¹ В. Д. Блаватский. Воздействия античной культуры на страны Северного Причерноморья. СА, 1964, № 2, стр. 26.

² А. П. Смирнов. Античные элементы в культуре населения Севера Восточной Европы. «Культура античного мира». М., 1966, стр. 237.

³ М. А. Тиханова. О локальных вариантах черняховской культуры. СА, 1957, № 4, стр. 181.

⁴ Е. И. Левин. Ольвийская агора. МИА, № 50, 1956, стр. 71.

подражая античной металлической посуде, мастера меняли естественный желтый цвет глины на серый посредством восстановительного (без доступа воздуха) обжига. Краснолаковая посуда справедливо рассматривается как созданная в подражание краснолаковой античной керамике⁵.

Ряд распространенных у черняховцев форм керамики возник из позднеантичных прототипов (рис. 8). Так, форма кувшинов, двуручных (Будешты, Делакау, Балабанешты и т. д.) и одноручных (Будешты), возникла на основе переработки форм краснолаковых двуручных канфаров и одноручных кувшинов.

Очевидно, на формирование формы одноручных кувшинов типа II, вида А⁶ оказала влияние и соответствующая импортная бронзовая посуда⁷. В этой же связи укажем на сходство горшков черняховской культуры типа I, вида Б⁸ с бронзовыми сосудами⁹.

Наблюдается сходство зерновиков, которые встречаются почти на всех поселениях черняховской культуры, с пифосами из античных городов Причерноморья. Так, например, пифос I в. н. э. из Южно-Донузлавского городища (в районе Евпатории)¹⁰ обладает основными особенностями красных зерновиков. Совпадают размеры, форма тулова, венчиков, орнаментация с помощью валиков с надрезами.

Близость форм мисок, вырабатываемых черняховцами, типа I видов А и Б¹¹ с краснолаковыми мисками первых столетий н. э.¹² свидетельствует о зависимости форм мисок черняховцев от продукции античных гончаров и о происхождении форм черняховских мисок от античной керамической продукции.

В некоторых случаях особенно ясно видно, что миски из памятников черняховской культуры получили свою форму от краснолаковых или металлических мисок.

Так, миски (Будешты) с округлым туловом, округленными косо срезаемыми краями, лишенными венчиков, на кольцевых поддонах или на плоских днищах живо напоминают бронзовые чаши на поддонах, производимые в провинциях Римской империи и городах Северного Причерноморья главным образом во II в. н. э.¹³

Интересно, например, близкое сходство между серолощенной миской из селища Тудорова и краснолаковой чашей из Будешты. Это сходство свидетельствует о применении мастерами в качестве образцов краснолаковых сосудов, попавших в Днестровско-Прутское междуречье скорее всего из Тиря. Форма краснолаковой миски при изготовлении черняховских сосудов была творчески переработана местными мастерами¹⁴.

Цилиндрические округлодонные глиняные кубки воспроизводят форму соответствующих стеклянных кубков. Любопытно, что на некоторых кубках (Балцаты) в глине имитируется орнамент, типичный для стеклянных изделий этого рода: вышлифованные овалы.

⁵ И. Т. Круглякова. Боспор в позднеантичное время. М., 1966, стр. 138.

⁶ Э. А. Рикман. Памятник эпохи великого переселения народов. Кишинев, 1967, стр. 25.

⁷ A. Radnoti. Die römischen Bronzegefäße von Pannonien. Budapest, 1938, fig. XIV, 78; XLII, 8.

⁸ Э. А. Рикман. Указ. соч., стр. 22.

⁹ A. Radnoti. Указ. соч., табл. XXX, 4.

¹⁰ Раскопки О. Д. Дашевской в 1967 г.

¹¹ Э. А. Рикман. Указ. соч., стр. 23.

¹² В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритак в 1935—1940 гг. МИА, № 25, 1954, рис. 27; Т. Н. Книпович. Краснолаковая керамика первых веков н. э. МИА, № 25, рис. 11.

¹³ А. И. Мелюкова. Сарматское погребение из кургана у с. Олошты (Молдавская ССР). СА, 1962, № 1, стр. 197, 199 и рис. 2, 2.

¹⁴ Сходные формы античных и черняховских предметов см.: Э. А. Рикман. Памятники искусства первой половины I тыс. н. э. «Археология, этнография и искусствоведение Молдавии». Кишинев, 1968, рис. 2.

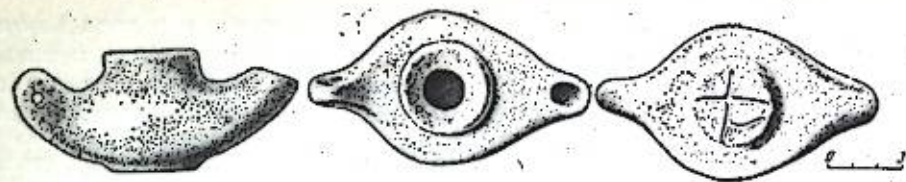

Рис. 8. Глиняный светильник из жилища 2 черняховской культуры (селище Собрарь)

Орнаментированная с применением штампов посуда изготовлялась по античным образцам. Об этом свидетельствует сходство изображений на краснолаковых тарелках и мисках конца III—первой половины IV в. из Истрии с фигурами, оттиснутыми на посуде, выполненной черняховцами. И здесь, и там наблюдаем сходные технику и манеру орнаментации: комбинации отпечатков различных штампов. И здесь, и там сталкиваемся со сходными мотивами на отдельных штампах: концентрическая окружность, розетка, ромб, сердцевидная фигура, утка или лебедь. Учитывая могучее влияние античного мира на формирование облика культуры черняховцев, можно думать, что и в рассматриваемом орнаменте проявляется античное влияние, тем более, что посуда, покрытая штампованными узорами, была широко распространена и у черняховцев, и в античном мире¹⁵.

Формы глиняных биусеченноконических пряслиц¹⁶, конусообразных и пирамидальных грузил ткацкого станка также восходят к позднеантичным прототипам. Эти предметы одинаково широко распространены у черняховцев и у жителей городов Северного Причерноморья. Прототипы костяных и железных черняховских гребней с овальными и треугольными ручками имеются на римских памятниках (Помпей)¹⁷.

Судя по находке в жилище черняховской культуры на селище Собрарь красноглиняного лепного светильника с гладкой поверхностью, можно с уверенностью заключить, что для освещения домов применялись светильники, идентичные античным¹⁸.

Среди домашних животных на поселении Будешты был осел. Появление этого животного, распространенного почти исключительно в античных городах Северного Причерноморья¹⁹, на черняховском поселении также можно объяснить связями с античными городами.

Римская военная система оказала значительное влияние на организацию военного дела у готов, входивших в число носителей черняховской культуры в Днестровско-Прутское междуречье. Об этом свидетельствует то, что среди слов, заимствованных готами из латыни, особенно много терминов, связанных с военным делом и лагерной жизнью²⁰.

Быт римских солдат повлиял и на быт черняховцев, о чем свидетельствуют находки плоско-выпуклых жетонов из стеклянной пасты — принадлежностей игры или счета в Ханске (синего цвета)²¹, Фрунзовке (чер-

¹⁶ Em. Popescu. Ceramica romană tirzie cu decor stampilat descoperită la Histria. SCIV, IV, anul 16. București, 1965, p. 697, 698, 714, 717, fig. 1, 7, 8; 2, 1, 3; 5, 8.

¹⁷ P. Nicorescu. Fouilles de Tyras. «Dacia», III—IV, 1927—1932. București, 1933, fig. 122.

¹⁸ Ф. Велишский. Быт греков и римлян. Прага, 1878, рис. 309.

¹⁹ Раскопки Э. А. Рикмана в 1967 г. См., например: В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритак... рис. 27.

²⁰ В. И. Цалкин. Домашние животные Восточной Европы в раннем железном веке. «Бюллетень Московского общества испытателей природы», отдел биол., т. XIX (3), 1964, стр. 29.

²¹ А. Р. Корсунский. О социальном строе вестготов в IV в. ВДИ, 1965, № 3, стр. 73.

²² Раскопки И. Т. Никулицы в 1967 г.

ного и белого цветов)²² и на многих других поселениях и в могильниках племен черняховской культуры вне рассматриваемого района, а также в Тире, где находился римский гарнизон. Справедливо предполагают, что эта игра была заимствована варварским населением от римских военных отрядов, стоявших в городах Северного Причерноморья²³.

К периоду черняховской культуры на территории Днестровско-Прутского междуречья относятся первые случаи использования греческой и латинской письменности²⁴. В этой связи интересен игольник, найденный в Будештах в погребении 89 могильника II—IV вв. н. э. Игольник цилиндрической формы сделан из трубчатой кости птицы. На нем нанесены буквы F и S. Погребение, в котором найден футляр, — обычное для варваров по ритуалу и инвентарю, ничем не отличается от остальных ни по позе погребенного, ни по характеру вещей, положенных в могилу вместе с покойным. Несомненно, что рядовой малоценный игольник не был привезен извне. Он сделан на поселении Будешты. Футляр вместе с находившейся в нем иглой был личным предметом погребенной женщины.

Владелица пометила его, вероятно, начальными буквами своего имени. Написание букв находит аналогию в эпиграфических памятниках римской Дакии, например в надписи, датированной 168 г., на алтаре из Капидавы²⁵.

В развалине жилища 1 на поселении вблизи могильника найдено пряслице, сделанное из ножки амфоры III в. н. э. На пряслице процарапана буква T. Древние люди нередко метили пряслица. Например, на древнерусских пряслицах встречаются буквы, отдельные слова, имена владельцев. Видимо, одна из жительниц поселка Будешты пометила начальную буквой своего имени это орудие труда.

Третий предмет из той же серии найден на селище черняховской культуры у с. Собарь Сорокского района. В развалинах каменного здания найден обломок известняковой чаши с процарапанными буквами R и V (рис. 9).

Начертание первой буквы обычно для эпиграфических памятников II—III вв. н. э., например для штемпелей и граффити на светильниках из римской Дакии. Не совсем обычна буква V, однако и ее начертанию имеется довольно близкая аналогия в клейме на светильнике, где отгиснуто имя TITVS²⁶.

Интересно днище кругового серого гладкого сосуда с кольцевым поддоном²⁷, типичного для памятников черняховской культуры, с греческими буквами K (каппа) и Ω (омега)²⁸, начертанными до обжига. Написать эти буквы мог только гончар, может быть, выходец из позднеантичного центра. Видимо, мастера из Тира или Истрии передавали гончарам из Днестровско-Прутского междуречья навыки античного керамического дела.

²² А. А. Кравченко. Могильник черняховской культуры в селе Фрунзовка. «История и археология юго-западных областей СССР начала нашей эры». МИА, № 139, 1967, рис. 2, 7—11.

²³ Э. А. Симонович. Игально-счетные жетоны на памятниках черняховской культуры. СА, 1964, № 3, стр. 309; В. В. Кропоткин. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. М., 1967, стр. 101, 102.

²⁴ Э. А. Рикман. Инскрипции стронек. — Иструл, 1966, № 4, II.

²⁵ N. Gostar. Studii epigrafice. IIAM, IV, București, 1966, p. 185, fig. 7.

²⁶ N. Gostar. Inscipile de pe Lucernele din Dacia Romana. AM, I, București, 1961, p. 194—195, des. 10, 15.

²⁷ Фрагмент найден на территории МолдССР пионерами-туристами. Место, где сделана находка, более точно не зафиксировано.

²⁸ Начертание омеги имеет аналогию в греческом лапидарном письме конца II в. н. э. из Ольвии и III в. из Боспора (см.: Т. Н. Книпович. Греческое лапидарное письмо в памятниках Ольвии. НЭ, VI, 1966, табл. IV; А. И. Болтунова и Т. Н. Книпович. Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре. НЭ, III, 1962, табл. IV, 3; по форме начертания каппы время установить не удастся).

Рис. 9. Обломок известняковой чаши с процарапанными буквами RV

На основании упомянутых выше находок можно прийти к заключению, что во II—IV вв. н. э. среди населения рассматриваемой территории хотя и были люди, писавшие на латинском и греческом языках; но, вероятно, их было мало, так как буквы обнаружены только на четырех предметах. Возможно, лица, начертавшие буквы на чашах из камня и глины, прибыли из древней Тире или из других городов Нижней Мезии или Дакии. Племена, проживавшие на территории Днестровско-Прутского междуречья, были в постоянном общении с населением этих провинций. Иное можно сказать о лицах, начертавших буквы на игольнике и пряслице. Правомернее предположить здесь приобщение к письменности представителей одного из варварских племен, населявших в ту эпоху территорию, соседствующую с римскими провинциями.

Приведенные факты позволяют предположить оседание в варварских поселениях лиц, прибывших из античных городов, и, что более важно, восприятие письменности отдельными представителями местных племен.

Можно предположить влияние античного мира на религию черняховцев. Как мы видели, у черняховцев наблюдался ряд языческих верований, некоторые из них возникли как будто под влиянием античного мира (культ Кибелы)²⁹.

Племена черняховской культуры могли, вероятно, воспринять его из городов Северного Причерноморья, например Тире, где почитали эту богиню. Вместе с тем Э. А. Симонович обратил внимание на то, что наиболее поздние погребения в могильниках черняховской культуры, в частности на территории Молдавии (Будешты, Малаешты), ориентированы головой на запад (поза, типичная для христианских захоронений), что эти погребения в наиболее глубоких ямах и почти или вовсе лишены сопровождающего инвентаря. Справедливо полагают, что эти факты объясняются влиянием христианства.

Действительно, к IV в. н. э. главным образом у готов-тервингов в областях Нижнего Подунавья и Днестровско-Прутского междуречья, замена язычества христианством в форме арианства зашла довольно далеко³⁰. В низовьях Дуная протекала деятельность Ульфилы, который создал готскую письменность и перевел на готский язык часть богослужебных христианских книг³¹.

²⁹ Э. А. Рикман. Погребальные обряды Будештского могильника. МИАЭ МССР. Кишинев, 1964, стр. 145, 146.

³⁰ М. А. Тиханова. Готы в Причерноморских степях. «Очерки истории СССР», М., 1956, стр. 135, 136.

³¹ Филосторгий. Церковная история. Вторая книга, 5. ВДИ, 1948, № 3; стр. 281.

Для черняховцев Днестровско-Прутского междуречья, живших в непосредственной близости от Нижнего Дуная, где обитали германские племена, принявшие христианство, приведенное объяснение появления костяков с западной ориентировкой представляется довольно убедительным. Следовательно, первые признаки грамотности и христианства появляются одновременно.

В позднеантичной христианской литературе сложилось мнение, что христианство распространялось среди сарматов и даков. Об этом писали: Тертулиан (II—III вв. н. э., он писал о сарматах и даках)³², Кирилл Иерусалимский (IV в. н. э.)³³, Феодорит Кирский (середина V в. н. э.)³⁴. Эти известия, далеко не бесспорные, содержат, может быть, элементы достоверного.

Церковные писатели отметили влияние христианства на погребальный обряд варварских племен. Язычество (почитание идолов-кумиров) отступало медленно, этот процесс затянулся на долгие столетия. Оно поддерживалось, например, племенным вождем Атанарихом³⁵. Распространение христианства является показателем распада родовых отношений и роста социального неравенства.

Примеры, подобные приведенным выше, можно было бы умножить. Из них видно, что черпала варварская культура в позднеантичной. К этому надо еще добавить, что на быт черняховцев глубокое воздействие оказывали распространенные на поселениях импортные предметы. Все это вместе придало памятникам черняховской культуры тот характерный облик, который именуется провинциально-римским.

Изложенные разрозненные, но довольно многочисленные факты свидетельствуют о том, что варварское население подвергалось в какой-то степени романизации, причем степень эта была более ощутимой в области материальной культуры, нежели духовной.

II. ПОЛЕВЫЕ И ЛАБОРАТОРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

И. В. ЯЦЕНКО

ИССЛЕДОВАНИЕ СООРУЖЕНИЙ СКИФСКОГО ПЕРИОДА НА ГОРОДИЩЕ ЧАЙКА В ЕВПАТОРИИ (1964—1967 ГГ.)

Исследование строительных остатков скифского периода, как и всего памятника в целом у санатория «Чайка», было начато А. Н. Карасевым в 1959 г. Систематическое же изучение скифского слоя городища ведется с 1964 г.¹ Раскрытая площадь составляет около 1550 кв. м.

Строительные остатки скифского периода, как уже неоднократно указывалось, перекрывали руины своеобразного греческого архитектурного комплекса. Исследование скифского поселения началось со стены, ограничивавшей его с востока. По мере продвижения на запад выяснилось, что на расстоянии 15—20 м к западу от его восточной границы скифские слои были перекрыты более поздним средневековым слоем, относящимся к IX в. н. э. Особенно выразительным этот слой оказался в южной части скифского поселения, где сохранились остатки средневековых построек. В северной части памятника прослежены перекопы, относящиеся к XIV в.

В результате четырехлетнего исследования скифского поселения со-здалось представление о характере его планировки; было установлено три, а на некоторых участках четыре строительных периода. Центром поселения служило большое (17 × 27 м) греческое здание III в. до н. э., укрепленное и перестроенное скифами в середине II в. до н. э. Вдоль восточной и южной стен этой маленькой крепости прослежены улицы, отделявшие ее от окружающих построек. Жилой квартал, расположенный к востоку от крепости, имеет лучшую сохранность, исследован на большей площади и дает представление о планировке жилищ поселения.

Уже в 1959 г. исследование наружного фаса восточной стены показало, что сохранившаяся ее часть была разделена вертикальными швами на три куртины — 1₁, 1₂, 1₃ (рис. 10). Южный конец каждой куртины образовывал угол с перпендикулярной внутренней стеной. К этому углу впритык пристраивалась следующая более южная куртина². Сохранившаяся часть восточного квартала состояла из трех огороженных четырехугольных отсеков, пристроенных друг к другу. Восточной границей каж-

¹ А. Н. Карасев. Раскопки на городище Чайка близ Евпатории. КСИА, вып. 95, 1963, стр. 33; он же. Раскопки городища у санатория «Чайка» близ Евпатории в 1963 г. КСИА, вып. 103, 1965, стр. 131; он же. Раскопки у санатория «Чайка» в Евпатории. «Археологические открытия 1965 г.», М., 1966, стр. 115; он же. Раскопки городища Чайка в Евпатории. «Археологические открытия 1966 г.», М., 1967, стр. 215; И. В. Яценко. Раскопки скифских строительных остатков на городище Чайка в Евпатории. «Археологические открытия 1967 г.», М., 1968, стр. 212.

² А. Н. Карасев. Раскопки на городище Чайка..., стр. 33, 35, 41, 42.

³² «Сочинение против иудеев», VII. ВДИ, 1949, № 3, стр. 239.

³³ «Починение» XVI, 22. ВДИ, 1948, № 3, стр. 250.

³⁴ Речь IX о законах (ст. 1037). ВДИ, № 3, стр. 300.

³⁵ Гермиль Созомен. Церковная история (середина V в.), кн. 6, 37. ВДИ, 1948, № 3, стр. 398.

дого из отсеков являлась одна из куртин восточной стены. Размеры отсека при куртине 1₁ составляют примерно 16,5 × 12 м, при куртине 1₂ — 20,5 × 12 м.

Позднее было выяснено, что во второй строительный период жители поселения укрепили восточную стену с внутренней стороны дополнительным поясом, так что ее ширина достигла 1,40—1,60 м. Дополнительный пояс раскрыт в южной части стены на протяжении 21,5 м. В помещении III и далее к северу его совсем не было³.

Пространство внутри каждого отсека делилось стенами, идущими с востока на запад, еще на три части, или отделения. Каждое такое отделение было занято изолированным жилищно-хозяйственным комплексом, в свою очередь состоящим из нескольких помещений. Например, у куртины 1₂ южный комплекс состоит из помещений V₁, V₆, XI₁, XI₂. Во второй комплекс входили помещения III, IX, IX₂. От северного комплекса сохранились только части помещений XIII, XVI, XVIII.

Одно из помещений каждого комплекса примыкало к восточной стене. Только в одном случае у стены находились два помещения одного комплекса (помещения V₁ и V₂, рис. 10). Эти комнаты имели глинобитные полы, отапливались и поэтому могут рассматриваться как жилые. По размерам они близки, но не совершенно одинаковы (рис. 10, помещения III, V₁, V₂, VIII, X, IV). К западу от них находились маленькие кладовые с каменными корытообразными вымостками и подсобные помещения более крупного размера, также имеющие каменные вымостки, но уже обыкновенного характера. Часто в такой комплекс входит и второе жилое помещение, примыкающее уже к западной наружной стене (например, помещения IX₁, XI₁). Со временем происходили изменения границ владений отдельных хозяев, что постепенно нарушило первоначальную систему построения квартала. Но в первый и второй строительные периоды в основном сохранилась одна и та же планировка. Строительные остатки этих периодов имеют и лучшую сохранность, поэтому прилагаемый чертеж (рис. 10) отражает планировку в основном первых двух периодов. Все нарушающие эту первоначальную планировку кладки относятся к третьему строительному периоду.

Полы помещений первого строительного периода чаще всего находились ниже уровня улицы, и в дома приходилось спускаться по каменным лесенкам, состоявшим из двух-трех ступенек (помещение IX₂). Над углубленными в землю помещениями иногда располагались комнаты второго этажа. О существовании вторых этажей свидетельствует каменная лестница у северной стены помещения IX₂. К ней с севера примыкали две маленькие кладовки с вымощенным камнями полом, имеющим корытообразную форму. Подобные лестницы с примыкающими к ним маленькими подсобными помещениями или ящиками известны в архитектурных комплексах сельскохозяйственных усадеб Гераклеяского полуострова⁴, в домах Илурата⁵ и других памятниках Керченского полуострова⁶. Все исследователи трактуют их как начало лестниц, ведущих на второй этаж. Верхняя часть лестниц была деревянной, под ней как раз и находились маленькие подсобные помещения.

Пока обнаружено немного находок, относящихся к слоям первого строительного периода и позволяющих определить его время. Датиро-

³ Исследование северного конца стены и площади, к ней прилегающей, было только начато в 1959 г. Впоследствии доследовать ее не удалось, так как она была уничтожена песчаным карьером в 1962 г.

⁴ С. Ф. Стржелецкий. Клеры Херсонеса Таврического. ХС, VI, 1961, стр. 33, рис. 6.

⁵ В. Ф. Гайдукевич. Илурат. МИА, № 85, 1958, стр. 49.

⁶ И. Т. Кругликова. Итоги семилетних раскопок поселения у дер. Семеновки КСИА, вып. 95, 1963, стр. 43.

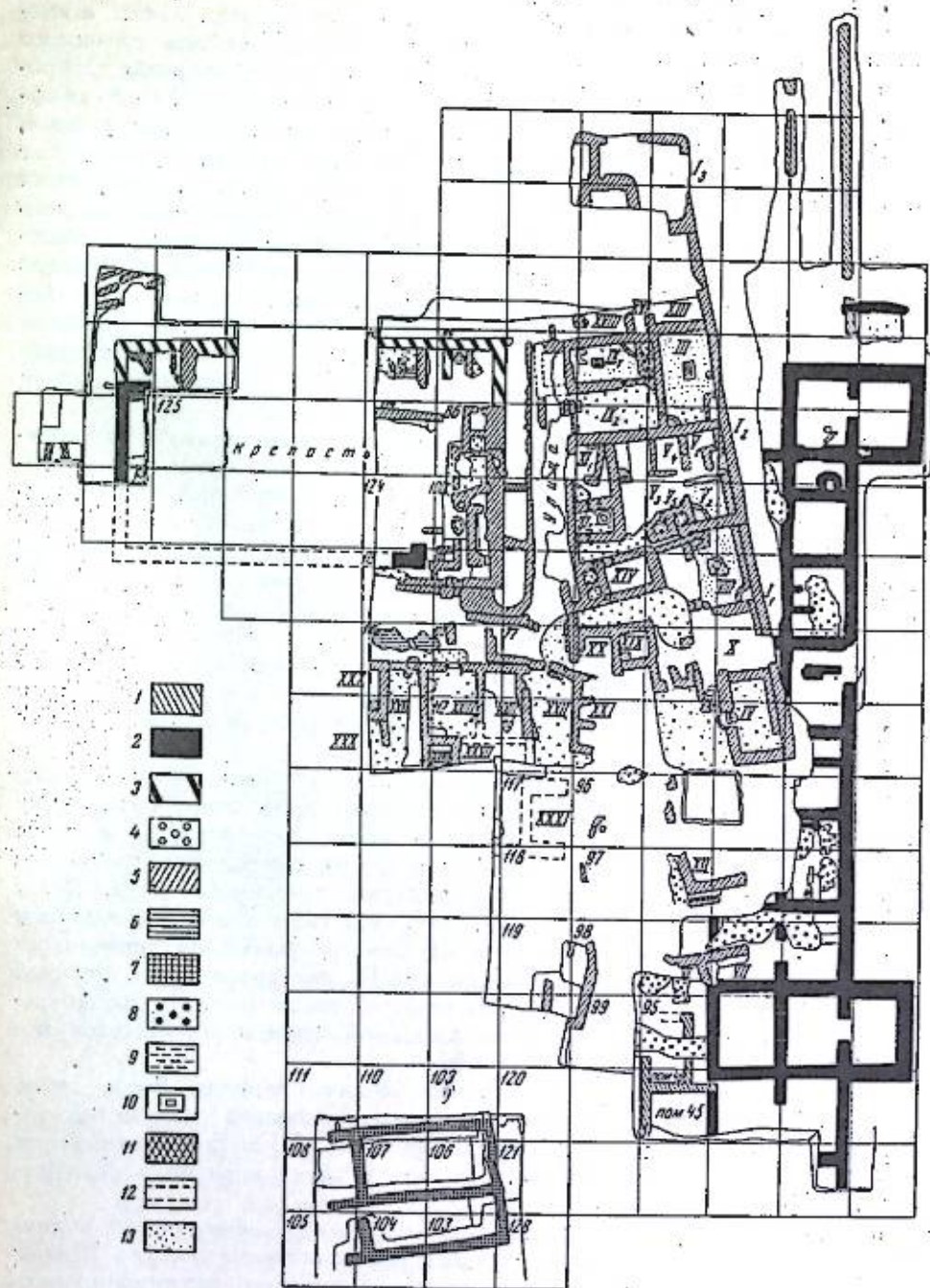

Рис. 10. Строительные остатки скифского времени на поселении у санатория „Чайка“. Сводный план 1967 г.

1 — древнегреческие строительные остатки конца V — IV в. до н. э.; 2 — каменная кладка эмпория второй половины IV в. до н. э. и последующих перестроек внутри него; 3 — кладка III в. до н. э.; 4 — вымостки древнегреческого строительного периода; 5 — кладки скифского строительного периода II в. до н. э. — I в. н. э.; 6 — каменные яввалы; 7 — средневековые кладки; 8 — вымостка скифского строительного периода; 9 — очаги и печи из глины; 10 — ватры; 11 — неопределенные кладки; 12 — предполагаемое продолжение кладок; 13 — глинобитные полы

вать первый строительный период можно на основании стратиграфических данных. Под слоями первого строительного периода лежит искусственная подсыпка, нивелирующая поверхность над руинами греческого поселения. Окончательное разрушение греческих зданий хорошо датировано Е. И. Леви и А. Н. Карасевым серединой II в. до н. э. Гибель скифского поселения второго строительного периода относится, как увидим, к концу II в. до н. э. Следовательно, первый строительный период может быть датирован в пределах третьей четверти II в. до н. э. Это время подтверждается и находками, сделанными в слоях первого строительного периода: фрагментами клейменых амфорных ручек (херсонесских, синопских, киндских, родосских), мегарских чашек, чернолаковых сосудов и т. д. Конец первого строительного периода отмечен разрушением помещений, в некоторых из них прослежены и следы пожара. Особенно яркая картина, иллюстрирующая разрушения, сопровождавшиеся пожаром, открылась при исследовании помещения III. По-видимому, конец поселения первого периода связан с нападением врагов.

В самом скором времени после разрушения происходит восстановление поселения: это уже второй строительный период. Строители возводят с внутренней стороны восточной стены дополнительный пояс. В некоторых помещениях поднимается уровень пола на высоту 0,60—1,00 м при помощи искусственной подсыпки песка. В этой подсыпке найдены вещи, относящиеся к более раннему времени, например в помещении III обнаружен фрагмент синопской черепицы с клеймом в виде орла, клюющего дельфина, и датирующимся IV в. до н. э. Поселок сохраняет в основном первоначальную планировку, хотя прослеживаются кое-какие изменения в расположении помещений, комплексов и в размерах площади, ими занимаемой. Некоторые дома, как и в первый период, имели второй этаж.

Второй период жизни поселка также заканчивается значительными разрушениями, сопровождающимися пожарами. Дата этого разрушения выявляется по находкам несколько более четко, чем первого. Косские амфоры, найденные в помещении IV и в других помещениях, связанных со вторым периодом, близки к типу амфоры, относимой И. Б. Зеест к III—II вв. до н. э.⁷ Они обнаруживают сходство и с красноглиняными амфорами с двустольными ручками из Золотой Балки, датированными II—I вв. до н. э.⁸ Кроме того, в помещении IV находился лагин, который по форме также должен быть отнесен ко II—I вв. до н. э. Не противоречат этой дате и находки фрагмента мегарской чаши и херсонесской монеты IV в. до н. э. с надчеканкой II в. до н. э.⁹

Разрушения, произведенные в конце второго периода, были очень существенными. В это время, например, была разрушена стена между помещениями IX₂ и V, между помещениями V и VIII и стены помещения IV. По всей вероятности, следует отнести к этому времени и разрушение внутренней скифской крепости.

В следующий (третий) период уровень дневной поверхности поднимается на 1 м. Происходит значительная перепланировка поселка. Жилые постройки перегораживают старые улицы. Перестают функционировать оборонительные сооружения акрополя. Прежние помещения забрасываются, в других поднимаются полы, третьи превращаются в подвальные (например, помещения XI₁, XI₂, XIV, XIX и т. д.). Последнее объясняет большое число открытых на городище помещений с заложенными дверными проемами. Наземные стены домов третьего строительного

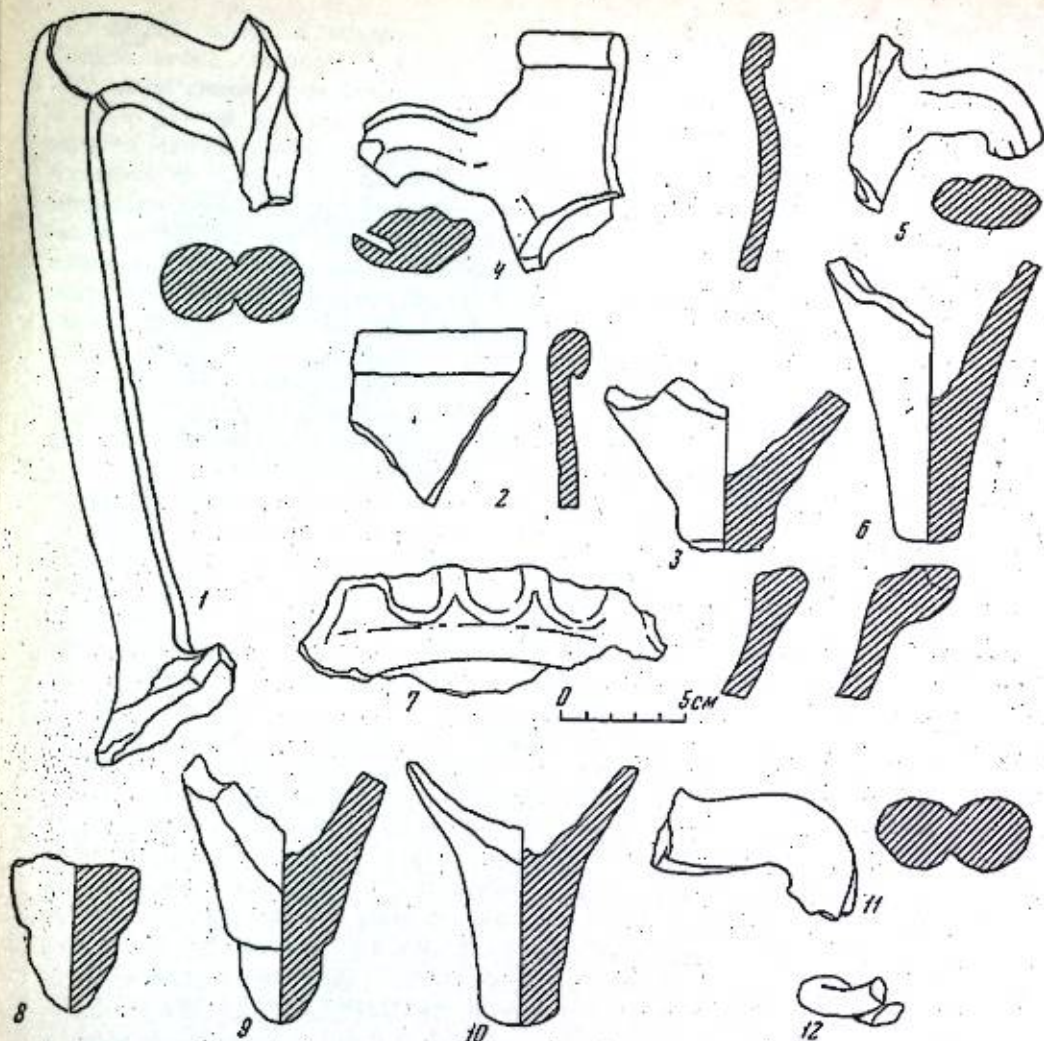

Рис. 11. Городище Чайка. Керамический материал из помещений третьего строительного периода

1—7 — из помещения XIV; 8—12 — из помещения XI

периода сохранялись в редких случаях и обычно на небольшую высоту (0,20—0,40 м, очень редко до 1,00 м). Поэтому о планировке поселения в этот период мало известно.

В подвальных помещениях третьего периода под завалами обнаружены главным образом части светлоглиняных амфор с двустольными ручками (рис. 11, 1, 2, 3) и таких же чернолаковых амфор. Встречаются также и обломки синопских амфор рубежа нашей эры. Незначительным количеством представлены фрагменты реберчатых амфорных ручек (рис. 11, 4, 5). Они принадлежат или узкогорлым амфорам I в. до н. э.—I в. н. э., или амфорам с несколько расширенным кверху горлом (рис. 11, 4), подобным амфорам рубежа н. э. типа 65 (по классификации И. Б. Зеест), или амфорам с обыкновенным горлом и несколько вытянутым туловом. Последний тип близок к амфоре с Гавриловского городища, датированной Н. Н. Погребовой I в. до н. э.—I в. н. э.¹⁰

¹⁰ Н. Н. Погребова. Поздние скифские городища на Нижнем Днепре. МИА, № 64, 1958, стр. 217, рис. 46, 2, 3.

⁷ И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора. МИА, № 83, 1960, стр. 105, табл. XXIV, 52, а.

⁸ Там же, стр. 109, табл. XXVI, 62, а; М. И. Вязьмитина. Золота Балка. Київ, 1962, стр. 150—157, 165, рис. 70, 12. Автор считает эти амфоры косскими.

⁹ Определение Л. Н. Беловой.

В помещении XI вместе с амфорными обломками найдены фрагменты маленького краснолакового сосуда (рис. 12, 1) с росписью, выполненной белой краской. По форме сосуд близок краснолаковым горшочкам, распространенным в Северном Причерноморье с I в. до н. э. по III в. н. э. Накладная белая роспись без предварительной прориски рисунка резцом характерна в основном для I в. до н. э.—начала I в. н. э.¹¹ В этом же комплексе был найден обломок горизонтальной ручки краснолаковой чаши с прямым бортиком такого типа, как чаша из могилы № 8 у Кыз-Аула¹². Такие чаши характерны для II—I вв. до н. э., но они бытовали и в первой половине I в. н. э. В этот комплекс входит глиняная статуэтка, изображающая мальчика, схватившего гуся (рис. 12, 2). Таким образом, в наборе находок, относящихся к концу третьего периода, сочетаются фрагменты амфор I в. до н. э.—I в. н. э. с остатками краснолаковой посуды, датирующейся не позднее первой половины I в. н. э. Этим временем около середины первого века нашей эры нужно определять и дату прекращения жизни на рассматриваемом поселении¹³.

В 1959 г. А. Н. Карасев обратил внимание на очень незначительную ширину стены, ограждавшей скифские поселения с востока, и высказал предположение о том, что она являлась только наружным панцирем оборонительной стены, состоявшей из двух параллельных друг другу поясов, построенных на расстоянии в 7 м. Пространство же между поясами было засыпано на высоту около 1,5 м. На этой платформе возводилась еще одна стена шириной около 4 м. Последующие раскопки внесли некоторые поправки в предложенную реконструкцию. Во-первых, как уже говорилось, восточная стена в основной своей части оказалась почти в полтора раза шире, чем это предполагалось сначала, так как была укреплена во второй строительный период дополнительным поясом. Во-вторых, совершенно определенно установлено, что помещения, расположенные у восточной стены, существовали в течение двух периодов. В связи с этим можно утверждать, что восстанавливаемая А. Н. Карасевым система оборонительных сооружений была возведена только в конце второго строительного периода или в начале третьего, на протяжении же первого и большей части второго периодов она не могла существовать. Таким образом, она оказывается несвязанной с первоначальной постройкой и планировкой поселения.

В настоящее время авторы раскопок античных памятников, расположенных на северо-западном побережье Крыма и имеющих слои, связанные с заселением их скифами, единодушно датируют появление здесь скифских поселений серединой II в. до н. э. О. Д. Дашевская и А. Н. Щеглов связывают возникновение этих поселений с захватом Скилуром и Палаком крепостей и городов побережья, принадлежавших ранее Херсонесу¹⁴. Начало существования скифского поселения у санатория «Чайка» относится к этому же времени и поэтому должно быть также связано с указанными событиями. Затем, очень скоро после воз-

Рис. 12. Городище Чайка

1 — фрагмент краснолакового горшочка с росписью; 2 — терракотовая статуэтка мальчика с гусем

никновения, поселение подвергается разрушению. Весьма вероятно, что в данном случае имела место попытка херсонесцев вернуть себе утраченный пункт. Такое толкование может быть в какой-то мере подтверждено и данными, имеющимися в херсонесских надписях. Э. И. Соломоник недавно отметила, что изучение текстов вновь и ранее открытых херсонесских надписей позволяет говорить об очень активной и временами самостоятельной борьбе граждан города со скифами как во время знаменитых экспедиций Диофанта, так и в период, предшествующий им¹⁵. Этот этап борьбы как будто археологически пока не выявлен на других памятниках Северо-Западного Крыма. Катастрофа, которой завершается второй период жизни поселения Чайка, на наш взгляд, должна быть связана с известным походом в приморские области полководца Диофанта, посланного Митридатом на помощь херсонесцам.

Вопрос об этническом составе жителей поселков северо-западного крымского побережья в этот новый период может быть решен только после исследования их могильников. Пока же ряд данных (большое количество лепной керамики по сравнению с ранним греческим периодом, наличие среди нее форм, связанных со скифскими культами, общий облик культуры, напоминающий культуру скифских городищ центрального Крыма и т. д.) позволяет предполагать, что в поселении у санатория «Чайка» в эпоху третьего строительного периода жители не были греками, а скорее местными сильно эллинизованными скифами. Не исключено, что в состав населения входили и отдельные греки. Проникают сюда и представители сарматских племен, о чем свидетельствуют единичные находки сарматской керамики.

Совершенно очевидно, что поселение было построено по строго продуманному плану, с предельно рациональным использованием площади, отведенной под него. Очень маленькую крепость окружают с востока и с юга кварталы, состоящие из жилищно-хозяйственных комплексов, примыкающих друг к другу. Такое тесное расположение жилищ характерно

¹¹ Т. Н. Книпович. Краснолаковая керамика первых веков н. э. из раскопок Боспорской экспедиции 1935—1940 гг. МИА, № 25, 1952, стр. 309; В. Ф. Гайдукевич. Некрополи некоторых боспорских городов. МИА, № 69, 1959, стр. 200 и 209; М. I. Вязьмитина. Золота Бака, стр. 173.

¹² В. Ф. Гайдукевич. Некрополи некоторых боспорских городов, стр. 200, рис. 73, 2.

¹³ В. Ф. Гайдукевич. Некрополи некоторых боспорских городов, стр. 209; Т. Н. Книпович. Указ. соч., стр. 295, 296.

¹⁴ О. Д. Дашевская. Раскопки Южно-Дондузавского городища в 1963—1965 гг. КСИА, вып. 109, 1967, стр. 65; она же. ТЕΙΧΗ декрета в честь Диофанта. ВДИ, 1964, № 3; А. Н. Щеглов. Тарханкутская экспедиция в 1962—1963 гг. КСИА, вып. 103, 1965, стр. 144—146; он же. Основные этапы истории Западного Крыма в античную эпоху. «Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья». М., 1968, стр. 332.

¹⁵ Э. И. Соломоник. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1964, стр. 96, 97.

вообще для планировки античных городов Северного Причерноморья, как больших, так и малых. Аналогичную планировку жилых построек можно наблюдать и в сельскохозяйственных поселках Боспорского царства, появившихся в II—I вв. до н. э. и доживающих до III в. н. э.¹⁶ Отличает изучаемое поселение от боспорских малых городов и поселков существование в центре маленькой крепости. Акрополи характерны были главным образом для больших греческих городов, но не для малых¹⁷. Интересно, что крепости, окруженные культурным слоем со строительными остатками, открыты на скифских поселениях побережья Северо-Западного Крыма — Тарапанчи и Южно-Донузлавском. Крепости этих поселений имеют несколько большие размеры (Тарапанчи 45 × 45 м¹⁸, Южно-Донузлавское 130 × 50 м¹⁹). На этих памятниках, к сожалению, пока еще не выяснен характер окружающих крепость строительных остатков, и поэтому дальнейшие сопоставления невозможны.

Сочетание жилых и подсобных помещений в домах восточного квартала поселения у санатория «Чайка» свидетельствует о заселении их семьями, ведущими индивидуальное хозяйство, как это имело место и в других поселениях этого времени. Конкретнее же говорить о занятиях жителей пока преждевременно. Строгая планировка поселения свидетельствует об организованном характере его постройки. Весьма вероятно, что создание его было государственным мероприятием, связанным с захватом скифами побережья Северо-Западного Крыма. Интересная гипотеза, объясняющая своеобразный характер изучаемого памятника, была предложена А. Н. Карасевым, который предположил, что скифское поселение у санатория «Чайка» представляло собой торговую факторию, построенную на месте греческой. «Сооружение торгового пункта на этом месте было вызвано, вероятно, тем, что здесь находились хорошо оборудованные портовые сооружения»²⁰. Мысль о существовании порта около поселения в греческий период находит все больше и больше подтверждений в исследованиях геологов²¹. Относительно же скифского периода данные геологии пока являются менее определенными²². В пользу этой гипотезы говорит и находка около помещения IV бронзовой скульптуры амазонки, скачущей на коне. Такое дорогое художественное произведение, являющееся первоклассной работой греческого мастера, вряд ли могло быть собственностью кого-нибудь из владельцев весьма скромных жилищ восточного квартала. Это обстоятельство позволяет думать, что сюда могли привозиться вещи для продажи в более отдаленные районы. Трактировка восточного квартала как комплекса домов, принадлежащих отдельным семьям, ведущим свое индивидуальное хозяйство, не обязательно противоречит гипотезе о торговом характере поселения. Члены этих семей могли нести обязанности по обслуживанию фактории. Окончательное решение этого вопроса станет возможным после более полного раскрытия нашего памятника и других городищ Северо-Западного Крыма.

И. И. ГУЩИНА

РАСКОПКИ МОГИЛЬНИКА БЕЛЬБЕК III
В КРЫМУ¹

Грунтовые могильники первых веков нашей эры в Юго-Западном Крыму располагаются по берегам небольших горных рек. В 1903—1904 гг. на склоне левого берега р. Бельбек Н. М. Печенкин обнаружил и раскопал могильник Бельбек I, где им было открыто 22 погребения III в. н. э.² В 1937 г. на правом берегу реки Бельбек Н. И. Репниковым был открыт и частично раскопан могильник Бельбек II³, который был исследован в 1961 и 1966 гг. экспедициями БИАМ и ГИМ⁴. Всего открыто 14 погребений, основная часть могильника была уничтожена при выборке песка. На нижней надпойменной террасе левого берега, ниже по течению реки, в 5—6 км от устья был обнаружен еще один могильник⁵, названный нами Бельбек III. Он находится недалеко от могильника Бельбек I. В древности вся долина, видимо, была густо заселена, как это показали разведки О. Я. Савели. Бельбек III был покрыт метровым, иногда полуметровым слоем насыпи, который снимался бульдозером. Работами 1967 и 1968 гг. здесь открыто 29 погребений (два из них разрушены бульдозером до раскопок), расположенных примерно на одинаковом расстоянии друг от друга в четыре ряда, ориентированных в направлении север-юг (рис. 13). Погребенные все лежат головами на юг. Наблюдается два типа погребальных сооружений: простые грунтовые ямы и подбойные могилы. Грунтовые ямы и входные ямы подбойных часто забиты доверху камнями.

Во всех погребениях примерно одинаковый набор инвентаря, детские могилы снабжены меньшим количеством вещей, главным образом бусами. Во всех погребениях найдена керамика. Сосуды в большинстве случаев красноглиняные, гончарные; лепные встречены только в обломках. Чаще сосуды стоят в головах, реже — в ногах погребенных. Иногда кувшин ставился в миску. Красноглиняные сосуды представлены следующими типами: светлоглиняные узкогорлые амфоры конца II — первой половины III в. н. э.⁶, одноручные кувшины с узким горлом и округлым или

¹ Доклад, прочитанный на отчетной сессии Ин-та археологии АН СССР в 1967 г.

² Н. М. Печенкин. Раскопки в окрестностях г. Севастополя, ИТУАК, вып. 38, 1905, стр. 31—33.

³ Г. И. Мосберг. К изучению могильников римского времени Юго-Западного Крыма. СА, VIII, 1946, стр. 113 сл.

⁴ Н. А. Богданова, И. И. Гущина. Раскопки могильников первых веков нашей эры в Юго-Западном Крыму. СА, 1964, № 1, стр. 329.

⁵ Могильник Бельбек III обнаружен научным сотрудником Херсонесского музея О. Я. Савели.

⁶ См.: И. Б. Зеев. Керамическая тара Боспора. МИА, № 83, 1960, табл. XXXII, 93; Аналогичная амфора найдена в разрушенном погребении (Херсонесский музей, инв. № 366071).

¹⁶ И. Т. Кругликова. Боспор в позднеантичное время. М., 1966, стр. 67.

¹⁷ В. Д. Блаватский. Античная археология Северного Причерноморья. М., 1961, стр. 90.

¹⁸ А. Н. Щеглов. Тарханкутская экспедиция, стр. 145.

¹⁹ О. Д. Дашевская. Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1961—1962 годах. КСОГАМ, 1962, 1964.

²⁰ А. Н. Карасев. Раскопки у санатория «Чайка», стр. 116.

²¹ П. М. Долуханов. Геолого-геоморфологическая характеристика городища Чайка (см. настоящий сборник, стр. 99).

²² Там же.

грушевидным туловом (рис. 14, 2, 3), характерные для керамики Херсонеса первых веков нашей эры; одноручные маленькие кубки херсонесского типа (рис. 14, 4), сосуды других форм: с двумя ручками (рис. 14, 6) и с одной ручкой-выступом (рис. 14, 10); чашки (рис. 14, 7), миски с округлыми бортиками (рис. 14, 9, 11). Все перечисленные формы находят аналоги в керамике античных городов Северного Причерноморья II—III вв. н. э. и особенно Херсонеса.

К этому же времени относится и остальной инвентарь из погребений; к вещам, бытующим на более широком отрезке времени — I—III вв. н. э. — относятся: серебряные и бронзовые браслеты разных форм, преобладают круглопроволочные с расплюснутыми концами, иногда украшенными насечками (рис. 15, 11), схематическими изображениями змеиных голов на концах (рис. 15, 12) или с перевитыми концами, (рис. 15, 10); бронзовые фибулы, среди которых больше всего круглопроволочных лучковых с подвижным приемником (рис. 16, 3, 6), которые распространены в Северном Причерноморье с конца II и весь III в. н. э. Фибулы, продетые в кольцо (рис. 15, 9), находят довольно часто в могильниках Юго-Западного Крыма. Встречаются мелкие фибулы, с дужкой, изогнутой под углом (рис. 15, 6а), бытующие в Северном Причерноморье в I—III вв. н. э. В погребении 7 обнаружены фибула реже встречающейся формы (рис. 15, 8) и бронзовые мелкие зеркала-привески, с орнаментом из перекрещивающихся полос (рис. 15, 1, 5); этот орнамент широко распространен на зеркалах такого типа в Крыму во II—III вв. н. э. Остальной инвентарь представлен бронзовыми и серебряными пряжками (рис. 15, 6, 7), железными ножами, прямыми, иногда с костяной или бронзовой рукояткой (рис. 16, 5, 4) и ножами с горбатой спинкой (рис. 16, 7), серебряными перстнями (рис. 16, 11, 12), железными и бронзовыми ключами (рис. 16, 1, 2), серебряными и бронзовыми височными кольцами (рис. 16, 13, 14), различными мелкими предметами, которые, очевидно, подвешивались на бронзовые или серебряные пластинки с кольцами (рис. 15, 13). Среди мелких подвесок были многогранные сердоликовые бусины, укрепленные на бронзовой проволоке (рис. 16, 3). Такие подвески иногда встречаются в позднесарматских погребениях Нижнего Поволжья⁷. В погребении 11 найдена золотая подвеска в виде ведерка, украшенная зернью (рис. 15, 4)⁸. В каждом погребении встречено большое количество бус: сердоликовые, янтарные, гешировые, бронзовые (рис. 16, 15), стеклянные и гладкие, и с орнаментом (рис. 16, 8, 9). У некоторых погребенных ими был обшит подол одежды в несколько рядов. Все бусы по материалу и форме встречаются в памятниках Северного Причерноморья I—III вв. н. э.

В двух погребениях могильника найдены сердоликовые вставки перстней с резным изображением стоящей женской фигуры с копьем и щитом (в левой руке), очевидно, Афины. Такие геммы довольно распространены среди гемм юга СССР в I—III вв. н. э.⁹

К III в. можно отнести золотые серьги из витого жгута с сердоликовой вставкой (рис. 15, 3). Серьги такой же формы, но главным образом бронзовые, встречаются в памятниках конца II—III в. н. э. (например, позднесарматское погребение у дер. Богодар Днепропетровской области, в погребении III в. н. э. Инкерманского могильника и некоторых других).

⁷ К. Ф. Смирнов. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское. МИА, № 60, стр. 255, рис. 19, 1.

⁸ Такая же привеска найдена в Рыжеском могильнике III—IV вв. н. э. (В. В. Кропоткин. Исследование черняховских памятников в Среднем Побужье и Среднем Поднепровье. «Археологические открытия 1967 г.», М., 1968, стр. 228.).

⁹ А. А. Захаров. Геммы и античные перстни Государственного исторического музея. РАНИОН, вып. 3, 1928, № 141, 142, 148, 149, 152.

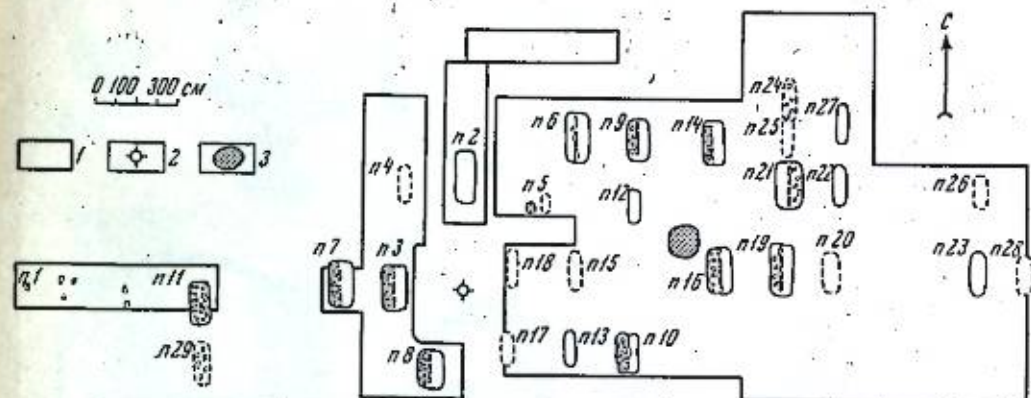

Рис. 13. План раскопок могильника Бельбек III

1 — раскопки 1967—1968 гг.; 2 — точка над уровнем моря (25, 53, 73 м); 3 — слой пережженной глины и пепла с битой керамикой

Рис. 14. Могильник Бельбек III. Красноглиняная керамика из погребений

1 — погребение 29; 2, 7 — погребение 7; 3, 9, 10 — погребение 14; 4 — погребение 16; 5 — погребение 4; 6 — погребение 3; 8 — погребение 9; 11 — погребение 13

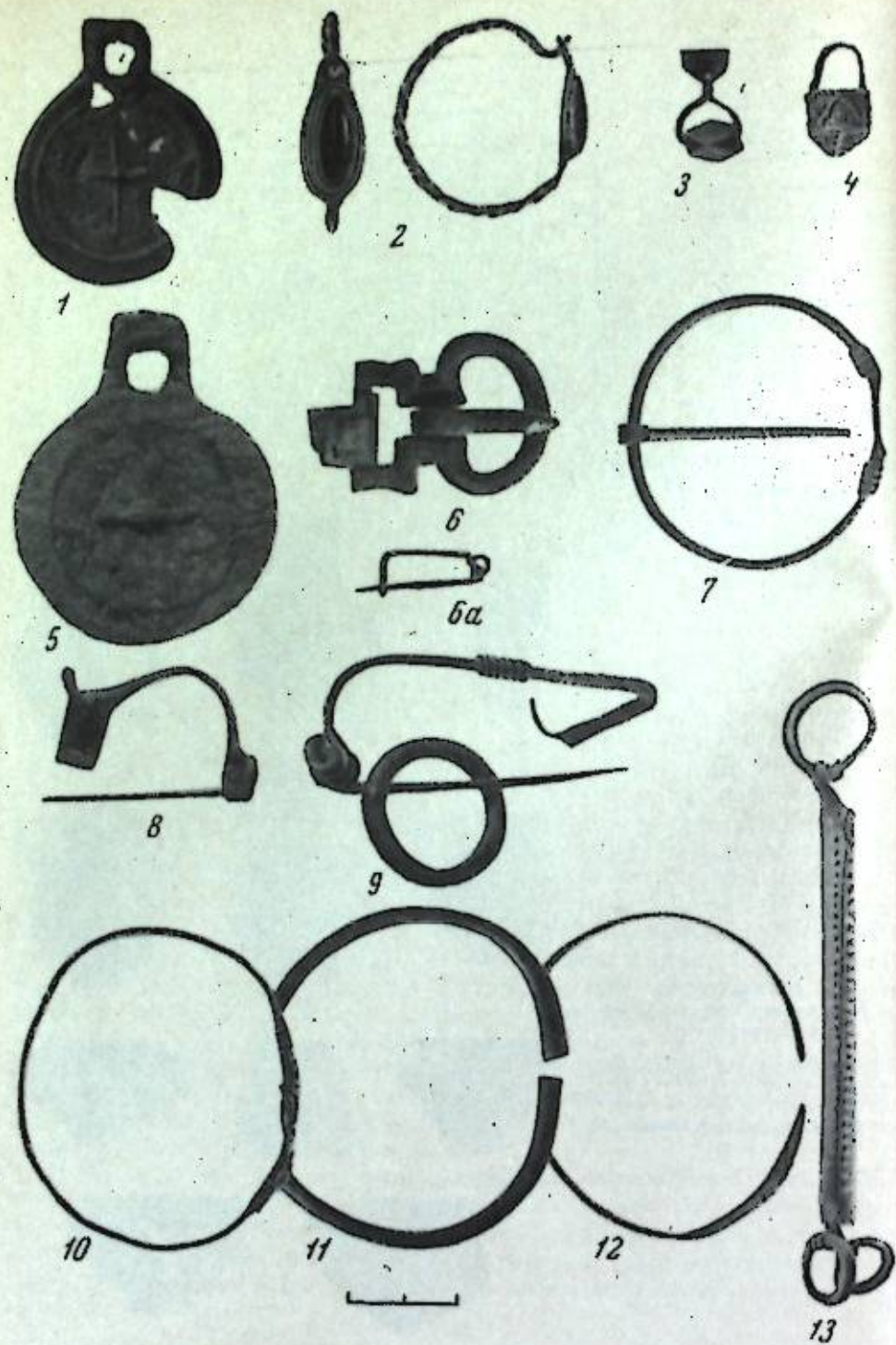

Рис. 15. Находки инвентари из могильника Бельбек III

1, 9 — погребение 2; 2 — погребение 2; 3, 4, 6, 7, 12 — погребение 11; 5 — погребение 6; 6a, 10 — погребение 3; 8, 10 — погребение 7; 1, 5, 6a, 8, 9, 10, 12 — бронза; 2, 4 — золото; 3 — сердолик; 7, 12 — серебро

Рис. 16. Находки инвентари из могильника Бельбек III

1, 5, 14 — погребение 11; 2, 3, 4, 9 — погребение 2; 6, 7, 12 — погребение 14; 8, 10 — погребение 13; 11, 13 — погребение 7; 15 — погребение 16; 1, 3, 6, 10, 13, 15 — бронза; 2, 7 — железо; 4 — железо с бронзой; 5 — железо и кости; 8, 9 — непрозрачное стекло; 11, 12, 14 — серебро; 15 — стекло непрозрачное, сердолик

№ погребения	Инвентарь		Прочие предметы
	Могильная яма (форма и размеры)	украшения	
2	Прямоугольная 2,40 × 1,00 × 1,00 м	Бронзовые: фибулы (рис. 16, 3); зеркало (рис. 15, 5); золотые серьги (рис. 15, 2); бусы (рис. 16, 9)	Железные: нож с бронзовой рукояткой (рис. 16, 4); ключ (рис. 16, 2)
3	Подобная входная яма 2 × 0,60 × 0,70 подбой 2 × 0,55 × 0,55 м	Сосуд (рис. 14, 6); миска (рис. 14, 9)	Нож железный, монета бронзовая Антонина Пия
4	Разрушенная	Кувшины (рис. 14, 5)	Железный нож (тип рис. 16, 7)
5	Разрушенная		Железный предмет, кусочек красной краски
6	Подобная входная яма 2,20 × 0,50 × 0,50 м подбой 2,20 × 0,55 × 0,60 м		Два глиняных прислица, железный нож (рис. 16, 7)
7	Подобная входная яма 2,00 × 0,60 × 0,40 м подбой 2,00 × 0,50 × 0,70 м	Кувшины (рис. 14, 2); миска (рис. 14, 7)	Железный нож
8	Подобная входная яма 1,80 × 0,65 × 0,60 м подбой 1,80 × 0,50 × 0,80 м	Вещей нет	

Таблица (продолжение)

№ погребения	Инвентарь		Прочие предметы
	Могильная яма (форма и размеры)	украшения	
9	Подобная входная яма 1,80 × 0,50 × 0,40 м подбой 1,80 × 0,60 × 0,60 м	Сосуд (ручка обломана) (рис. 14, 8)	Бусы стеклянные с орнаментом, бронзовые (тип рис. 4, 10, 8)
10	Подобная входная яма 1,80 × 0,50 × 0,50 м подбой 1,80 × 0,55 × 0,70 м	Вещей нет	Бронзовые: монета херсонесская; ключ (рис. 16, 7); железный нож с костяной ручкой (рис. 16, 5); серебряный флакончик
11	Прямоугольная яма забитая камнями 1,70 × 1,00 × 2,20 м		Кусочки красной краски, бусы стеклянные
12	Прямоугольная 1,50 × 0,60 × 0,40 м	Миска (рис. 14, 11)	Нож железный (рис. 16, 7)
13	Прямоугольная 1,60 × 0,60 × 0,20 м	Кувшины (рис. 14, 14)	
14	Подобная входная яма 2,0 × 0,50 × 0,40 м подбой 2,0 × 0,60 × 0,60 м	Кувшины (тип рис. 14, 3)	Нож железный
15	Прямоугольная 1,80 × 0,60 × 0,20 м	Сосуд (рис. 14, 4)	
16	Подобная входная яма 2,00 × 0,50 × 0,65 м подбой 2,00 × 0,60 × 0,80 м		

№ погребения	Могильная яма (форма и размеры)	Инвентарь			Прочие предметы
		керамика	украшения		
17	Разрушена	Вещей нет	—	—	—
18	«	«	—	—	—
19	Подобная входная яма 2,25 × 0,50 × 0,60 м полбой 2,25 × 0,50 × 0,80 м	Кувшины (тип рис. 14, 3); миска (рис. 14, 12)	Бронзовые: фибулам (тип рис. 15, 14; 15, 6а), зеркало (тип рис. 15, 5); два височных кольца, мелкие колечки, бляшки с перекрестием, перстень, бусы стеклянные, сердоликовые, геширевые	—	Ключ бронзовый (тип рис. 16); монета начала III в. н. э., два глиняных пряслица
20	Прямоугольная 1,80 × 0,80 × 0,40 м	Сосуд разбитый, обломки лепных сосудов	—	—	—
21	Подобная входная яма 2,10 × 0,60 × 0,80 м полбой 2,10 × 0,70 × 0,85 м	Кувшин (тип рис. 14, 3)	Бронзовые: фибулам, тип рис. 15, 9; зеркало, тип рис. 15, 5; пластина от пряжки; браслет тип рис. 15, 11; перстень; бусы стеклянные	—	Глиняное пряслице
22	Прямоугольная 2,00 × 0,50 × 0,50 м	Кувшин (тип рис. 14, 2) сероглиняный	Бронзовая фибула, тип рис. 15, 9	—	—
23	Прямоугольная 2,00 × 0,80 × 0,50 м	Кувшин (тип рис. 14, 2) сероглиняный	Бронзовые: зеркало (обломок тип рис. 15, 5); височные кольца (тип рис. 16, 2); бусы стеклянные	—	—
24	Разрушена (гаврская яма)	Кувшин (тип рис. 14, 2)	—	—	—
25	Разрушена	«	—	—	—
26	«	«	—	—	—
27	Прямоугольная 1,80 × 0,60 × 0,40 м	Кувшин (тип рис. 14, 3)	—	—	—
28	Разрушена	Обломок керамики	Бусы стеклянные	—	—
29	Прямоугольная 1,90 × 0,80 × 1,20 м	Сосуд, рис. 14, 7	—	—	Обломок железного ножа и кольцеобразного предмета

В нескольких погребениях были найдены монеты, которые довольно редко встречаются в могильниках. Одна провинциально-римского чекана времени Антонина Пия (138—161 гг. н. э.), вторая — херсонесская 240—250 г. н. э. и третья — римская начала III в. н. э.¹⁰

Рассмотренные предметы инвентаря погребений позволяют отнести могильник к концу II — первой половине III в. н. э.; керамика херсонесского типа, стеклянные, ювелирные изделия и монеты — все это свидетельствует о тесных связях с Херсонесом. Вместе с тем для херсонесского некрополя первых веков н. э. не характерны такого типа могильные сооружения, которые встречены в могильниках на р. Бельбек. В Херсонесе нет ни подбойных, ни грунтовых могил, забитых камнями, ни могил с заплечками, ни плитовых; ориентировка разнообразна, преобладает (как и в более раннее время) восточная. В трех исследованных бельбекских могильниках преобладает южная и юго-западная ориентировка. Изучение погребального обряда позволяет отметить черты, сближающие эти могильники с памятниками I—III вв. н. э., оставленными населением районов Неаполя Скифского и в долине р. Альмы, где довольно сильно проявляются скифо-сарматские элементы¹¹. Они близки по типам погребальных сооружений и ориентировке и деталям (каменная засыпка грунтовых ям, известная и в раннее время, является деталью скифского погребального обряда). В могильниках долины Бельбека и р. Альмы и Неаполя Скифского наблюдаются общие черты, заимствованные из сарматского погребального обряда: наличие подбойных могил, могил с заплечками, захоронение с лошадью, наличие остатков тризны над могилой с битой лепной посудой, наличие кусочков мела и угля в погребениях, обычай деформации черепов и некоторых других типично сарматских черт. Это позволяет предполагать этническое родство населения долины р. Бельбек с указанными районами Крыма, несмотря на некоторую его неоднородность и проявление скифских и сарматских элементов. Дальнейшие исследования могильников Юго-Западного Крыма, в частности Бельбекской долины, необходимы для разработки вопроса об этническом составе населения окрестностей Херсонеса.

¹⁰ Монеты определены А. М. Гилевич и Н. П. Фроловой.

¹¹ И. И. Гушина. О сарматах в Юго-Западном Крыму. СА, 1967, № 1, стр. 40 сл.

О. Я. САВЕЛЯ

О КЕРАМИКЕ С ВРЕЗНЫМ ОРНАМЕНТОМ ИЗ ХЕРСОНЕСА

В Херсонесе обломки лепных лощеных сосудов с гребенчатым и врезным орнаментом неоднократно встречались в очень небольшом количестве при раскопках эллинистических кварталов и раннего некрополя в Северном районе. Многие исследователи считают, что они попали туда случайно из более ранних слоев, и рассматривают их как одно из доказательств существования поселения тавров на месте Херсонеса в период, непосредственно предшествующий основанию города¹.

Однако в настоящее время накоплен ряд данных, свидетельствующих о том, что лепная посуда с гребенчатым и врезным орнаментом бытовала у тавров в IV—III вв. до н. э.²

При исследовании раннего некрополя в Северном районе Херсонеса в 1945 г. в слое, перекрывающем погребение конца V—IV вв. до н. э., в числе обломков лепных сосудов было найдено три фрагмента с орнаментом, выполненным двузубым штампом³.

Обломок лепного лощеного сосуда с орнаментом, нанесенным двузубым инструментом, найден в слое III—начала II в. до н. э. под уровнем позднеэллинистической площади на том же участке⁴.

Фрагмент сосуда с аналогичным орнаментом встречен также в слое II—рубежа II—I вв. до н. э., перекрывающем уровень этой площади⁵.

Во дворе дома 1 (квартал XV) III—рубежа II—I вв. до н. э.⁶ найден обломок плеча лепного лощеного сосуда с орнаментом, выполненным двузубой гребенкой. Поясок насечек по плечу сосуда впоследствии, когда

¹ Г. Д. Белов, Херсонес Таврический. Л., 1948, стр. 31—33; он же. Северный прибрежный район Херсонеса. МИА, № 34, 1953, стр. 13; Г. Д. Белов, С. Ф. Стржелецкий. Кварталы XV и XVI. МИА, № 34, 1953, стр. 51; Г. Д. Белов и А. Л. Яковсон. Квартал XVII. МИА, № 34, 1953, стр. 110; Г. Д. Белов, С. Ф. Стржелецкий и А. Л. Яковсон. Квартал XVIII. МИА, № 34, 1953, стр. 170; С. Ф. Стржелецкий. Основные этапы экономического развития и периодизация истории Херсонеса Таврического в античную эпоху. ПИСП, М., 1959, стр. 67; он же. Очерки истории Гераклейского полуострова и его округи в эпоху бронзы и раннего железа. Автореферат канд. дисс. М., 1954, стр. 8; П. Н. Шульц. О некоторых вопросах истории тавров. ПИСП, М., 1959, стр. 248—249.

² О. Д. Дашевская. О таврской керамике с гребенчатым орнаментом. СА, 1963, № 4, стр. 205—209; А. М. Лесков. Горный Крым в I тысячелетии до н. э. Киев, 1965, стр. 127—132.

³ С. Ф. Стржелецкий. Раскопки таврского некрополя в 1945 г. ХС, IV. Симферополь, 1948, стр. 84, 85, рис. 11, 2.

⁴ Г. Д. Белов, С. Ф. Стржелецкий. Кварталы XV и XVI, стр. 47, 48, рис. 17.

⁵ Там же стр. 47.

⁶ Там же, стр. 47, рис. 17; стр. 49—57.

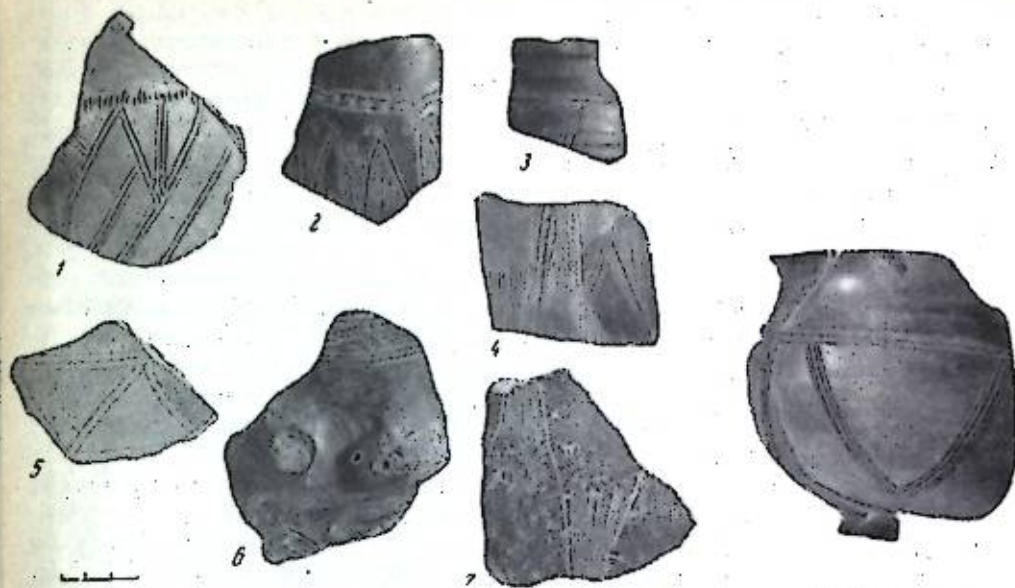

Рис. 17. Фрагменты сосудов с врезным и гребенчатым орнаментом

1—Гераклейский полуостров, 1937 г., усадьба у Камышовой бухты; 2—7—северный прибрежный район Херсонеса 1935—1937 гг.

Рис. 18. Кубок из раскопок 1937 г. в северном районе Херсонеса

глина уже подсыхла и стала неподатливой, был подправлен двумя бороздками, проведенными острой палочкой (рис. 17, 2).

Особое внимание привлекают обломки кубка, сделанного на гончарном круге⁷, найденные в засыпи подвала этого же дома. Его внутренняя поверхность покрыта тускло-черным лощением, на наружных стенках лощение доходит лишь до середины плеча. По плечу острой палочкой прочерчены две горизонтальные бороздки, нижняя из которых является основанием треугольников, проведенных четырьмя линиями двузубой гребенкой (рис. 18).

Обломок закраины такого же сосуда найден в засыпи другого подвала в этом же доме⁸. Ниже плеча на этом фрагменте кубка заметны следы ручки (рис. 17, 3).

Формой и орнаментом эти лощеные гончарные сосудики напоминают лепные лощеные таврские кубки и мисочки, но рядом деталей, в частности профилировкой придонной части, они близки сероглиняным кубкам, покрытым тусклым лаком, конца III—II в. до н. э. Если учесть, что в засыпи подвалов, где найдены фрагменты кубков, преобладала керамика II—рубежа II—I вв. до н. э.⁹, то наиболее вероятным временем их изготовления можно считать II в. до н. э.

Скорее всего кубки сделаны в Херсонесе, так как изготовление гончарных подражаний таврской лепной посуде в других греческих центрах маловероятно, а никаких данных о применении гончарного круга таврами во второй половине I тысячелетия до н. э. нет. Судя по тому, что в Херсонесе найдено всего три обломка двух сосудов, такая посуда изготовлялась изредка и в малом количестве.

⁷ Фонды ГХМ, инв. № 41/35901. Высота его 7,3 см, наибольший диаметр 12 см.

⁸ Г. Д. Белов, С. Ф. Стржелецкий. Указ. соч., стр. 47, (рис. 17). Фрагмент ошибочно опубликован как обломок лепного сосуда VII—V вв. до н. э.

⁹ Там же, стр. 51, 56.

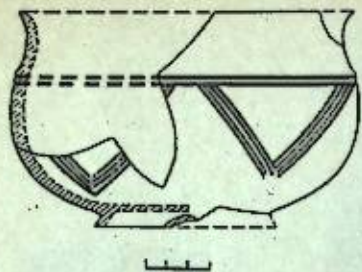

Рис. 19. Реконструкция кубка из раскопок 1937 г.

Фрагменты лепных сосудов с врезным и гребенчатым орнаментом неоднократно встречались при раскопках усадеб III—II вв. до н. э. на Гераклеяском полуострове.

Так, в одном из помещений эллинистической усадьбы у Камышевой бухты найдены обломки красноглиняного горшка (?) сочень небрежным лощением, орнаментированного горизонтальным поясом насечек и пересекающимися линиями под ним (рис. 17, 1)¹⁰. Орнамент на сосуде выполнен трехзубым инструментом. Обломок сосуда с аналогичным орнаментом

найден в кладке ограды клера у Стрелецкой бухты¹¹. Несколько фрагментов лепной посуды с гребенчатым орнаментом найдено в различных помещениях усадьбы клера № 25¹². На двух обломках в углублениях бороздок сохранились следы белого заполнения¹³. Вообще среди изученных сельских усадеб на Гераклийском полуострове нет ни одной, где бы не встречались обломки лепной посуды с гребенчатым и врезным орнаментом¹⁴.

Обломки лепных орнаментированных сосудов, найденные в эллинистических комплексах Херсонеса и Гераклеяского полуострова, а также изготовление во II в. до н. э. в Херсонесе гончарных подражаний лепной орнаментированной лощеной посуде свидетельствуют, вероятно, о бытовании лепной посуды с гребенчатым и врезным орнаментом у населения близлежащих к Херсонесу районов вплоть до рубежа II—I вв. до н. э., а возможно, и более позднего времени. Эпиграфические памятники, найденные в Херсонесе, — декрет в честь Диофанта¹⁵, надгробие вольноотпущенников Цинция и Ведия¹⁶ — свидетельствуют, что в позднеэллинистическое и римское время близ города жили тавры. Судя по надгробию тавричанки¹⁷, тавры были в числе жителей Херсонеса в I в. н. э. По-видимому, тавры составляли часть населения Херсонеса и Гераклеяского полуострова и в эллинистическое время¹⁸.

Лепная посуда с гребенчатым и врезным орнаментом, по всей видимости, синхронна эллинистической и не может служить доказательством существования поселения тавров на месте города в период, предшествующий его возникновению¹⁹.

¹⁰ В. Лиси. Отчет об археологическом исследовании древних памятников на Гераклеяском полуострове в районе Камышевой бухты в 1937 г. Архив ГХМ, д. 537, стр. 27.

¹¹ Там же, стр. 38.

¹² С. Ф. Стрелецкий. Клера Херсонеса Таврического. ХС, VI. Симферополь, 1961, стр. 162.

¹³ Фотоархив ГХМ, № 9384.

¹⁴ С. Ф. Стрелецкий. Клера Херсонеса Таврического. ХС, VI. Симферополь, 1961, стр. 161—162.

¹⁵ IOSPE, I², 352.

¹⁶ IOSPE, I², 362.

¹⁷ IOSPE, I², 528.

¹⁸ В. Д. Блаватский. Земледельцы в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953, стр. 163 и сл.; Г. Д. Белов. Херсонес Таврический. М., 1948, стр. 66; он же. Северный прибрежный район Херсонеса. МИА, № 34, 1953, стр. 14; С. Ф. Стрелецкий. Клера Херсонеса Таврического. ХС, VI, стр. 161, 162.

¹⁹ О. Д. Дашевская. О таврской керамике с гребенчатым орнаментом. СА, 1963, № 4, стр. 209.

О. Д. ДАШЕВСКАЯ

ДВА ГРАФФИТИ НА АМФОРАХ ЮЖНО-ДОНУЗЛАВСКОГО ГОРОДИЩА.

Среди граффити, встреченных на амфорах при раскопках Южно-Донузлавского городища в районе Евпатории, два привлекают особое внимание¹.

Первое из них (рис. 20, 1; 21, 1) — на фрагменте плечевой части светлоглиняной амфоры, найденном в 1968 г. в слое I в. н. э. Глина розоватого оттенка, с очень мелкими белыми и черными включениями, наружная поверхность покрыта зеленоватым ангобом, по которому четырьмя крупными буквами процарапана надпись. Высота первых трех букв 2 см, четвертой (курсивной омеги) — 1,3 см. Слева от надписи осталось достаточно места, чтобы убедиться, что какого-либо предшествующего слова там не было. Справа же не исключено и продолжение.

Чтение этой маленькой надписи допускает ряд вариантов.

Прежде всего можно считать слово полностью сохранившимся и видеть в нем родительный падеж личного мужского падежа имени Πλιος — Πλιω. Стяженная форма окончания родительного падежа (-ω вместо -ου) встречается в надписях первых веков нашей эры².

Можно также рассматривать надпись как часть имени Πλιων в родительном падеже: Πλιω[νος].

Оба имени известны на Боспоре³ и в других областях греческого мира⁴, в Херсонесе же не зарегистрированы.

Допустимо и понимание нашего граффити как имени божества — Гелиоса — в дательном падеже: Πλιω[ι] или Πλιω. Окончание тогда могло быть как с йотой, так и без нее — по примеру надписей первых веков н. э.⁵

Поскольку греческое население Северо-Западного Крыма постоянно находилось в сфере влияния Херсонеса, где Гелиос почитался в числе высших богов⁶, посвященная надпись ему на изучаемой нами территории не явилась бы неожиданной. Надо заметить, однако, что если бы надпись была сделана херсонеситом, то имя Гелиоса в I в. н. э. должно было быть написано еще по правилам дорийского диалекта⁷ — через Α, а не через Η.

¹ Обе находки хранятся в Евпаторийском краеведческом музее. Полевые инв. № ЮД-68/5 и ЮД-66/102.

² КБН, стр. 801, § 4, 6.

³ Там же, стр. 870, 871.

⁴ W. Par. Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Neu bearbeitet von G. E. Benseler. Braunschweig, 1884, s. v.

⁵ КБН, стр. 806, § 13, 7.

⁶ IOSPE I², № 401 и 402; см. также Э. И. Соломоник. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1964, стр. 119, 120 и 188.

⁷ IOSPE, I², стр. 394; Э. И. Соломоник. Указ. соч., стр. 33, 40 и др.

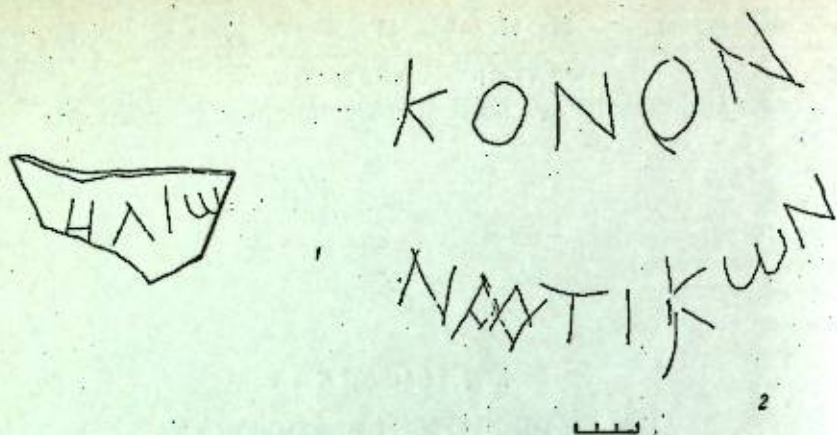

Рис. 20. Южно-Донузлавское городище
1 — граффити на фрагменте амфоры; 2 — граффити на амфоре

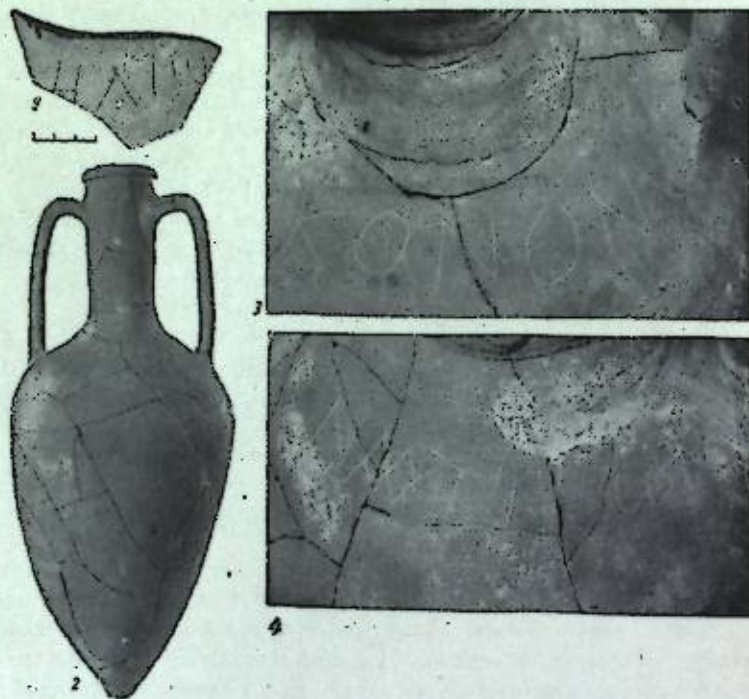

Рис. 21. Южно-Донузлавское городище

1 — граффити на фрагменте амфоры; 2 — амфора с надписью Конона; 3, 4 — граффити на амфоре

Второе граффити (рис. 20, 2; рис. 21, 2—4) — на амфоре, восстановленной из обломков, которые были найдены в 1966 г. в чрезвычайно интересном комплексе — хозяйственной яме № 27. Яма была сплошь заполнена разнообразной керамикой, хорошо датирующейся I в. н. э.⁸ Амфора больших размеров, высота ее (без ножки) 1 м, диаметр тулова 0,45 м. Сечение ручки приближается к округленному ромбу. Глина коричневатая, с блестками слюды. На плечах амфоры вкруговую размещена

⁸ О. Д. Дашевская. Археологические исследования близ оз. Донузлав. «Археологические открытия 1966 г.», М., 1967, стр. 213.

надпись, причем два слова, из которых она состоит, отделены друг от друга основаниями ручек. Буквы очень крупные и глубоко врезаны. Высота букв первого слова 3,5—4 см, второго — 2,5—3 см (курсивной омеги — 1,8 см).

В первом слове, представляющем собой мужское имя, бросается в глаза ошибка: вместо омеги, которая должна быть предпоследней буквой, стоит омикрон. Во втором слове между второй и третьей буквами имеются лишние линии, в которых можно усмотреть еще один (первоначальный) Γ, начерченный слишком близко к Α, с заходом на нее. Возможно, здесь не удалась лигатура, и поэтому пришлось повторно нанести Γ немного дальше. Добавочно вертикальной линией подправлена Κ.

Из особенностей шрифта надо указать Α с ломаной гаской, Γ с длинной горизонталью и курсивную укороченную омегу. Заметим, что в обоих публикуемых граффити, датируемых, как уже было сказано, I в. н. э., характер написания омеги совпадает.

Второе слово надписи стоит в родительном падеже множественного числа. В первом слове скорее можно признать неоконченный родительный падеж, чем именительный. Кроме смысла надписи, за это говорит косвенно ошибка в слове: ведь если имя Κόνων, как и другие собственные имена того же типа, должно в родительном падеже сохранять омегу, то в аналогичных по окончанию именах нарицательных родительный падеж пишется через омикрон.

Надпись читается Κόνων(ος) Ναυτικῶν и переводится: Конон(а из) моряков.

Видимо, амфора была помечена ее хозяином — моряком Кононом, указавшим для точности свою профессию. Такого рода граффити в Северном Причерноморье фиксируются впервые. Уроженцем какой местности был моряк Конон, остается неизвестным. Это греческое имя, особенно распространенное в Афинах⁹, неоднократно засвидетельствовано на нашем Юге в ольвийских¹⁰ и боспорских¹¹ надписях, в херсонесских же — не встречалось.

Каменный архив Северо-Западного Крыма пока почти пуст: в нем имеются лишь две краткие эпитафии¹² и два еще не опубликованных фрагмента¹³. Тем большая роль в археологии и эпиграфике данного района сейчас принадлежит керамическим надписям.

⁹ W. Pape. Указ. соч. s. v.

¹⁰ IOSPE, I², № 32 и 201; «Надписи Ольвии (1917—1965)», Л., 1968, № 72.

¹¹ КВН, № 156, 1137, 1291.

¹² IOSPE, I², № 339; Э. И. Соломоник. Надписи на стеле из с. Марьино.

СХМ, III, 1963.

¹³ Надписи из Калос Лимена (1966 г.) и Белюса (1968 г.).

Э. В. ЯКОВЕНКО

УЗДЕЧНЫЙ НАБОР V В. ДО Н. Э.
ИЗ ВОСТОЧНОГО КРЫМА

На Керченском полуострове скифские памятники V в. до н. э. известны главным образом по погребениям знатных воинов в некрополе Нимфея. Обширное исследование М. И. Ростовцева, посвященное Боспору¹, и публикация Л. Ф. Силантьевой² ввели эти интересные материалы в научный обиход.

Почти все нимфейские погребения сопровождаются захоронениями лошадей с уздечными наборами, которые наряду с уздечками из старших Семибратних курганов стали эталонами скифской узды V в. до н. э. в степной Скифии.

К этому же типу вещей принадлежит один малозвестный уздечный набор, хранящийся в Античном отделе Государственного Эрмитажа, найденный в 1862 г. на мысу Ак-Бурун³.

Мыс Ак-Бурун находится на южной оконечности Керченской бухты. Здесь в середине XIX в. при строительстве крепости было скрыто пять курганных насыпей. Наблюдение за земляными работами проводил директор Керченского музея А. Е. Люценко. Из пяти ак-бурунских курганов известность получили только два: в одном из них (раскопки 1875 г.) было найдено богатое захоронение воина с золотым пилосом⁴, в другом — позолоченная погребальная урна с набором раннеэллинистических золотых украшений⁵.

Незаслуженно оставался забытым так называемый «пятый» Ак-Бурунский курган, раскопанный А. Е. Люценко в 1862 г. М. И. Ростовцев только кратко упоминает «богатейший бронзовый набор» из конской могилы этого кургана⁶. В позднейших исследованиях о некрополе Пантикапея эта находка никогда не упоминалась⁷.

Наиболее полные сведения о раскопках Ак-Бурунского кургана 1862 г. содержатся в отчете А. Е. Люценко⁸. Автор раскопок сообщает, что курган находился «на самой оконечности мыса», высота его насыпи достигала 4 сажени, окружность — 80 сажени. В центре кургана, в мате-

риковом грунте, была обнаружена «плитовая гробница... длиной 4 аршин с плоской крышей». Гробница оказалась полностью разграбленной. Неподалеку от нее, на уровне «поверхности материка», находились две конские могилы. Одна из них была потревожена грабителями. В другой *in situ* лежал засыпанный мелкой галькой остов коня головой на север с сохранившимися полностью частями уздечного набора. У черепа лошади найдены обломки железных удила, бронзовые псални, четыре круглые бронзовые ременные бляхи, пять бронзовых пряжек — пронизей, выполненных в зверином стиле, и две бронзовые ворворки. У груди лежала бронзовая круглая бляха с изображением хищника, а под брюхом — бронзовая пряжка.

Железные удила (рис. 22, 2), судя по сохранившимся фрагментам, состояли из двух звеньев, скрепленных между собой внутренними кольцевыми петлями. Длина сохранившейся части одного из звеньев 8 см, в сечении 0,8 см, диаметр внутренней петли 1,3 см.

Два бронзовых S-видных двудырчатых псалня с восьмеркообразным утолщением в средней части имеют плоские ажурные лопасти (рис. 22, 1). На каждой из них изображена лапа хищной птицы с двумя загнутыми когтями, из которых один, меньший, расположен справа, а другой, большой, опускается на него слева. Длина псалня 18,5 см, в сечении 1 см, длина лопасти 7 см, ширина 4 см.

На одной из найденных четырех блях (рис. 24, 4) с обратной стороны сохранилась закругленная петля для продевания ремня. Две бляхи большего размера имеют на наружной поверхности 11 выпуклых шариков по краю и один — в центре. Диаметр блях 6 см, высота 1,7 см. Бляхи меньшего размера той же формы имеют шесть шариков по краю и один в центре. Диаметр их 5 см, высота 1 см.

Две бронзовые бляшки-пронизей — в виде голов барашка (рис. 23, 1), полые внутри, со срединной цельнолитой ременной петлей с обратной стороны. Пряжки имеют прямоугольную выпуклую в средней части форму. Голова животного изображена в фас, глаза переданы углубленными концентрическими окружностями. Вокруг глаз, начиная от центра головы вдоль морды, идут массивные изогнутые рога, покрытые насечками; концы рогов заострены и слегка выступают наружу. Отверстия носа и рта переданы небольшими линзовидными углублениями. Длина бляшек 3,2 см, ширина 2 см, высота 1,2 см.

Одна бронзовая налобная бляшка-пронизей — в виде головки рогатого животного, отдаленно напоминающего сайгака (рис. 24, 1). Бляшка имеет удлиненно-овальную выпуклую в средней части форму. Она полая, внутри имеет с обратной стороны цельнолитую ременную петлю. Голова изображена в фас; глаза переданы концентрическими углубленными окружностями. На лбу возвышаются длинные тонкие в плане лировидные рога, отогнутые назад, которые опираются на торчащие вверх острые уши; конец правого рога обломан. В средней части рога, вероятно для прочности, соединены между собой тонкой перемычкой. Ноздри животного переданы линзовидными углублениями, а отверстие рта — двумя волнистыми резными линиями. Длина 1,4 см, ширина 2,4 см, высота с рогами 5,8 см, длина рогов 5 см.

Найдены также две бронзовые ременные бляхи в виде лап кошачьего хищника (рис. 23, 2; 24, 2). С обратной стороны они имеют П-образные петли. На одной из блях изображена в фас правая передняя лапа, имеющая сверху и по бокам рельефные бороздки; когти на ней переданы пятью прямыми углубленными насечками. Длина 7,5 см, ширина 4,3 см. Другая бляха — с изображением в профиль правой задней лапы; вдоль ее левого края и поперек средней части идут рельефные полоски; на коленном суставе — небольшой углубленный кружок, напоминающий глаз; стопа расчленена двумя волнистыми линиями. Длина 6 см, ширина 2,7 см.

¹ М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 253, сл.

² Л. Ф. Силантьева. Некрополь Нимфея. МИА, № 69, 1959, стр. 51—91.

³ Пользуясь случаем поблагодарить К. С. Горбунову и Л. Ф. Силантьеву за любезное разрешение ознакомиться с набором и опубликовать его.

⁴ ОАК за 1875 г., стр. 5 сл.

⁵ М. И. Ростовцев. Указ. соч., стр. 256.

⁶ Там же.

⁷ Г. А. Цветаева. Курганский некрополь Пантикапея. МИА, № 56, 1957, стр. 227—250.

⁸ Научный архив ЛОИА. Журнал раскопок А. Е. Люценко с 9 июля по 2 сентября 1862 г., ф. 1, л. 13/1862.

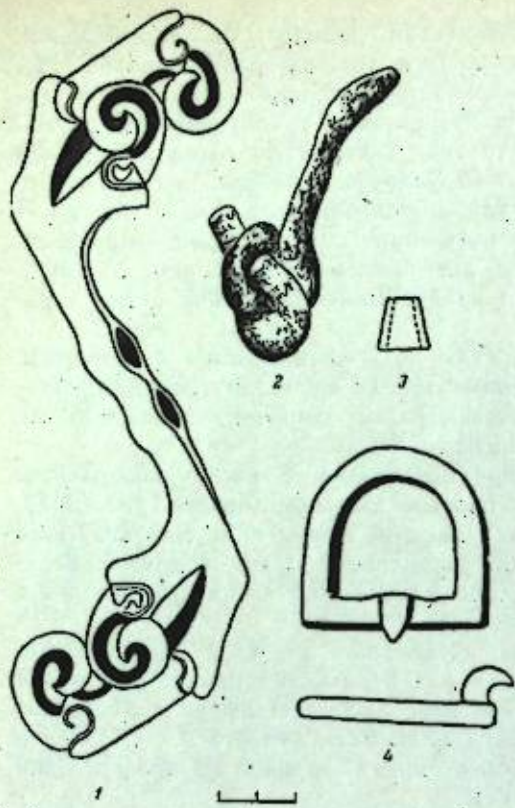
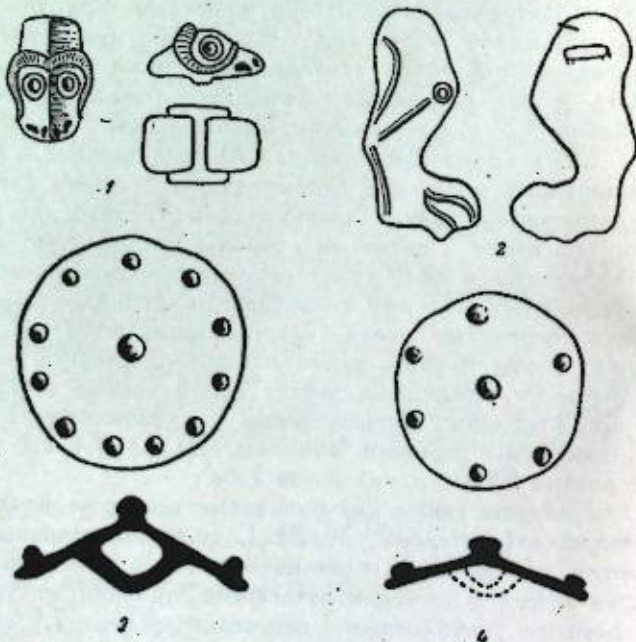

Рис. 22. Находки уздечного набора из кургана V в. до н. э. (Ак-Бурун)

1 — бронзовый псалий; 2 — железное удило; 3 — бронзовая ворворка; 4 — бронзовая пряжка

Рис. 23. Уздечный набор из кургана V в. до н. э. (Ак-Бурун)

1—4 — бронзовые бляшки

Представляют интерес две бронзовые ворворки (рис. 22, 3) в форме усеченного конуса (высота 1,3 см, диаметр верхней части 1 см, диаметр нижней части 1,5 см) и круглая ажурная бронзовая бляха, на которой в профиль изображен свернувшийся хищник, вероятно лев (рис. 24, 3). На морде с открытой пастью рельефными линиями изображен глаз и обведены челюсти. Прижатое к шее острое ухо сливается с лохматой гривой. Шерсть гривы и складки живота переданы глубокими резными волнистыми линиями. Животное свернуто в кольцо таким образом, что передняя лапа упирается в заднюю, а морда — в конец хвоста. На конце хвоста и в центре спины есть круглые углубления, напоминающие глаз. Их диаметр — 6 см.

Оригинальна бронзовая ременная пряжка в форме полуовала. На ровном краю в центре есть острый массивный шип, отогнутый наружу. В сечении она четырехгранная; длина 5,5 см, ширина 4,3 см; в сечении 0,5 см, высота шипа 1 см.

Все предметы ак-бурунского комплекса изготовлены способом литья с последующей чеканкой и шлифовкой. Состав набора — удила, псалии, пряжки-пронизи в зверином стиле, ворворки — обычны для скифской материальной культуры начиная с VI в. до н. э.⁹

Псалии S-видной формы известны в уздечных наборах Евразии с конца VI в. до н. э. В скифских и савроматских памятниках встречены их многочисленные варианты, отличающиеся друг от друга оформлением верхних и нижних концов.

Ак-Бурунские экземпляры принадлежат к одной из групп S-видных псалиев с широкими лопастями, украшенными в зверином стиле. Наиболее близкой аналогией являются бронзовый псалий из кургана 484 у с. Плавинищи (Посулье), найденный в комплексе V в. до н. э.¹⁰ и хранящийся в Берлинском музее псалий «из Южной России»¹¹. На их лопастях, отличающихся от ак-бурунских псалиев более простой композицией, в одинаковой манере изображена когтистая лапа хищной птицы.

Существует несколько фрагментов, возможно от таких же псалий, в Майкопском музее — случайная находка в кургане V—IV вв. до н. э. у хутора Шунтук¹².

Полусферические ременные бляхи с разнообразным оформлением наружной поверхности широко применялись в скифских уздечных наборах¹³. Обычно они гладкие либо украшены розетками. Нам не известны прямые аналогии ак-бурунским полусферическим бляхам. До некоторой степени им близки бляхи из кургана 4 у с. Поповка V в. до н. э.¹⁴; правда, последние меньших размеров и выпуклости на них скомпанованы иначе.

Бляшки-пронизи с головками барана по манере исполнения напоминают золотые бляшки из кургана 24 Нимфейского некрополя и из второго Семибратного кургана¹⁵. Следует отметить, что если в арханческой узде изображение барана было довольно популярным¹⁶, то в V в. до н. э. его постепенно вытесняют лоси, олени, хищные животные и т. д. В этой связи ак-бурунскую узду нельзя считать типичной среди одновременных ей наборов.

⁹ К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов. МИА, № 101, 1961, стр. 84, 85.

¹⁰ В. А. Ильинская. Скифы днепровской левобережной лесостепи. Киев, 1968.

¹¹ I. A. H. Potratz. Die Skythen in Südrussland. Basel, 1963, стр. 72—79.

¹² Пользуясь случаем поблагодарить В. А. Ильинскую за любезное сообщение.

¹³ А. А. Бобринский. Раскопки курганов у местечка Смелы, т. III. СПб., 1901, табл. XIX, 1.

¹⁴ В. А. Ильинская. Указ. соч.

¹⁵ М. И. Артамонов. Сокровища скифских курганов. Прага—Ленинград, 1966, рис. 35, б; рис. 48.

¹⁶ В. А. Ильинская. Скифська вузда VI ст. до н. с. «Археологія», т. XIII, 1961, стр. 59.

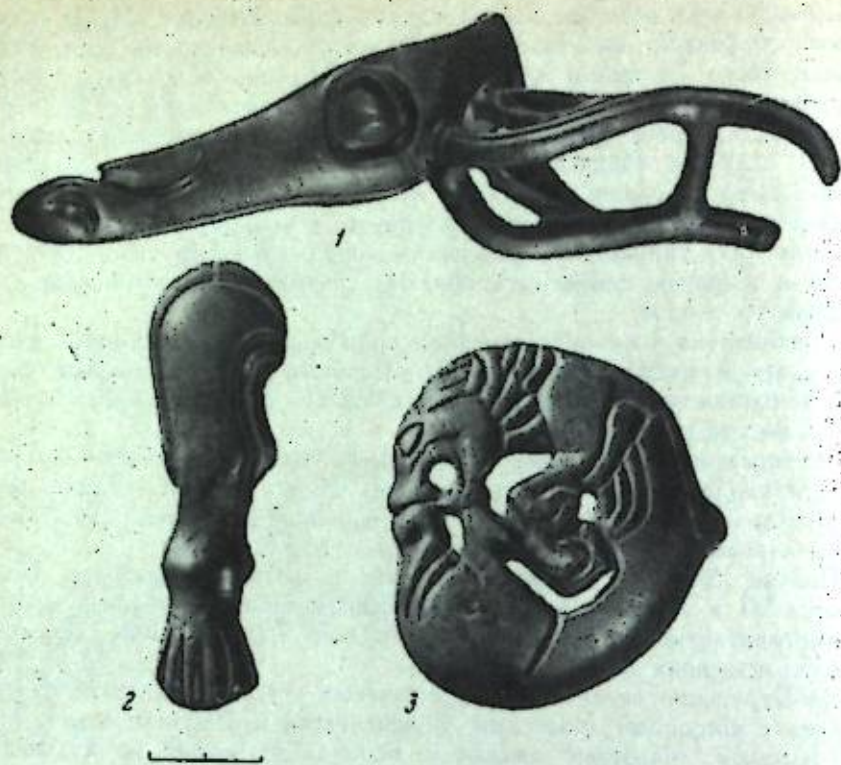

Рис. 24. Находки уздечного набора из кургана V в. до н. э. (Ак-Бурун).

1 — бронзовый налобник; 2 — бронзовая бляха; 3 — бронзовая ажурная бляха

Таким же исключением из общепринятых стандартов V в. до н. э. является, вероятно, и ак-бурунская налобная бляха. Нам не известны ни аналоги этому предмету, ни животное, послужившее прообразом изображения. Изображение сайгака известно на рукоятке келермесской секиры¹⁷, где довольно точно переданы тупая утолщенная морда животного и лировидные рога. Допустимо, что на ак-бурунском налобнике мастер изобразил нечто среднее между сайгаком и оленем, так как удлиненная морда и загнутые назад рога напоминают манеру передачи именно этого животного.

Более обычным для скифской узды являются бляхи в виде лап хищника. Они широко известны в комплексах V—IV в. до н. э. на всей территории Северного Причерноморья. Наиболее близки ак-бурунским бляхам уздечные украшения из Нимфея (курган 1), Аксютинцев, Волковцев¹⁸ и т. д.

Одним из популярных сюжетов звериного стиля народов Евразии был свернувшийся в кольцо хищник. Уже в VII в. до н. э. он известен на навершии золотой рукоятки меча из Зивие¹⁹. Животное изображено настолько согнувшимся, что его передняя лапа упирается в заднюю, а морда касается кончика хвоста. На плечевом суставе есть добавочное изображение головы грифона, клюв которого выступает за контуры бляхи в виде кольцевидного выступа. Эта композиционная схема сохраняется и на более поздних северопричерноморских бляхах почти без изменений.

¹⁷ М. И. Артамонов. Указ. соч., табл. 12, 17, 127—128.

¹⁸ В. И. Ильинская. Скифы днепровской левобережной лесостепи.

¹⁹ R. Ghirshman. Iran. Protoiranien. Meder. Achämeniden. München, 1964, S. 117, fig. 158.

Таким же образом изображен хищник на ак-бурунской бляхе; аналогичное изображение известно среди бронзовых украшений в Семибратних курганах²⁰, а также в кургане V в. до н. э. у с. Долниное, раскопанном Ю. Кулаковским в 1895 г.²¹ Следует отметить, что если на некоторых бляхах добавочное изображение грифона сохранено (с. Пьяновка близ Бугуруслана²², Кумбулта²³, курган Кулаковского 1895 г. и др.), то на других оно либо вовсе отсутствует (Семибратние курганы), либо превращено в орнаментальную деталь в виде округлого углубления, выступающего за контуры изображения (Ананьино²⁴, Осетия²⁵). То есть постепенно один из символов настолько стилизуется, что теряет свое смысловое значение. Примером такой стилизации является и ак-бурунская бляха, где вместо головы грифона и на конце хвоста и на спине хищника изображены кружки, причем последний даже смещен к центру.

В целом принадлежности уздечного набора Ак-Бурунского кургана, судя по имеющимся аналогиям, датируются временем не позже середины V в. до н. э. По манере и высокому качеству исполнения они тесно связаны с уздечными наборами Нимфейских и старших Семибратних курганов. Об этом свидетельствует почти полное совпадение отдельных украшений, а также и весь погребальный обряд, зафиксированный А. Е. Люценко при раскопках кургана 1862 г. Каменную гробницу — «плитовую» (по А. Е. Люценко) — сопровождали две конские могилы «на уровне поверхности материка». Аналогичная ситуация наблюдается в Нимфейском некрополе. Здесь при основных захоронениях в плитовых гробницах, на уровне их перекрытия, находились конские могилы²⁶; курган 1 — одна могила (нарушена); курган 6 — одна могила (пять лошадей); курган 14 — четыре могилы (по одной лошади); курган 17 — одна могила (две лошади); курган 24 — четыре могилы (по две лошади). Таким образом, Ак-Бурунский и Нимфейские курганы однотипны по погребальным сооружениям и обряду захоронения. Возможно, что в основной ак-бурунской гробнице был похоронен знатный скифский воин, подобно тому, как это обнаружилось и в Нимфейских курганах.

Конские сопровождающие захоронения есть и в Семибратних курганах. Однако там погребальный обряд имеет ряд особенностей. Несмотря на различия в погребальном обряде, Ак-Бурунский и Нимфейские курганы, с одной стороны, и старшие Семибратние — с другой, имеют много общего в наборе украшений конской узды. Все они изготовлены в технике литья, причем уровень исполнения свидетельствует о высоком мастерстве литейщиков.

Большое количество художественных изделий из бронзы в памятниках Восточного Крыма и Тамани свидетельствует о том, что на Боспоре существовал значительный бронзолитейный центр. О наличии такого центра неоднократно писали многие исследователи²⁷. На основании анализа украшений из скифских и синдо-меотских курганов было высказано предположение о существовании крупной бронзолитейной мастерской в одном из греческих городов уже в раннем VI в. до н. э.²⁸

²⁰ E. Minns. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, p. 214, fig. 115.

²¹ М. И. Артамонов. Указ. соч., табл. 78.

²² К. Ф. Смирнов. Савроматы. М., 1964, рис. 80, 1.

²³ V. Grakov. Monuments de la culture scythique entre le Volga et les monts Oural. ESA, III, 1928, p. 51, fig. 36.

²⁴ А. В. Збруева. История населения Прикамья в Ананьинскую эпоху. МИА, № 30, 1952, стр. 37, табл. IV, 14.

²⁵ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, табл. XI, 2.

²⁶ Л. Ф. Силантьева. Указ. соч., стр. 87.

²⁷ М. И. Ростовцев. Указ. соч., стр. 361; А. К. Коровина. К вопросу об изначении Семибратних курганов. СА, 1957, № 2, стр. 185.

²⁸ Е. О. Прушевская. Художественная обработка металла. «Античные города Северного Причерноморья», т. 1. М.—Л., 1955, стр. 336.

Огромные коллекции художественных бронз скифского звериного стиля из Восточного Крыма, Тамани, Прикубанья, а также из Поднепровья свидетельствуют о том, что взаимоотношения греков с «варварским» миром имели глубокое внутреннее содержание. Греческие мастера производили вещи, рассчитанные не только на вкус потребителя, они создавали серии украшений, связанных внутренним смысловым единством. Это наглядно демонстрирует степень глубокого знакомства греческого населения с миром кочевых племен.

Одним из примеров этой связи является ак-бурунский набор: образы барана, сайгака, кощачьего хищника — неслучайны. Они широко известны как обереги, связанные с различными идеологическими представлениями кочевников Евразии²⁹. Чаще всего подобные обереги встречаются в уздечных наборах и на предметах вооружения. Причем в ряде случаев они изготовлены, как и ак-бурунская узда, греческими мастерами.

С этим явлением связана непосредственно протоэллинистическая гипотеза ряда исследователей³⁰. Они считают, что на Боспоре наблюдается раннее — уже в IV в. до н. э. — слияние греческой культуры и местной, «варварской».

Подобные протоэллинистические тенденции прослеживаются в V в. до н. э. и в области искусства. Объяснить эти явления можно только после всестороннего изучения взаимодействия двух миров — античного и «варварского», которые находились в тесном контакте.

И. Г. ШУРГАЯ

РАСКОПКИ В ЮГО-ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ ИЛУРАТА
В 1966 И 1968 ГГ.

Возобновившиеся в 1966 г. раскопки Илурата были сосредоточены на участке IV в юго-западной возвышенной части городища, вблизи раскрытого в 1956—1960 гг. квартала, непосредственно примыкавшего к оборонительной стене¹. Квартал этот разделяется улицей, идущей от юго-западных ворот в центр поселения. В направлении с юго-востока на северо-запад улица пересекается узким переулком, отделяющим примыкавший к оборонительной стене квартал от остальной части городища. К северо-востоку от переулка, в месте его пересечения с улицей, в 1966 г. был заложен раскоп, который в дальнейшем был расширен в северо-восточном и северо-западном направлениях.

Комплекс, раскрытый в 1966 г., представляет собой группу помещений (24—26), протянувшихся вдоль улицы (рис. 25). От нее он огражден стеной 2, общей для помещений 24 и 25; тянется она на протяжении 7,75 м; сложена из бутового камня на глиняном растворе. Стена сильно разрушена; в пределах помещения 24 сохранившаяся высота не превышает 0,55 м. Значительно лучше сохранилась стена 1 — до 1,30 м высотой. Северо-восточная стена помещения 24, отделявшая его от соседнего помещения 25, разобрана до нижнего ряда кладки. Толщина стен 0,70 м.

В помещении 24 (5,25 × 11,40 м) сосредоточены все основные хозяйственные сооружения дома, среди которых выделяется типичная для Илурата загородка, вплотную примыкающая к стене 1 и состоящая из двух параллельных рядов вертикально поставленных плит, вкопанных в пол (рис. 26, 1). В юго-восточном ряду (длина его 1,80 м) сохранилось три плиты, в северо-западном — одна. Расстояние между рядами плит 0,55 м, высота плит 0,65 м, одна плита выше остальных (ее высота 0,85 м). Крайняя плита в верхнем углу имеет круглое отверстие диаметром 4 см. Аналогичные загородки из плит раскрыты во многих илуратских домах².

Плитовая загородка отделяла мощеную часть помещения от его глинобитного пола, залегающего на глубине 0,80—1,0 м от современной поверхности. Вымостка из крупных плит с глиняной подмазкой занимает юго-восточную часть помещения, ее площадь 3,90 × 2,50 м. Прокоп, сделанный у северо-восточного края вымостки, возле стены 3, разделявшей

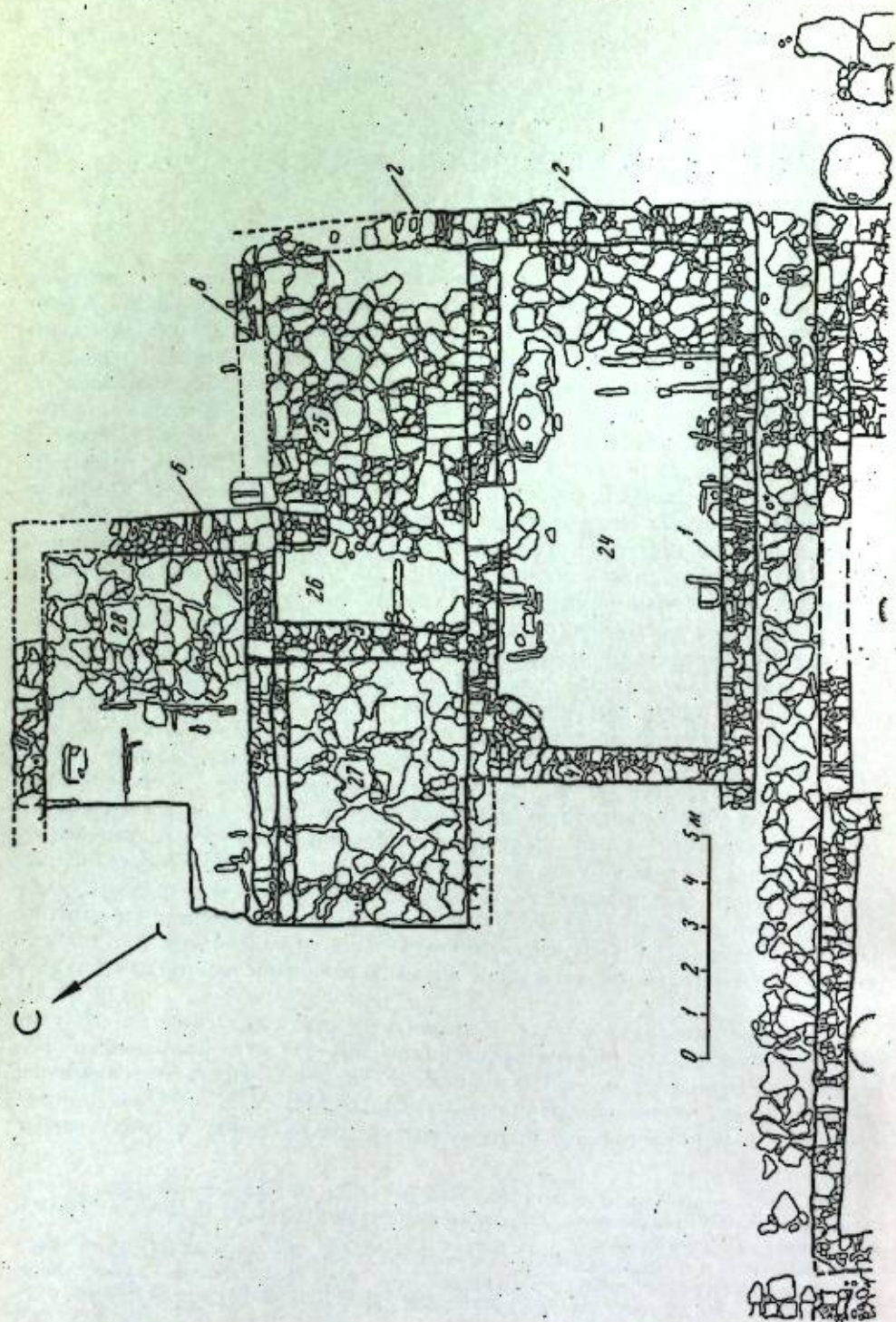
¹ В 1966 г. работы проводил Илуратский отряд Боспорской экспедиции, возглавляемой В. Ф. Гайдукевичем. В работах принимали участие И. Г. Шургая (начальник отряда) и Н. Э. Кушина.

² Например, в помещениях 17 и 37 (участок I), 22 и 28 (участок III). В. Ф. Гайдукевич подобные загородки рассматривал как ясли для засыпки корма скоту (см.: В. Ф. Гайдукевич. Илурат, МИА, № 85, 1958, стр. 93) и в отдельных случаях в качестве закровов (там же, стр. 124).

²⁹ В. А. Ильинская. Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля. СА, 1965, № 1, стр. 93—99; К. Ф. Смирнов. Савроматы. М., 1964, стр. 223—242.

³⁰ В. Д. Блаватский. Пантикапей. М., 1964, стр. 59; В. Ф. Гайдукевич. История античных городов Северного Причерноморья. «Античные города Северного Причерноморья». М.—Л., 1955, стр. 115.

Рис. 25. Илурад.
План раскопа на
участке IV

смежные помещения 24 и 25, показал, что материковая скала залегает здесь на 0,50 м ниже северо-восточного края вымостки. Для нивелировки склона илурадского холма сделана глиняная подсыпка. Здесь же обнаружен подпорный камень, укрепляющий одну из наиболее крупных плит вымостки в горизонтальном положении.

Основной комплекс хозяйственных сооружений размещался в немощенной части помещения (с глинобитным полом). Возле стены 1 на расстоянии 1,10 м и 2 м от большой плитовой загородки обнаружены две небольшие загородки, сложенные из поставленных под прямым углом на ребро двух плит высотой 0,50—0,60 м. Прямоугольная в плане и более крупная загородка (1,50×1 м), сложенная из невысоких (около 0,20 м), вкопанных в землю известняковых плит, находится возле стены 3.

Весьма интересно хозяйственное сооружение, встроенное в северный угол помещения 24. В плане оно имеет вид сектора с дугой, обращенной в глубь помещения. Его высота 0,65 м, радиус окружности около 1,30 м. Сооружение сложено из небольших плоских плит вперевязь со стенами 3 и 4 и снаружи облицовано плитками. В нижней части сооружения имеется прямоугольное отверстие высотой 0,45, шириной 0,42 м и глубиной 0,60 м. Проем устья обрамлен тремя плитами: две стоят по сторонам проема, третья перекрывает их.

Возле стены 1 стояли каменная ступа (высотой более 0,5 м) и массивная известняковая кормушка. Внутри помещения 24 отметим печь, возле стены 3 (1,35×0,85 м); ширина топочного устья 0,46 м. Печь обложена хорошо отесанными плитами. Частично сохранился подпорный саманный столбик (диаметр 19 см) в центре печи.

По всему помещению 24 прослеживаются следы пожара, в котором погиб город. Особенно значительным оказался горелый слой в западной части помещения, где толщина его достигает 40 см. Его перекрывает золистый слой (толщиной 30—35 см) с обилием завальных камней, перекрытый верхним дерновым слоем (толщиной 15—20 см). Горелый слой насыщен костями домашних животных, погибших в помещении 24 по время пожара, главным образом в северо-западной части помещения. Жители, покидавшие город при приближении врага, видимо, настолько спешили, что не успели отпереть всех помещений, в которых содержался скот, заживо сгоревший. В горелом слое найдено много вещей, обычных для Илурата: обломки многочисленных боспорских амфор, меньше — светлоглиняных южнопонтийских амфор III в. н. э. Много лепных изделий отметим находки двух ладьевидных светильников и светильника в форме сапожка³. На полу помещения возле стены 1 найдена терракотовая статуэтка сидящей богини в высоком головном уборе с простертыми вперед руками⁴. Статуэтка частично повреждена (рис. 27, 1). Из горелого слоя помещения 24 извлечены: фрагменты краснолаковых кубков III в. н. э., фрагментированная красноглиняная энохоя, обломки точильных камней, костяные проколки, обломки железных и бронзовых гвоздей, обломки обуглившихся деревянных балок, диаметр которых достигал 15 см. Угли перекрыты пластами камки, вероятно от кровли постройки, которая была двухэтажной. На полу помещения лежали куски местной и синопской черепицы.

Остатки лестницы, ведущей на второй этаж помещения, открыты на вымостке соседнего помещения 25, возле стены 3, разделявшей оба по-

³ Ср.: В. Ф. Гайдукевич. Указ. соч., стр. 44, 45, рис. 32.

⁴ Подобные статуэтки в Илураде встречались неоднократно (см.: В. Ф. Гайдукевич. Указ. соч., стр. 128, рис. 137, 1, 2). В деталях особенно близка находке 1966 г. статуэтка из Пантикапея (см.: М. М. Кобылина. Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М., 1961, стр. 161, табл. XXXVI, 1).

Рис. 26. Илурат. Участок IV

1 — вымостка и хозяйственные сооружения в помещении 24; 2 — северо-западная часть помещения 24 и лестница на вымостку двора 25; 3 — лакром и вымостка в помещении 28; 4 — деталь устройства внутренней части лакрома в помещении 28

мещения. От лестницы сохранились три ступени шириной 0,94 м каждая, высота верхней ступени — 0,50 м. Длина лестничного марша — 1,60 м (рис. 26, 2).

Большое помещение 25, примыкавшее к помещению 24 с северо-восточной стороны, явилось двором дома и было вымощено крупными известняковыми плитами неправильной формы. Сложное по плану помещение состоит из мощеной части (6,10×4,75 м) и небольшого участка возле пристройки, занявшей северный угол двора (помещение 26), плитовое покрытие которого не сохранилось (2,50×1,50 м). Вымостка двора 25 была менее тщательна, чем в помещении 24, и не имела нивелирующей подсыпки. Возможно, именно поэтому вымостка двора во многих местах нарушена.

Рис. 26. (окончание).

Как отмечалось, юго-восточная стена 2, отгораживавшая двор от улицы, сохранилась плохо. В пределах двора 25 на протяжении 2,50 м раскрыты два ряда кладки. Далее к северо-востоку стена 2 обрывается. Северо-восточная стена двора (стена 8) разрушена целиком; ее остатки удалось проследить лишь после расчистки северо-восточной оконечности вымостки. Возле стены 6, относящейся к помещению 26, открыта плита (1,05×0,58 м), на поверхности которой имеется паз длиной 60 см для укрепления рамы дверного проема в северо-восточной стене. Через этот дверной проем, ширину которого определить не удалось, можно было пройти во двор дома, а оттуда в его внутренние помещения. С помещением 24 двор был связан проемом в стене 3, от которого сохранилась плита порога размерами 1,15×0,90 м. Северный угол двора был отгорожен выступом стены 6, уходящей далее на северо-восток за пределы двора, и невысокими вкопанными в грунт плитами, поставленными на

ребро; они выделяют во дворе 25 небольшую хозяйственную пристройку (помещение 26), огражденную стенами с трех сторон.

Помещение 26 невелико — 1,75×2,95 м. Пол помещения — каменно-глинобитный. Стены сложены из крупного бута. Северо-восточная стена 7 сохранилась на высоту 1,35 м, северо-западная стена 5 — 1,10 м, выступ стены 6 в пределах помещения 26 высотой около 1 м. В границах помещений 25 и 26 стена 6 имеет 1,40 м длины. Торцовая часть стены 6, обращенная к юго-западу, облицована двумя вертикальными плитами с забутовкой между ними. Возле стены 6 во дворе 25 открыта каменная скамья, сложенная из трех плит: большей (0,91×0,30×0,20 м), опирающейся на две меньшие плиты (0,33×0,39×0,28 м).

Находки в помещениях 25 и 26 немногочисленны: обломки боспорских амфор, лепной посуды и двух зернотерок из зеленоватой туфобрекчи и аркозового метапесчаника лиловато-серого цвета⁵. Целый верхний камень зернотерки из аркозового метапесчаника найден в горелом слое на полу помещения 24.

С северо-запада к помещениям 24, 25 и 26 примыкают раскрытые в 1968 г. помещения 27 и 28, относящиеся к соседнему жилому и хозяйственному комплексу⁶.

Помещение 27 (4,60×6,60 м) имеет общую стену с помещениями 25 и 26 (стена 5). Ее наибольшая высота в пределах помещения 27—0,80 м, наименьшая—0,20 м. Северо-западная и юго-западная стены помещения разрушены до основания, а от северо-восточной стены сохранился только нижний ряд кладки. Пол вымощен крупными плитами мшанкового известняка с глиняной подмазкой.

Размеры отдельных плит более 1 кв. м. Вымостка была покрыта пластинами камки и глины. В некоторых пластах наблюдается многократное чередование слоев камки и глины; это остатки кровли, относящейся, возможно, к помещению 26.

Среди немногочисленных находок на полу помещения отметим два светильника с реберчатыми щитками III в. н. э. и фрагменты красной штукатурки. Но было ли помещение 27 покрыто цветной штукатуркой и, следовательно, являлось ли жилым — пока ответить трудно.

От примыкающей к нему с северо-востока стены помещения 28 оно отделялось стеной 9 (толщина до 1,10 м). В ее сооружении по сохранившимся нижним рядам кладки отчетливо прослеживаются два строительных периода. Первоначально помещение 27 и лежащее на 0,40 м ниже его уровня помещение 28 разделялась стеной 9а обычной толщины (0,70 м). Позднее она была утолщена пристроенной вплотную тонкой (0,40 м) стенкой 9б. Сохранившаяся высота стены 9 от подошвы, упиравшейся в пол помещения 28, — 0,52 м.

На расстоянии 2,95 м от стены 5 в стене 9 имеется дверной проем шириной 1,10 м. Здесь сохранилась лестница из трех ступеней грубой тески; лестница связывала помещения 27 и 28, находившиеся на разных уровнях. Длина марша лестницы 1,15 м, ширина верхней ступени 0,52 м, ширина двух нижних 0,39 и 0,32 м. Длина верхней и средней ступеней 1,10 м, нижней — 1,15 м. Площадь помещения 28—8,90×4,90 м. Его северо-западная стена не раскрыта; юго-восточная стена 6, общая с помещением 25, целиком была открыта в 1968 г. Ее длина в пределах помещения 28—4,90 м. Северо-восточный конец стены разрушен, юго-западный конец, упирающийся в фас стены 7, имеет высоту 0,75 м. Стена 10,

⁵ О материале, из которого изготовлены зернотерки см.: В. Ф. Петрунь. О двух интересных горных породах в зернотерках античного времени из Северного Причерноморья. КСОГАМ за 1963 г. 1965, стр. 126—128.

⁶ В 1968 г. в работах Илуратского отряда Боспорской экспедиции (начальник экспедиции П. Н. Шульц) принимали участие И. Г. Шургай (начальник отряда), С. С. Бессонова, И. А. Саркисян, В. Н. Мелентьев, О. И. Мищенко.

Рис. 27. Илурат. Находки из раскопок с участка IV
1 — статуэтка богини на троне; 2 — фигурка мужчины

высота которой не превышает 0,75 м, сохранилась только на протяжении 4,30 м.

Хозяйственные сооружения в помещении 28 сосредоточены в западной его части. Приблизительно посередине оно разделено на две части загородкой из двух параллельных рядов известняковых плит, из которых крайняя северо-восточная плита обломана у основания (рис. 26, 3); в северо-западном ряду сохранилась одна плита. Высота всех плит 0,50 м, расстояние между рядами 0,50 м. Реконструируемая длина загородки 3,29 м.

К крайней северо-восточной плите с отверстием в верхнем углу с внутренней стороны вплотную примыкает массивная плита высотой 0,40 м, толщиной 0,15 м (рис. 26, 4). Как выяснилось при расчистке, на эту плиту и на параллельную ей, но не сохранившуюся, опиралась горизонтальная плита 0,40×0,35 м. Внутри загородки лежала еще одна плита (0,40×0,37 м), также, вероятно, опиравшаяся на вертикальные плиты. Здесь же обнаружена нижняя часть раздавленной боспорской амфоры III в. н. э., стоявшей, вероятно, в центре загородки. Возле амфоры загородка разделена на две секции поперечной плитой (0,35×0,20×0,10 м). Таким образом, загородка, состоявшая из двух параллельных рядов плит и первоначально служившая своего рода яслями для засыпки корма скоту, в дальнейшем использовалась в качестве закрома.

Площадь мощеной юго-восточной части помещения 28—4,90×3,55 м. Южный угол огражден двумя стоящими на ребре плитами, высота их 0,50 м, толщина 0,15 и 0,10 м. Длина плиты, примыкающей к стене 6—0,60 м, к стене 7—0,50 м. На вымостке найдена долбленая известняковая

кормушка глубиной 0,20 м, высотой 0,30 м, длиной 0,50 м, шириной 0,25 м.

На немощенной части пола, к северо-западу от закрома, расчищено сооружение из одного ряда четырех невысоких (0,25 м, толщиной 0,10 м) вкопанных в землю плит. Длина загородки — 1,93 м. Длина этих плит равна 0,50, 0,35, 0,50 и 0,55 м. К крайней плите перпендикулярно примыкает одинаковая по размеру плита длиной 0,35 м, шириной 0,25 м. Описанное плитовое сооружение упиралось в северо-восточный край закрома, образуя с ним единый хозяйственный комплекс, почти целиком занимавший всю северо-западную часть помещения 28.

В северном углу помещения на расстоянии 0,60 м от стены 10 открыто выложенное плитами прямоугольное углубление глубиной 0,45 м, длиной 0,84 м; ширина его юго-восточной части — 0,45 м, северо-западной части 0,30 м. Возле углубления найдены обломки небольших, по-видимому, перекрывавших его плиток. Это углубление, безусловно, также служило хранилищем припасов.

В западном углу помещения на расстоянии 2,58 м от закрома открыто наземное сооружение подобного рода. Это своеобразный короб, сложенный из плит толщиной 8—10 см. Длина его 0,70 м, ширина 0,55 м, высота плит 20—25 см. Перекрывавшая короб плита (0,50×0,38×0,15 м) оказалась расколота и была удалена. Из короба при расчистке извлечен фрагментированный лепной горшок с низкими стенками и плоским дном.

Таким образом, все помещение 28 было заполнено хозяйственными сооружениями и жильем, очевидно, не являлось. На полу помещения, помимо обломков лепной посуды и амфор, найдены: фрагмент цедилаки, обломок глиняной подставки для обжига амфор, несколько подвесок от ткацкого станка — обожженных и сырцовых. Среди находок выделяется терракотовая статуэтка высотой 13 см, вылепленная от руки из хорошо отмученной желтой мелкозернистой глины (рис. 27, 2). Статуэтка изображает мужчину с выступающими вперед широкими скулами, запавшими щеками и крупным подбородком. Большие широко расставленные глаза условно обозначены валиками и выпуклыми точками. Волосы начесаны на низкий лоб. Крупный орлиный нос с высокой спинкой слегка сколот. Непомерно большие уши переданы крайне условно. Руки статуэтки отбиты, длинное уплощенное туловище слегка склонено вперед. Нижняя часть туловища, у бедер, завершающаяся расширением и дугообразным выгибом в срезе, обломана. В отвалах земли из помещения 28 найден медный сестерций Рискаупорида II (68—92 гг. н. э.)⁷.

В ходе работ 1966 и 1968 гг., результатом которых явилось дальнейшее расширение площади участка IV, удалось в значительной мере приблизиться к осуществлению одной из задач в археологическом исследовании Илурата, поставленной в свое время В. Ф. Гайдукевичем⁸, — соединению раскопов с целью раскрыть центральную часть древнего города.

М. М. КОБЫЛИНА

КВАРТАЛ РЕМЕСЛЕННИКОВ
НА ЮЖНОЙ ОКРАИНЕ ФАНАГОРИИ

В 1965 г. на южной окраине городища Фанагории к западу от комплекса обжигательных печей¹ в позднеантичном слое III—IV вв. н. э. были открыты плохо сохранившиеся остатки бедных жилищ, очевидно, принадлежавшие ремесленникам (рис. 28).

Слой III—IV вв. лежал здесь на строительных остатках времени расцвета города в V—IV вв. до н. э. На этой территории эллинистический слой совершенно отсутствует, обнаружена лишь яма N, наполненная керамикой II в. до н. э.

В слое IV в. сохранились незначительные остатки основания дома — фрагмент кладки 11 и развалы камней 11а, 23 и 12. Кладка 11 сложена из грубо обработанных камней, уложенных на глинне, между которыми мелкие черепки. Глубина залегания поверхности 0,42 м; высота кладки 0,15—0,22 м, длина кладки 1,45 м, ширина 0,40—0,60 м. К западу тянется развал камней и черепков 11а — очевидно, той же кладки.

Под прямым углом к кладке 11 сохранилась забутовка 23 от поперечной кладки. Она состоит из мелкого камня и небольшого количества черепков. Длина 1,17 м, ширина 0,27 м, высота 0,13 м; глубина залегания от поверхности 0,44 м. По всей вероятности, развалом того же жилища являются и камни 12, беспорядочно лежащие к северу от 11—11а; один из этих камней имеет углубление для установки деревянного столба. Такие столбы служили для укрепления двери при входе в дом.

К югу от кладки 11 был обнаружен развал печи 32 (вероятно, второго помещения дома), куча обломков полуобгоревших сырцов, занимающих площадь 0,90×0,90 м, толщиной 0,04 м. Глубина залегания 0,28 м. Среди сырцов найден обломок края огромной широкогорлой амфоры (диаметр горла 0,20 м) IV в. н. э.²

Остатки более солидной конструкции представляют собой кладки 29 и 30, презанные в черепяно-каменный настил 15. Панцири кладок сложены из грубо отесанных камней известняка-ракушечника. Кладка 29 имеет размеры: длина 1,40 м, ширина 0,60 м, высота 0,35 м; кладка 30 — соответственно 1,70 м, 0,30, 0,10 м.

Черепяно-каменный настил 15 лежит на подстилке из битого железняка, смешанного с мелкой галькой, местами насыпанного на слой черепков:

¹ М. М. Кобылина. Сооружения V в. до н. э. на южной окраине Фанагории: КСИА, вып. 116, 1968, стр. 98—104; она же. Открытия в Фанагории. «Археологические открытия 1965 г.», М., 1966, стр. 103—106; она же. Раскопки юго-восточного района Фанагории в 1964 г. КСИА, вып. 109, 1967, стр. 124—129; она же. Керамическое производство Фанагории в IV в. до н. э., М., 1965, № 3, стр. 172 сл.

² И. Б. Зеев. Керамическая тара Боспора. МИА, № 83, 1960, стр. 174; № 96, 97.

⁷ А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, табл. XLVII, 3.

⁸ В. Ф. Гайдукевич. Указ. соч., стр. 14.

Это более солидная вымостка, чем черепяные вымостки 1—4. Верхний слой вымостки состоял из огромного количества мелких камней и фрагментов сосудов, фанагорийской черепицы и амфор и др. Среди них донышко амфоры IV в. н. э., донышки светлоглиняных амфор II—III вв., фрагменты краснолаковых блюд и тарелок IV в. н. э., круглое грузило, фрагмент светильника на высокой ножке, обломок лощенной тарелки с зигзаговидным орнаментом и пережженного сероглиняного сосуда, измельченные фрагменты чернолаковых сосудов, кости овцы, коровы, лошади, собаки. В нижнем слое вымостки имелись фрагменты узкогорлых амфор II—III вв. н. э., краснолаковой тарелки IV в. н. э., гладкие и реберчатые стенки амфор, фрагменты горл пифосов, обломки фанагорийской черепицы.

К северу от кладок 29 и 30 находится яма X хозяйственного назначения. Яма круглая с плоским дном, верхний диаметр 0,60—0,55 м, к низу яма немного сужается; местами сохранилась обкладка черепками. Находки в яме аналогичны находкам в слое.

Фрагменты каменных вымосток 25а, 26, 31, сложенных из камней плитняка и булыжников, вероятно, представляют собой остатки вымостки улицы, ведущей к колодцу (28)³.

Верхний венец колодца 28 не сохранился, но часть камней, относящихся к нему, была найдена при расчистке колодца. К востоку от колодца была выявлена яма, в которую вставлена была горлом вниз половина огромной широкогорлой амфоры IV в.⁴, она имела какое-то практическое назначение; так же была врыта половина амфоры в подвальном помещении III в. н. э. на центральном раскопе в 1959 г.⁵

У самой дороги была обнаружена часть дна цистерны (ц) с отстойником от разрушенной винодельни. Цистерна вытянута с севера на юг, сохранившаяся часть имеет длину 1,40 м (с—ю), ширину (в—з) 1,21 м. Днище цистерны укреплено мелкими камнями, у северо-западного угла ее лежит один крупный камень. Цемянка — розовая с толченым кирпичом, наложена в четыре слоя, нижний слой цемянки очень толстый — до 4 см, три других слоя толщиной каждый до 2 см. Такая многослойная обмазка из известкового раствора с обильной примесью толченой керамики, придающей раствору розовый цвет, характерна для боспорских виноделен первых веков н. э.⁶ Отстойник диаметром 0,70 м, глубиной 0,20 плавно переходит в плоское дно. Дно цистерны было завалено обломками цемянки.

Дно было обнаружено на глубине 0,90 м от поверхности земли. Культурный слой городища, граничащий с проезжей дорогой, был сильно срезан. Так что глубина цистерны могла быть до 1,5 м.

Найденные ранее винодельни Фанагории были обнаружены на северном раскопе на нижнем плато городища и на береговых раскопах⁷. Хотя берег залива в те времена был на 200 м дальше к северу, все же, видимо, такое расположение виноделен было связано с близостью берега залива, что давало возможность отправки вина водным путем. Винодельня IV в. н. э. открыта в Фанагории впервые. Возникновение винодельни в юго-

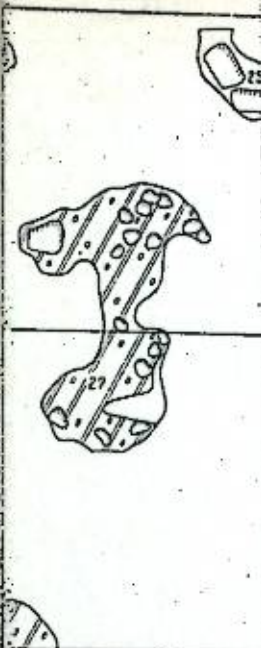
³ Этот колодец существовал с IV в. до н. э. (см. М. М. Кобылина. Сооружения V в. до н. э... КСИА, вып. 116).

⁴ И. Б. Зеев. Керамическая тара Боспора, стр. 174, табл. XXXVIII, 96.

⁵ М. М. Кобылина. Раскопки центральной части Фанагории в 1959—1960 гг. КСИА, вып. 95, 1963, рис. 39, стр. 102.

⁶ В. Ф. Гайдукевич. Виноделие на Боспоре. МИА, № 85, 1958, стр. 360.

⁷ В. Д. Блаватский. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья, М., 1953, стр. 86—96; М. М. Кобылина. Новые данные о фанагорийских винодельнях. КСИИМК, вып. 74, 1953, стр. 20—24; В. Д. Блаватский. Отчет о раскопках Фанагории в 1936—1937 гг. «Тр. ГИМ», вып. XVI, 1941, стр. 60, 61, рис. 32, 33.

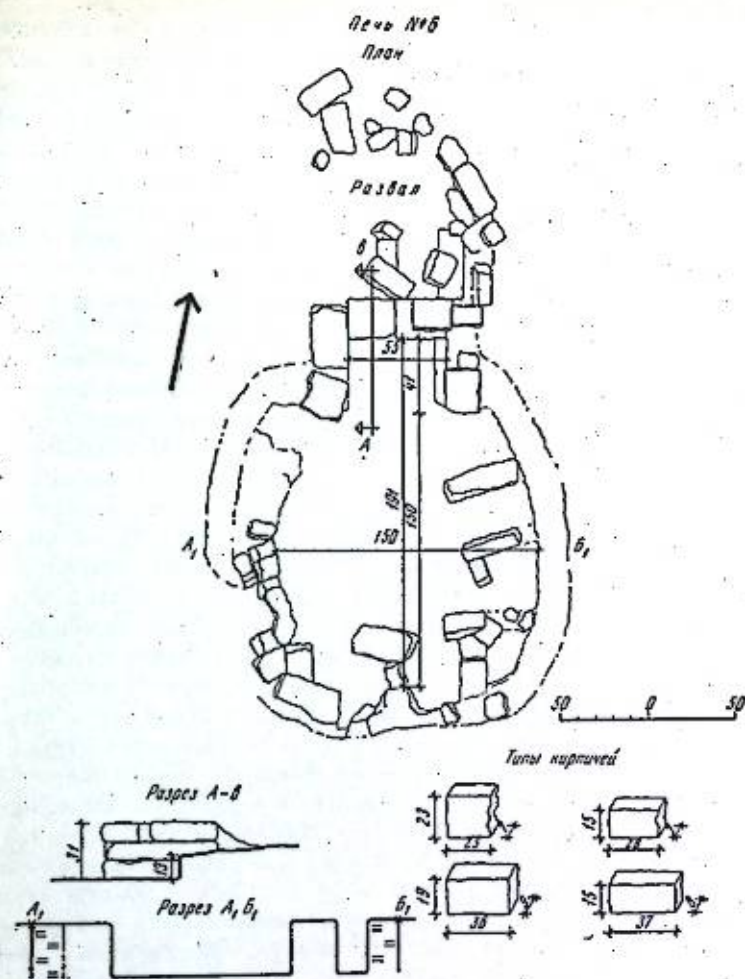

Рис. 29. Фанагория. Обжигательная печь III в. План и разрезы

восточном районе города, ставшем в IV в. большим производственным центром, вполне естественно.

Трудно сказать, относится ли к этой винодельне большой блок известняка правильной формы (высота 0,75 м, длина 0,64 м, ширина 0,34 м) с узкой выемкой (глубина 0,05, ширина 0,10 м), проходящей посередине широкой стороны блока, возможно, предназначенной для веревки (гири от пресса?). Он лежал в 50 м к северо-востоку от остатков винодельни явно не на своем месте.

Строительные остатки III в. на описываемой территории представлены ровной черепяной вымосткой 7 и вымосткой 27 из больших плоских камней ракушечника, плитняка и булыжников, уложенных на глинне.

Исключительно важной находкой в слое III в. является печь 6, обнаруженная под черепичными вымостками IV в. 4а и 4б на глубине 0,62—0,74 м от современной поверхности. Сохранилась только разрушенная нижняя часть печи, топочное устье и топочный канал (рис. 29). Нижняя часть печи 6 представляет собой обмазанную глиной овальную в плане яму глубиной 0,30 м; толщина глиняной обмазки стенок ямы — до 20—25 см, ширина печи снаружи 2,10 м, внутри — 1,65 м; длина печи внутри 1,72 м, снаружи около 2,20 м (южная часть стенки печи деформирована). Под прямым углом к восточной и западной стенкам печи стояли на ребре

удлиненные кирпичи (0,37×0,15×0,08 м). Большая часть кирпичей была сдвинутой с места, однако их первоначальное расположение было совершенно ясно. Центрального столба у печи не было. Очевидно, пол печи с жаропроводными отверстиями опирался не на центральный столб, а на кирпичные стенки, поставленные под прямым углом к кольцевой стене печи на расстоянии около 20—25 см друг от друга. Дно печи глинобитное. Топочное устье сохранилось *in situ*. Устье топочного канала обращено на север. Если стенки нижней части печи представляют собой стенки ямы с обмазкой, то устье топки и топочный канал сооружены более солидно: стенки топочного канала выложены из сырцовых кирпичей, положенных плашмя (они обломаны, наибольшие размеры 0,36×0,19×0,09—0,10 м), сохранилось три ряда такой кладки высотой 0,31 м. Ширина топочного устья 0,56 м. Длина топочного канала 0,61 м. Топочный канал замкнут с севера двумя сырцовыми кирпичами, положенными плашмя один около другого (их размеры 0,26×0,30×0,13 м). Они образуют порожек, высотой 0,13 м. На порожке сохранилась неровная масса засохшей сырой глины толщиной 0,17—0,20 м, высотой 0,15—0,17 м, вероятно, оставшаяся от закрепления заслонки, прикрывавшей топку от сильного nord-оста. К югу от порожка выявлена небольшая слегка углубленная площадка, она служила для более удобного закладывания топлива; очертания площадки деформированы. До расчистки печь 6 была заполнена обломками кирпичей, под ними в ее средней части была зола с сажей и песком. В этом заполнении найден обломок солена и желобчатый каллиптер, обломки гладких и реберчатых стенок, ручки узкогорлых амфор III в. н. э., ножка высокого светильника, обломок прозрачного стекла. Кроме того, были найдены остатки деформированной терракотовой шляпки, вероятно, от статуэтки и край пережженного лутерия. Этот брак производства позволяет предположить, что небольшая печь служила и для обжига сосудов, и для обжига терракот. Тип обжигательной печи без центрального столба открыт в Фанагории впервые. Аналогичному типу печи находим в Херсонесе, где он существовал наряду с другим типом печи с центральным столбом. Аналогичное устройство имела эллинистическая печь III—II вв. до н. э., где пол с жаропроводными отверстиями лежал на семи опорных глиняных столбиках, прямоугольных в сечении (15×17 см), высотой до 1 м⁸. Традиция этого типа античной печи сохранилась в конструкции средневековой печи Херсонеса⁹.

Как на территории юго-восточной окраины Фанагории, так и на прилегающей к ней южной окраине были открыты только античные культурные напластования. После гунинского разгрома эта территория не была заселена, строительные остатки IV в. прорезаны ямами более поздних могил. Эти могилы относятся к некрополю, обнаруженному в юго-восточной части городища на территории Керамика: только два погребения, найденные в 1953¹⁰ и 1964¹¹ гг., содержали сосуды, которые датируются С. А. Плетневой концом IV—V в.

⁸ В. В. Борисова. Гончарные мастерские Херсонеса. СА, 1958, № 4, стр. 147—148, рис. 2, 5, 9; см. также: САИ, вып. Г1-20, 1966, табл. 12, рис. 11а; А. А. Якобсон. Гончарные печи средневекового Херсонеса. КСИИМК, вып. X, 1941, стр. 55, рис. 22.

⁹ М. М. Кобылина. Фанагория. МИА, № 57, 1956, стр. 101, рис. 26.
¹⁰ М. М. Кобылина. Отчет о раскопках Фанагории в 1964 г. Архив ИА, ф. Р-1, № 2817а, альбом, стр. 3, рис. 4.

Н. А. ОНАЙКО

РАСКОПКИ ПОСЕЛЕНИЯ НА МАЛОЙ ЗЕМЛЕ

В 1965 г. Новороссийским отрядом экспедиции ИА АН СССР было открыто поселение античного времени, расположенное в окрестностях Новороссийска, на Малой земле (Мысхако)¹. Еще в конце XIX в. В. Сизов доисследовал в Мысхако несколько случайно обнаруженных могил некрополей античного и средневекового времени. Мысхаковский могильник, к сожалению, давно уничтожен, а среди многочисленных полей виноградника почти затеряны и следы его местонахождения — остатки усадьбы помещика Пенчулы. Описание раскопок могильника имеется в материалах по археологии Кавказа², а находки, поступившие в свое время на хранение в Новороссийский музей, утеряны во время Великой Отечественной войны³. Некоторые вещи из этой коллекции попали в Государственный Исторический музей⁴. Здесь хранятся опубликованные в МАК обломки алебаstra из черного стекла с белыми и желтыми разводами. Остальные вещи относятся к средневековому времени. В 1909 г. в Мысхако небольшие раскопки производились Кавказским музеем, тогда было вскрыто несколько курганов. Они содержали погребения двух типов: в каменных ящиках и в урнах с сожжением. Судя по форме урн (амфоры XII—XIII вв. н. э.) и инвентарю всех погребений (оружие, орудия труда, украшения)⁵, эти курганы относятся к средневековому времени.

Поселение, открытое на Малой земле, расположено у моря, в устье р. Мысхако, на левом ее берегу, в 3—4 км от раскапывавшегося В. Сизовым могильника. Поселение занимает площадь, равную примерно 200×500 м; оно частично вскопано под огорода и засыпано строительным мусором. В обрыве берега был устроен песчаный карьер, в бортах которого прослежены в 1965 г. очертания зерновых ям, заполненных культурными остатками. Зачистка одной из разрушенных ям, а также подъемный материал дали много находок, позволивших определить время существования поселения. Оно возникло в позднеэллинистический пе-

¹ В работе отряда принимали участие студенты исторического факультета МГУ Ю. Виноградов, А. Клименко и В. Яйленко, студент Новороссийского индустриального техникума М. Дмитриев, мастер-строитель Новороссийского строительного управления А. Дмитриев.

² В. Сизов. Восточное побережье Черного моря. Археологические экскурсии. МАК, вып. II, 1889, стр. 71.

³ Среди них была бронзовая статуэтка римско-египетского стиля (Изида?) высотой в 12,5 см.: Новороссийский историко-археологический музей. Архив Г. Ф. Чайковского, № 1432; опись в книге старого музея № 33). В этой книге упоминается еще одна бронзовая статуэтка женщины, держащей фанел (№ 1416).

⁴ ГИМ, инв. № 15542—15585.

⁵ Вещи хранятся в Музее Грузии (Книга 1909 г., № 24—09).

риод и продолжало существовать в римское время. Среди находок следует отметить красноглиняную ручку с клеймом ΕΡΜΠΙΟΥ (рис. 30, 4) и обломок верхнего круглого жернова⁶. В 1965 г. местный житель нашел на территории поселения три боспорские монеты I—II вв. н. э. (рис. 30, 3): асс Рискупорида I (Аспурга), асс Митридата III (VIII) и сестерций Котия II⁷. Имеется еще одна боспорская монета с Малой земли типа последней; она хранится в частной коллекции А. В. Дмитриева⁸.

В 1966 г. Новороссийский отряд начал раскопки поселения на Малой земле⁹. Стремясь сохранить и зафиксировать содержимое в обнаруженных ямах, мы разбили раскоп по краю песчаного карьера. Вскрыто 130 кв. м. Мощность культурного слоя в этой части поселения доходила до 1 м. Грунт — чернозем, ближе к матерiku — с примесью глины. Материк — скала и наскальный грунт. Зачищено 11 ям, выдолбленных в материке. Все ямы круглые в плане; они имеют форму срезанного конуса. Наиболее характерны из них ямы № 8, 9 и 10 с тщательно обтесанными стенками и четким контуром профиля. Глубина этих ям достигает 0,85 м; диаметр дна 0,85 м; диаметр устья до 0,75 м. Остальные ямы более мелкие и не столь четкие по форме. В яме № 1 обнаружены крупные обломки обожженной глиняной обмазки, которая покрывала, возможно, принадлежности к этому сооружению. Все ямы, как и остальная площадь раскопа, содержали много находок, среди которых преобладают керамические изделия: Имеются находки, относящиеся к эпохе поздней бронзы или раннего железа: обломок кремневого вкладыша деревянного или костяного серпа¹⁰ и два обломка венчиков лепных сосудов¹¹. Вкладыш серпа найден в яме № 9. Один из обломков лепных сосудов обнаружен в яме № 1, другой — в слое поселения, залегавшем на материке. Оба венчика у самого их края украшены налешными валиками с косой насечкой (рис. 31, 5, 6).

Основная масса находок, добытых как при раскопках поселения, так и поверхности, относится к античной эпохе. К наиболее раннему времени принадлежат единичные обломки синопской, гераклейской и коричневоглиняной амфорной тары позднеэллинистических типов¹². Большое количество предметов быта относится к рубежу и первым векам нашей эры. Они зафиксированы в верхней части ям № 1, 2, 7—11, а также в нижних слоях раскопа, лежащих на материке. Керамическая тара этого времени представлена несколькими типами амфор: красноглиняными с двустовальными ручками, с профилированными ручками, с коническим и с конусовидным дном, а также различными вариантами амфор из коричневой и светлой глины. Красноглиняные амфоры отмеченных типов хорошо известны в Северном Причерноморье¹³. Среди обломков таких амфор следует отметить две конические ножки со слегка заостренной подошвой, напоминавшей форму ножки поздней синопской амфоры¹⁴. Другой отличи-

⁶ Ср.: Н. В. Анфимов. Земледелие у меото-сарматских племен Прикубанья. МИА, № 23, 1951, стр. 1, 7—8.

⁷ Определение Д. Б. Шелова. Хранятся в Новороссийском историко-краеведческом музее.

⁸ Мы ознакомились с этой монетой в 1965 г. у владельца коллекции, проживающего в Новороссийске.

⁹ В раскопках поселения принимали участие сотрудник Новороссийского историко-краеведческого музея Э. М. Гушина, студенты исторического факультета МГУ Ю. Виноградов, В. Любин, О. Ерохин, А. Гертман.

¹⁰ Определение Л. В. Кольцова.

¹¹ Определение Е. И. Крупнова.

¹² И. Б. Зеев. Керамическая тара Боспора. МИА, № 83, табл. XIV, 305; табл. XXII, 45, 45, табл. XXVI, 59.

¹³ Ср.: И. Б. Зеев. Указ. соч., стр. 109—111; табл. XXVI, 62; табл. XXIX, 69—71.

¹⁴ Там же, стр. 91, табл. XIV, 306.

Рис. 30. Находки из поселения на мысу Мысхако

1—3 — боспорские монеты I—II вв. н. э.; 4 — клеймо на ручке амфоры; 5 — часть сероглиняного сосуда с тмгообразным знаком; 6 — обломок стеклянного сосуда с мозаичным рисунком; 7 — обломок стеклянного сосуда с рельефным орнаментом

тельной их чертой является наличие так называемой глиняной пробки, выступающей от дна сосуда в высоту до 3 см. Эта особенность в технике изготовления керамической тары была отмечена И. Б. Зеев для боспорских красноглиняных амфор рассматриваемого времени¹⁵. Однако ножки амфор, найденные на поселении, вряд ли могут быть отнесены к местному севернопричерноморскому производству. Одна из них имеет хорошо отмученную, тонкозернистую красную глину; другая изготовлена из глины такого же качества, но с серовато-коричневым оттенком и мелкими белыми включениями¹⁶.

¹⁵ Там же, стр. 127, рис. 13.

¹⁶ Амфорные ножки с так называемой пробкой встречались при раскопках Расовского городища (хорошо отмученная желтая глина).

Амфоры из коричневой глины представлены поздними их вариантами. К первому из вариантов относятся хорошо известные в литературе амфоры, место производства которых обычно связывается с центрами Южного Причерноморья¹⁷. Наряду с ними встречается еще два варианта амфор из подобной, но не идентичной по составу коричневой глины. Последние еще недостаточно хорошо изучены, поэтому на них необходимо остановиться несколько подробнее. Для второго из вариантов этих амфор характерно короткое и узкое горло (диаметр до 6,5 см) с отходящим в сторону краем и слегка выраженным на нем венчиком. Судя по некоторым аналогиям, такие амфоры снабжены небольшими петлеобразными плоскими в сечении ручками, яйцевидное их тулово заканчивалось очень короткой полой ножкой. Крупнозернистая песчаная глина этих сравнительно тонкостенных амфор с внешней стороны сосуда почти черная, в изломе — темно-коричневая. Она содержит много черных блестящих частиц, встречаются включения шамота. Крупные обломки верхних частей таких амфор найдены в Западном Крыму, в ямах, содержимое которых датируется не позднее I в. н. э.¹⁸ Обломки подобных амфор встречаются в Танаисе, в слоях I—II вв. н. э.¹⁹

Третий вариант амфор, также дошедших до нас в обломках, характеризуется более широким, чем у предыдущих амфор, горлом (до 9,5 см). Оно снабжено горизонтально выступающим наружу ребром на уровне верхнего основания ручек сосуда, сливаясь с последним. Соответственно ребру с внутренней стороны горла у таких амфор имеется желобок. Плоские в сечении ручки представляют собой плавно опущенную вниз дугобразную кривую, заканчивающуюся у основания невысокого горла сосуда. Четко выраженные венчики амфор довольно разнообразны по форме: высокие или низкие, срезанные сверху и отгибающиеся наружу, прямые валикообразные или воронкообразные. Форма первых иногда очень сходна с формой амфор из коричневой глины, выделенных И. Б. Зеест. Амфоры третьего варианта имели короткую пуговкообразную ножку, внутренняя сторона которой снабжена спиралевидным завитком, образованным при формовке наложением жгута. В этом, как и в форме венчика, заключается еще одна черта сходства этих амфор с коричневоглиняными амфорами, опубликованными И. Б. Зеест. Вместе с тем в отличие от первых двух типов подобных амфор этот вариант дает иную по составу примесей глину. Она крупнозернистая песчаная оранжево-коричневого цвета, содержит много мелких белых включений и блесок (близкая глина в горгиппийской черепице с клеймом ΕΓΜΠΛΟΥ) или темно-коричневая, в изломе серовато-черная и даже черная с такими же включениями. Форма тулова этих амфор нам пока неизвестна, хотя сосуды с ребристым горлом лучшей сохранности были найдены в Тиритаксе²⁰ и Горгиппии²¹. Однако последние формой венчиков, ручек и ножек отличаются от найденных на Малой земле. Тиритакская и горгиппийская, возможно, принадлежат более поздним вариантам описанного типа керамической тары, очень сходным по форме тулова с другой тиритакской амфорой IV в. н. э., содержавшей нефть. На основании особенностей глины (черные минеральные включения) В. Ф. Гайдукевич справедливо, как нам кажется, отнес одну из таких известных ему амфор к привозным. В связи с этим вызывает сомнение принадлежность к мест-

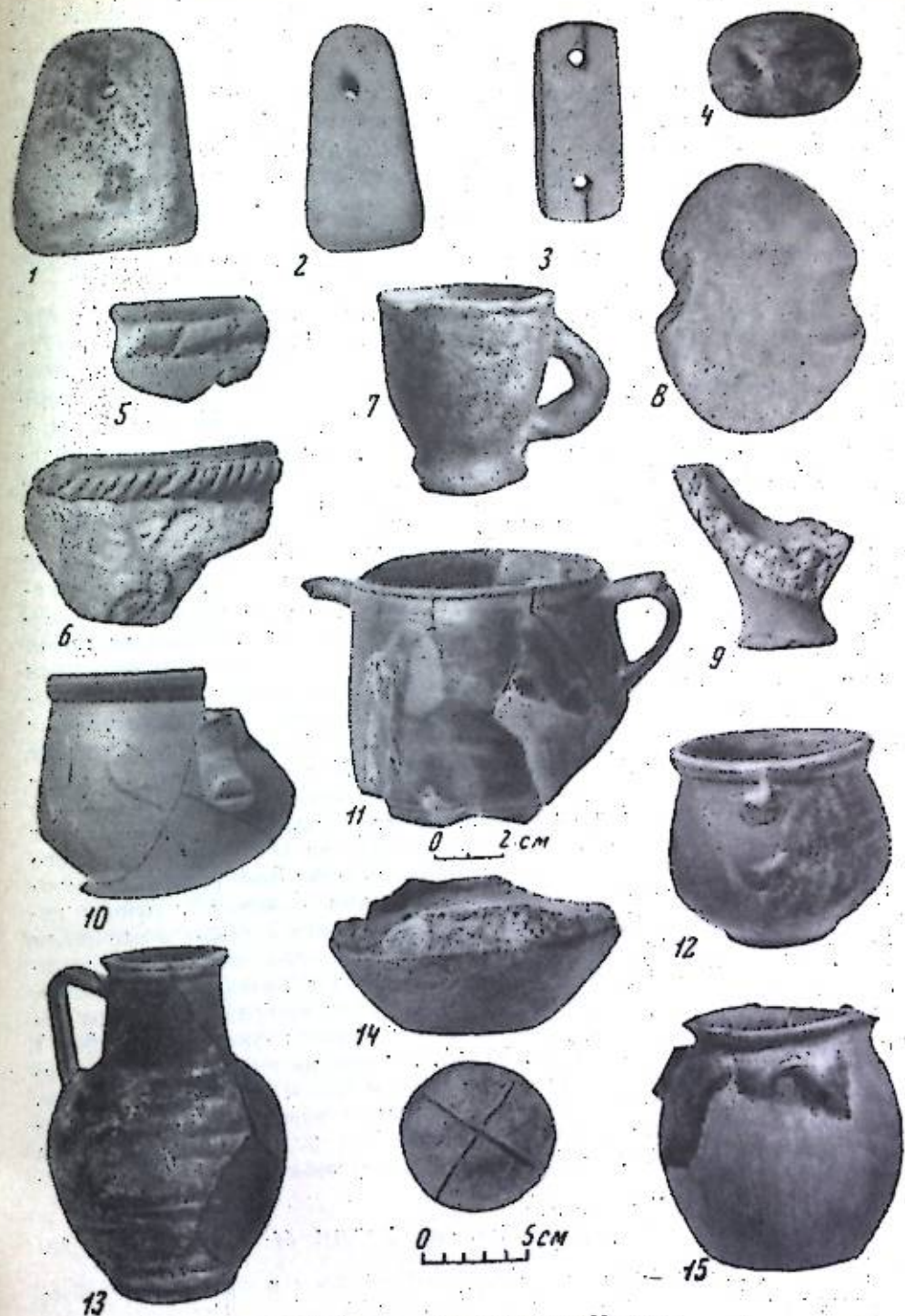

Рис. 31. Находки из поселения на мысу Мысхако

1-4 — глиняные грузила; 5-6 — венчики деревянных сосудов; 7 — деревянная кружка; 8 — каменное грузило; 9 — часть деревянного конусовидного сосуда; 10 — стенка красноглазого сосуда, выполненного в технике «барбатина»; 11 — верхняя часть пергамского кубка; 12 — двуручный кубок, покрытый темно-коричневым лаком; 13 — сероглиняный кувшин; 14 — деревянная миска; 15 — деревянный горшок

¹⁷ И. Б. Зеест. Указ. соч., стр. 108, табл. XXVI, 60.

¹⁸ О. Д. Дашевская. Археологические исследования близ оз. Донузлав. «Археологические открытия 1966 г.», М., 1967, стр. 212.

¹⁹ Сообщение И. С. Каменецкого.

²⁰ В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. МИА, № 25, 1952, стр. 120, рис. 149, 1.

²¹ И. Т. Кругликова. Боспор в позднеантичное время (очерки экономической истории). М., 1966, стр. 148, рис. 37, 12.

ному производству и подобных амфор из Горгиппии. Гораздо ближе по составу глины к гончарным мастерским этого центра стоят подобные амфоры более раннего времени, обнаруженные при раскопках поселения на Малой земле. Обломки амфор с горизонтальным ребром на горле, как и амфоры второго нашего варианта, встречаются в Танаисе, в основном в слоях I—II вв. н. э.²² Имеются единичные обломки ножек амфор, аналогичные по форме ножкам амфор из коричневой глины третьего нашего варианта, но содержащие в примеси глины много белых включений, а также блесок и черных частиц. По структуре, цвету обжига и составу включений эта глина напоминает глину так называемых кохридских амфор.

Среди обычных для рубежа и первых веков нашей эры светлоглиняных типов керамической тары²³ встречаются обломки сосудов, близкие по припухлости горла и форме заостренного к низу венчика к поздним синопским амфорам²⁴. Глина у них желтоватая или оранжевая с черными включениями. Возможно, они следуют по времени за выделенными И. Б. Зеест синопскими амфорами рубежа нашей эры и являются дальнейшим развитием форм керамической тары этого центра. Остальные керамические изделия, относящиеся к рубежу и первым векам н. э., представлены обломками простой сероглиняной посуды, изготовленной на гончарном круге, и обломками лепной посуды. Основные формы сероглиняной керамики: миски с загнутыми внутрь краями, миски, с выступающим наружу бортиком²⁵, кувшины и сосуды для питья типа кружек или канфаров. Эта посуда, как обычно, хорошо сформована; сосуды для питья имеют сплошь залощенную поверхность или лощение вертикальными полосами. На стенке одного из таких фрагментированных сосудиков процарапан сарматский тамгообразный знак. В основе этой тамги лежит изображение треугольника, ставшего, как известно, одним из составных элементов в именных знаках боспорских царей, встречающихся на lapидарных памятниках первых веков н. э.²⁶ Несложность этого знака, состоящего из треугольника и отходящих от его углов двух дугообразных линий, напоминает тамги на каменных плитах из Илурата²⁷ и Кривого Рога²⁸, а также монограмму на боспорских монетах 8—9 гг. н. э., в которой некоторые исследователи усматривают имя Динамии²⁹. Лепная посуда изготовлена из черной или серовато-коричневой глины с огромным количеством крупных кварцевых включений. Основное место в ней занимают горшки и миски. Для округлых горшков с низким или высоким, отогнутым наружу, венчиком характерны подковообразные налены по тулову сосуда (рис. 31, 15)³⁰. Встречаются лепные кружочки (рис. 31, 7) и конусовидные сосудики (рис. 31, 9). Лепные миски снабжены профилированным или прямым краем, переходящим под углом к тулову сосуда. Они имеют заглаженную поверхность и иногда украшены по тулову наlepным валиком с косыми насечками. Подобная форма мисок характерна для меото-сарматской лепной посуды Прикубанья³¹. Найдено сравни-

тельно небольшое количество обломков тонкостенных сосудов, покрытых коричневатым, а чаще — красным лаком, датируемым рубежом н. э. и I в. Среди них выделяются венчики чаш со слегка загнутыми внутрь краями, с вертикальными бортиками, а также венчики и профилированные ручки кувшинов. Имеются фрагментированный двуручный кубок, покрытый матовым темно-коричневым лаком (рис. 31, 12)³², верхняя часть пергамского канфара с неровной красновато-коричневой поверхностью лака (рис. 31, 11)³³, а также крупные обломки подобных краснолаковых чаш, в том числе и чаши с орнаментом барботина (рис. 31, 10). Встречались единичные обломки стеклянных сосудов, в том числе два фрагмента художественного стекла италийского производства, достигшего особенно высокого расцвета в период раннеримской империи I в. н. э.³⁴ Это — стенка чаши из синего стекла с белыми мозаичными пятнами (рис. 30, 6) и стенка кубка из тонкого прозрачного стекла с рельефным орнаментом (рис. 30, 7).

В раннем слое поселения зафиксированы куски глиняной обмазки с отпечатками крупного хвороста, единичные обломки синопской черепицы и прямоугольных керамических плит (ширина 8,5—9 см, толщина 3—4 см). Обнаружено довольно много разнообразных грузил: глиняные пирамидальные и маленькие мидалевидные (рис. 31, 1—4), каменные с перехватом (рис. 31, 8). Найдены маленькое каменное блюдо, часть железного ножа, гвозди, свинец. Особо следует отметить обломки обожженных керамических плит прямоугольной формы с расширенным основанием и сквозным отверстием. На одном из них имеется прочерченный до обжига крестообразный знак по диагоналям плитки. Подобные плитки в большом количестве находят на меотских городищах Прикубанья. Судя по различным изображениям на них, в том числе и изображениям тамгообразных знаков, они, по-видимому, носили тотемный характер³⁵.

В слое II—IV вв. н. э. и в ямах № 3—6 обнаружены те же категории вещей, что и в более раннем слое. Наиболее многочисленна из них керамическая тара, состоящая в основном из обломков светлоглиняных и красноглиняных амфор II—III вв. н. э.³⁶ Амфоры III—IV и IV вв. до н. э. представлены лишь единичными экземплярами реберчатых стенок сосудов³⁷. В тонкостенной керамике верхнего слоя поселения по-прежнему доминирует сероглиняная посуда (главным образом миски с загнутыми внутрь краями, а также кувшины; рис. 31, 13) и сосудики для питья. Встречаются мелкие обломки краснолаковых и стеклянных открытых сосудов. Лепная посуда представлена горшками разнообразной формы (с невысоким сильно сужающимся бортиком устья, загнутыми внутрь и отогнутыми наружу краями, банкообразные) и мисками с вертикальным бортиком и с ребром (рис. 31, 14). Среди последних встречаются сосуды, подражающие сероглиняным мискам с загнутыми внутрь краями. Для слоев античного времени характерно наличие пифасов глиняной обмазки со следами хвороста — по-видимому, от жилых и хозяй-

²² Сообщение И. С. Камелецкого.

²³ И. Б. Зеест. Указ. соч., стр. 117, табл. XXVIII, 64; табл. XXXVIII, 90.

²⁴ Там же, стр. 91, табл. XIV, 31.

²⁵ Ср.: Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник у станции Усть-Лабинской. МИА, № 23, 1951, стр. 176, рис. 8, 3, 8.

²⁶ Э. И. Соломоник. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959, стр. 24.

²⁷ Там же, стр. 86, № 40.

²⁸ Там же, стр. 97, № 43.

²⁹ А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, стр. 191, табл. XLV, 15.

³⁰ Ср.: Н. В. Анфимов. Меотские поселения Восточного Приазовья. КСИИМК, вып. XXXIV, 1950, стр. 92, рис. 26, 3, 4.

³¹ Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник у станции Усть-Лабинской, стр. 193, рис. 15, 11.

³² Ср.: Т. Н. Книпович. Краснолаковая керамика первых веков н. э. МИА, № 25, 1952, стр. 304, 305, рис. 9, 5; Д. Б. Шелов. Некрополь Танаиса. М., 1961, табл. XXIX, 5.

³³ Ср.: Т. Н. Книпович. Указ. соч., стр. 310, рис. 9, 5.

³⁴ «Художественное стекло. Альбом по материалам выставки в Государственном Эрмитаже». Л., 1967, № 13 и др.

³⁵ Н. В. Анфимов. Археологические разведки по Среднему Прикубанью. КСИИМК, вып. 60, 1955, стр. 49; Э. И. Соломоник. Сарматские знаки Северного Причерноморья, стр. 40, 41, рис. VII.

³⁶ Ср.: И. Б. Зеест. Указ. соч., стр. 113—117, табл. XXI, 75а; табл. XXXII, 76в, 77; табл. XXXIII, 78; табл. XXXV, 84; табл. XXXVII, 91—93 и др.

³⁷ Ср.: И. Б. Зеест. Указ. соч., стр. 120—122, табл. XXXIX, 99а; табл. XL, 1, 105.

ственных помещений — и сравнительно большое количество глиняных и каменных грузил.

Предварительные итоги первого года раскопок поселения позволяют говорить о том, что территория поселения была обитаема еще в эпоху поздней бронзы и раннего железа, о чем свидетельствуют находки кремневого орудия и обломков лепных сосудов и другие вещи — бронзовые топорки, добытые ранее в этих краях и хранящиеся в Новороссийском историко-краеведческом музее. В античное время наиболее интенсивной жизнь была в I—III вв. н. э. В материальной культуре обитателей этого поселения много общего с меотскими племенами Прикубанья (глиняная посуда, глиняные плитки, жернова и др.). Они занимались сельским хозяйством (зерновые ямы, жернов), скотоводством (преобладают кости крупного рогатого скота)³⁸, охотой (кости благородного оленя и кабана) и рыбной ловлей (кости дельфина, морских рыб, раковины)³⁹. Рыболовство, по-видимому, было регулярным промыслом. Основным орудием лова были сети, изготовление которых являлось одним из видов домашнего производства. Среди промысловых рыб видное место занимают осетровые. Найдены кости домашних животных: лошади, свиньи, собаки, а также птиц. Местные товары обменивались в первую очередь на вино и другие продукты, доставлявшиеся в амфорах. Преобладает керамическая тара южных и юго-восточных античных центров. Боспорские находки — монеты, амфоры Горгиппии и, возможно, простая глиняная посуда. Небольшое количество образцов дорогой краснолаковой посуды может свидетельствовать о сравнительно скромном достатке жителей, что проявилось и в характере их жилищ, где применялись хворост и обмазка. Дальнейшие раскопки поселения на Малой земле имеют большое значение не только для изучения сельских поселений Боспора и соседних с ним земель, но и для изучения древнего города Баты, который не без основания локализуется на месте современного Новороссийска.

А. М. КАЗАКОВА, И. С. КАМЕНЕЦКИЙ
КУРГАНЫ ТАНАИСА

Некрополь, с трех сторон окружающий Танаис, делится на две части: грунтовой и курганный¹. Первый известен в настоящее время достаточно хорошо, особенно по работам Нижне-Донской экспедиции², курганный могильник известен гораздо хуже³. Около 30 курганов было раскопано в дореволюционное время, но составить о них представление невозможно из-за отсутствия документации. Нижне-Донской экспедицией с 1955 по 1968 г. было исследовано пять курганов: И. С. Каменецкий раскопал курган на территории грунтового могильника⁴ и доследовал два случайно обнаруженных погребения в кургане 3⁵, С. Н. Братченко раскопал курганы 1 и 2⁶, в 1968 г. В. Е. Максименко исследовал курган 4. Все эти курганы были ограблены еще в древности.

В сентябре 1968 г. при прокладке подъездной дороги от шоссе Ростов—Таганрог к музею заповедника «Танаис» было повреждено частично, или полностью восемь курганов. Самый северный из них, курган 5, расположен на водоразделе между долиной р. Донской Чулек и дельтой Дона; пять курганов (8—12) находятся вблизи городища, у границ грунтового могильника. Как показал осмотр с вертолета в 1966 г., плотность расположения курганов (большинство распаханно) здесь весьма значительна — поля их почти смыкаются. Курганы 6 и 7 располагаются у поворота новой дороги, приблизительно на полпути между курганом 5 и курганами 8—12. Кроме курганов, дорога в трех местах разрушила участки грунтового могильника, где было доследовано девять погребений (№ 239—247). Работы, которые пришлось вести в довольно сложных условиях, продолжались с сентября до начала декабря⁷. Так как к моменту раскопок дорога эксплуатировалась, то курганы не были исследованы полностью. Тем не менее полученные данные позволили значительно расширить наши представления о курганном могильнике Танаиса.

¹ Т. Н. Книпович. Танаис. М.—Л., 1949, стр. 36 сл.

² Д. Б. Шелов. Некрополь Танаиса. МИА, № 98, 1961.

³ Т. Н. Книпович. Указ. соч., стр. 34 сл.

⁴ Раскоп V, погребение 68 (Д. Б. Шелов. Некрополь Танаиса, стр. 29).

⁵ Работы 1958 г. В поле кургана обнаружено погребение эпохи бронзы и катакомба II в. н. э.

⁶ Д. Б. Шелов. Раскопки Танаиса в 1964—1965 гг. КСИА, вып. 109, 1967, стр. 93.

⁷ В работах, кроме авторов, принимали участие студенты Ростовского университета: Г. Г. Гончарова, А. Е. Матюхин, В. И. Попруженко, Л. И. Рудова, Е. В. Цимбал; студенты Московского университета: Ю. А. Смирнов, А. А. Узьной, М. С. Штиганц; сотрудники ГСКБ Энергомаш: А. И. Зленко, В. В. Кузьмин, Л. Д. Шишова.

³⁸ Определение костей животных В. И. Цалкина.

³⁹ Определение костей рыб Е. А. Цепкина.

Хотя отдельные курганы располагаются на территории грунтового могильника⁸, курганный могильник территориально обособлен. Высота насыпей из-за повреждений, распашки и характера окружающего рельефа точно не определяется; у курганов 5, 7 и 10 она не превышала 0,8—1 м. Остальные насыпи были меньше. Как показывают разрезы, насыпи состоят преимущественно из гумусированного грунта и в меньшей степени из материковой глины, часть глины составляют выкиды из могил.

Кроме основных, в курганах были и впускные погребения. Так, в кургане 7 обнаружено два погребения, в курганах 10 и 11 — по четыре погребения, в кургане 9 — семь погребений⁹. Все могильные ямы оказались впускными в материк.

Почти все курганы имели остатки тризны: они обнаружены в курганах 1, 2, 4, 7, 10. Расположение тризны не связано с определенной частью насыпи: в курганах 7 и 8 остатки тризны обнаружены к юго-западу от центра, в кургане 9 — в западной или северо-западной части¹⁰, в кургане 10 — в восточной части. Не исключено, что в одном кургане могло быть несколько мест тризны. Во всех четырех случаях остатки тризны обнаружены на поверхности погребенной почвы, что свидетельствует о совершении тризны до насыпки кургана. В остатки тризны входят обломки керамики и сравнительно редкие кости животных, располагающиеся полосой. Ширина полосы приблизительно 2—2,5 м, длина колеблется от 13 до 22 м.

При изучении¹¹ остатков тризны в кургане 7 обнаружены обломки 13 светлоглиняных амфор с профилированными ручками¹² первой половины III в. н. э. (вариант С₂), не менее двух крупных красноглиняных амфор и одной глубокой краснолаковой миски с закругленным краем. Наиболее богатой оказалась тризна кургана 10. Здесь находилось не менее семи светлоглиняных амфор с профилированными ручками варианта С₁ II в. н. э., одна амфора того же типа, но варианта В от середины I в. до середины II в. н. э., две светлоглиняные амфоры с двустольными ручками, которые в Танаисе встречаются в слоях I в. до н. э.—II в. н. э.¹³, крупная розовоглиняная (сиреневоглиняная) амфора с плоским венчиком, встречающаяся на Нижнем Дону в слоях середины I—II в. н. э.¹⁴, пять красноглиняных амфор различного типа и размера. Столовая посуда представлена двумя стеклянными чашами, фрагменты которых подверглись действию огня, краснолаковым

⁸ Курган на V раскопе (погребение 68).

⁹ В кургане 5, у которого снесена западная треть насыпи, не найдено ни одного погребения. В кургане 6 на исследованной западной трети обнаружена одна могильная яма. В курганах 7 и 8 также исследовано около трети насыпи с западной стороны, а в кургане 10 — около четверти с восточной стороны. У курганов 9 и 11 исследованы, по-видимому, западные половины. У кургана 12 также снесена западная половина, но погребения (обнаружено три пятна) не раскапывались.

¹⁰ Курган 9 полностью распашан и поэтому определение его центра и границ затруднительно.

¹¹ Материал собирался, как правило, из-под бульдозера.

¹² И. С. Каменецкий. Светлоглиняные амфоры с Нижне-Гниловского городища. КСИА, вып. 94, 1963, стр. 30 сл. В настоящее время И. С. Каменецкий делит вариант С на два — ранний (С₁) и поздний (С₂). Амфору варианта С₁ см.: В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Мирмекия в 1935—1938 гг. МИА, № 25, 1952, стр. 170, рис. 64. Амфору варианта С₂ см.: М. А. Наливкина. Раскопки юго-восточного участка Танаиса (1960—1961 гг.). МИА, № 127, 1965, стр. 143, рис. 14.

¹³ И. С. Каменецкий. Опыт изучения массового керамического материала. «Античные древности Подонья—Приазовья». М., 1969. И. Б. Зеест датирует этот тип I в. до н. э.—I в. н. э. (И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора. МИА, № 83, 1960, стр. 109).

¹⁴ И. С. Каменецкий. Датировка слоев по процентному соотношению типов керамики. «Археология и естественные науки». М., 1965, табл. 1. И. Б. Зеест датирует этот тип II—III вв. н. э. (И. Б. Зеест. Указ. соч., стр. 115 сл.).

одноручным горшочком, двумя краснолаковыми мисками и одной серолощенной миской с закругленным краем. Кроме того, найдены обломки лепного горшка с пальцевыми вдавлениями по краю венчика и два фрагмента песчаниковой плитки, поверхность которой глубокими желобками разделена на клетки. Дата тризны определяется по амфорам — II в. н. э.

По-видимому, с тризнами связаны погребения лошадей, обнаруженные в курганах 6, 9 и 10. Здесь в небольших ямах найдены черепа и кости ног, что позволяет предполагать погребения шкур. В двух случаях, когда это оказалось возможным установить, черепа были ориентированы лицевой частью на юг. Погребения лошадей ранее на некрополе Танаиса не были известны. Их можно было бы считать специфической чертой курганного могильника, если бы нашими работами не было обнаружено два аналогичных на западном участке грунтового могильника. Черепа здесь имели ту же ориентировку и по сторонам их были уложены кости ног копытами на юг. Не исключено, впрочем, что и эти погребения лошадей относятся к кургану, хотя внешних признаков насыпи не обнаружено.

Исследованные в курганах погребения представлены четырьмя типами могильных ям: простыми грунтовыми ямами (7—2¹⁵, 10—1 и по-видимому, 6—1), ямами с заплечиками (9—1, 2, 3, 4, 5; 11—1,3), подбоями (8—1, 10—2) и катакомбами (7—1). Три первых типа погребений хорошо известны и в грунтовом могильнике. Что касается катакомб, то к ним в грунтовом могильнике может быть отнесено только одно погребение¹⁶. Для курганов катакомбы, по-видимому, более характерны. Кроме погребения 7—1, нам известна еще катакомба в кургане 3. Входная яма катакомбы 7—1 имела заплечики, а камера в отличие от погребения грунтового могильника была значительно шире входной ямы (рис. 32, 1) и имела подчетыреугольные очертания (катакомба кургана 3 была округлой). Это погребение было, по-видимому, центральным в кургане и отличалось значительными размерами. Входная яма, ориентированная по линии восток—запад, сверху представляла вытянутый овал размерами 2,95 × 1,4 м. На глубине 2,15 м вдоль длинных сторон были сделаны покатые уступы шириной до 0,4 м (рис. 32, 2), по восточной части постепенно сужавшиеся. Ниже уступов яма приобретала прямоугольные очертания, с четкими углами в западной части. Ширина по дну до 0,6 м в западной части, до 1 м — у входа в катакомбу. Общая прослеженная глубина входной ямы 3,75 м. Вход в катакомбу находился в восточной части. Первоначальная его высота, судя по величине закрывавшей его плиты (рис. 32, 3) и сохранившимся участкам свода, равнялась приблизительно 0,9—1,1 м (рис. 32, 3, 4). Длина катакомбы 2,4 м при ширине 1,9 м. Ось катакомбы несколько смещена относительно оси входной ямы. У входа лежал камень, на который опиралась плита (0,95 × 0,9 × 0,15 м), закрывавшая вход. Катакомба была ограблена в древности. Кости погребенного и остатки инвентаря найдены в засыпи входной ямы. Но во входе в катакомбу, частично на откинутой плите, лежал скелет лошади ногами вверх, со свернутой шеей. Поза лошади и ее положение относительно плиты наводят на мысль, что она попала в могилу не раньше момента ограбления. По обломкам краснолаковой мисочки из засыпи и амфорам из тризны катакомба датируется III в. н. э.

Погребение 10—2 было впускным и прослежено от границы гумусированного слоя. Глубина ориентированной по линии восток—запад входной ямы равнялась 2,46 м. Она была прямоугольной в плане, с четкими углами (рис. 33, 1), размеры 1,64 × 1,15 м. В южной стенке сделан подбой, дно которого на 0,48 м ниже дна входной ямы (рис. 33, 2). Первоначальная высота подбоя была около 0,5 м. Подбой представлял в плане

¹⁵ Первая цифра обозначает курган, вторая погребение.

¹⁶ Д. Б. Шелов. Танаис — потерянный и найденный город. М., 1967, стр. 134.

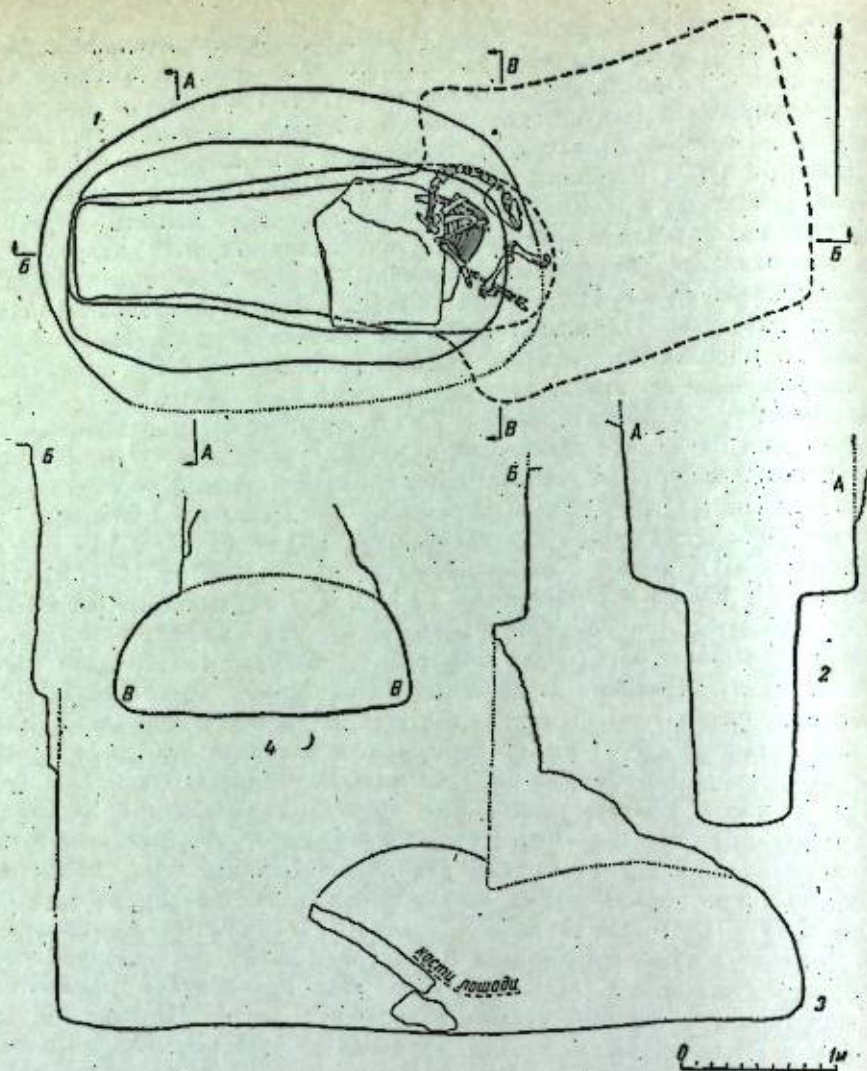

Рис. 32. Таианс. План и разрезы катакомбы (курган 7, погребение 1)

прямоугольник со скругленными углами ($1,47 \times 0,75$ по дну). Вход в подбой закрывали три массивные каменные плиты, одна из которых, стоявшая на дне подбоя, обнаружена *in situ*, а две, отваленные грабителями, стояли на полу входной ямы. Кроме того, в западной, менее поврежденной части, обнаружены остатки деревянной перегородки из досок, скрепленных крупными железными гвоздями. По-видимому, к этой же перегородке относилась и доска, лежавшая поверх отваленных камней. Могила 8—1 отличалась от описанной более узкой входной ямой, наличием двух ступенек, отсутствием закладных плит, подбой сделан в северной стенке.

В ямах с заплечиками погребены подростки (9—1, 2, 3; 11—1) и взрослые (9—4, 5 и 11—3). Все ямы глубокие, а 9—1, 2, 3, 5 очень узкие. Яма погребения 9—3 в верхней части в плане — прямоугольник со скругленными углами (рис. 33, 3) размеры $1,71 \times 0,72$ м, прослеженная глубина 2,37 м. На глубине 1,85 м, где уже четко обозначались углы, вдоль длинных сторон находились уступы 0,1—0,15 м шириной (рис. 33, 4), на которых покоилось, как это было отчетливо прослежено в погребении

ниях 9—2 и 11—3, перекрытие из поперечных досок и камки. По дну могила имела размеры $1,55 \times 0,35$ м.

Две раскопанные нами простые грунтовые могилы имели размеры 7—2— $2,5 \times 1$ м при прослеженной глубине 1,1 м; 10—1— 2×1 м при глубине 0,6 м, край ее на уровне погребенной почвы был обложен рядом камней. Все погребения, кроме погребений курганов 9 и 11, были ограблены. В погребениях 9—3, 9—5 и 11—3 удалось проследить конструкцию гроба. Это были прямоугольные ящики, сколоченные из досок толщиной 2—3 см. Размеры $1,55 \times 0,34$ (9—3, подросток), $1,78 \times 0,43$ и $2,3 \times 0,65$ (9—5, 11—3, взрослые). Дно состояло из продольных, плохо сохранившихся досок, высота стенок 17—18 см (9—3,5), а в погребении 11—3 до 42 см. Доски коротких стенок упираются в длинные и сколочены крупными железными гвоздями — по два гвоздя на каждый угол. Поверх скелета найдены остатки продольных досок, скрепленных при помощи гвоздей поперечными планками. В могиле 9—3 гроб точно соответствовал

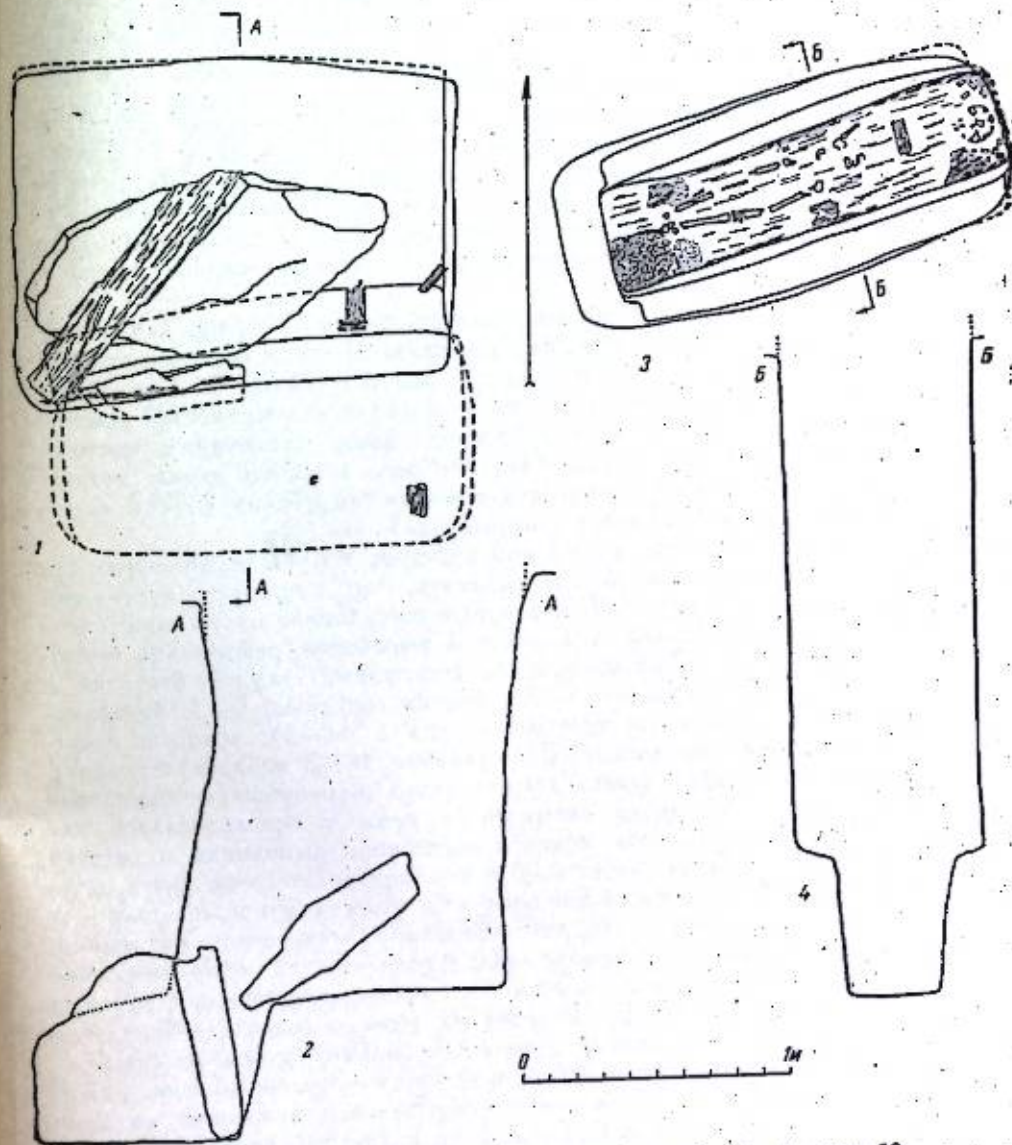

Рис. 33. Таианс. Планы и разрезы погребений в подбое (курган 10, погребение 2) и яма с заплечиками (курган 9, погребение 3)

контурам могильной ямы. Для размещения его могильная яма была даже увеличена и оказалась длиннее уступов (рис. 33, 3). В погребении 9—5 гроб был несколько меньше ямы. Здесь в головах слева от гроба в дно могилы был забит деревянный столбик 5—6 см диаметром. Такие же столбики обнаружены и в 11—3: один в том же месте, а второй в ногах, по диагонали от первого. Назначение их не установлено. Гробы, несомненно, были и в погребениях 9—2, 11—1. В погребении 9—1, которое сохранилось плохо, можно предполагать наличие долбленной колоды. Судя по находкам гвоздей, гробы были и в других погребениях (7—1, 8—1, 9—4, 10—2).

Ориентировка и положение скелетов установлены только у погребений курганов 9 и 11. Три из них ориентированы головой на восток (9—1, 11—1, 11—3), три — на северо-восток—восток (9—2, 3, 5) и одно — на юго-восток—восток (11—2). Эти же ориентировки можно предполагать и для других погребений, исходя из широтного расположения могильных ям. Исключение составляют только простые грунтовые могилы: 6—1 по линии север—северо-запад—юг—юго-восток, 10—1 по линии север—юг. По линии север—северо-запад—юг—юго-восток ориентировано пятно нерасчищенной могилы 11—4, тип которой неизвестен.

В четырех случаях погребенные лежали вытянуто на спине (9—2, 3, 5; 11—1), в двух — с подогнутыми вверх ногами (11—2, 3). В 9—5 руки были протянуты вдоль тела, а кисти лежали на головках бедренных костей. В 9—3 и 11—3 правая рука была слегка согнута в локте и кисть лежала на костях таза (левые не сохранились). В 11—2 правая рука была вытянута, а кисть левой лежала на груди. В остальных случаях положение рук проследить не удалось.

Из других черт обряда можно отметить следы кострищ. Оплавленные фрагменты двух стеклянных сосудов найдены среди остатков тризны кургана 10. На полу подбоя и входной ямы погребения 8—1, а также в засыпи было обнаружено много золы и пережженных костей животного. Обломки одного из двух найденных здесь стеклянных сосудов также носили явные следы огня. Какую-то роль в обряде играл светлый кварцевый песок, который обнаружен в миске погребения 9—2 и около устья лежавшей на боку ойнохой в погребении 9—3.

Рассматривая инвентарь погребений курганов 9 и 11, ограбленных погребений других курганов, можно отметить, что в среднем курганный могильник богаче грунтового. В курганных погребениях отсутствуют лепная и серолощенная керамика, т. е. местной выработки, решительно преобладает краснолаковая. Довольно много стеклянных сосудов (тарелка и канфар в 8—1, бальзамарий в 9—2, обломки сосуда из 9—3, бальзамарий, чашечка и фрагменты третьего сосуда в 11—3), которые отсутствуют в грунтовом могильнике. В погребении 10—2 найдена терракота. В погребении 9—1 около черепа лежала плохо сохранившаяся бронзовая монета II в. н. э. Она имеет отверстие у края и использовалась как подвеска. Думается, что роль монет в погребении выполняли и золотая нашивная бляшка из погребения 9—5 и обломок золотого предмета в погребении 11—1, которые были найдены под челюстями погребенных.

В качестве примера перечислим инвентарь нескольких погребений. В засыпи погребения 9—3 обнаружены фрагменты не менее чем двух экземпляров светлоглиняных амфор с профилированными ручками II в. н. э. (вариант С₁ или В). В гробу найдены: в головах — бронзовая пряжка с литой округлой рамкой и округлой обоймой, у правого бедра — обломочек бронзы, вдоль правой берцовой кости — железный нож, рядом обломки стеклянного сосуда, в ногах — кружальная лежавшая на боку ойнохой, около устья которой был рассыпан кварцевый песок. В этой же могиле обнаружено около сотни альчинок. Основная масса их была сложена в ногах погребенного (рис. 33, 3), перекрывая ойнохой. Высота

кучи достигала 20 см. Компактное расположение альчинок наводит на мысль, что они были как-то упакованы. Альчики сплошным слоем устилали дно гроба и в головах — на них лежал череп.

В засыпи погребения 9—5 обнаружены обломки не менее пяти светлоглиняных амфор с профилированными ручками второй половины II в. н. э. (вариант С₁). В самом погребении обнаружены: под челюстью золотая нашивная бляшка в виде уголка, в районе шеи — ожерелье из стеклянных и сердоликовых бус, с внутренней стороны левой плечевой кости — фигурная бронзовая фибула с железной иглой на шарнире, у кисти левой руки — бронзовое зеркало с ушком в центре и приставшими остатками материи, там же бронзовый подвесной флакон с крышечкой и петельками, на щиколотках ног — браслеты из мелких стеклянных бус, в ногах перевернутая краснолаковая миска, очень крупная стеклянная бусина, железные ножицы и, по-видимому, железный нож.

Погребение 10—2 было ограблено в древности. Тем не менее в нем найдено довольно много вещей: терракотовая статуэтка Кибелы, обломок массивного китайского зеркала, очень плохой сохранности обломки небольшого бронзового зеркала, фрагменты кружального кувшина и большое количество бус, среди которых дольчатые бусы из голубого египетского фаянса¹⁷ и крупные мозанчные.

Время всех исследованных нами погребений определяется II—III вв. н. э. (причем II в. преобладает). Для определения этнической принадлежности погребенных материала пока недостаточно.

¹⁷ Эту форму бус см.: Н. В. Аифимов. Мосто-сарматский могильник у станции Усть-Лабинской. МИА, № 23, стр. 199, рис. 18, 26.

М. П. АБРАМОВА

ИССЛЕДОВАНИЕ НИЖНЕ-ДЖУЛАТСКОГО МОГИЛЬНИКА
В 1967 Г.¹

В 1967-г. продолжались раскопки могильника, расположенного на территории городища Нижний Джулат (около города Майского Кабардино-Балкарской АССР). В 1966 г. было раскопано 24 погребения, из них 13 аланских катакомб IV—VII вв.², остальные 11 были определены как грунтовые погребения, подавляющее большинство которых датируется рубежом н. э.³

В 1967 г. было открыто еще 23 погребения, из которых 3 относятся к раннесредневековому периоду. В их числе одна катакомба, полностью ограбленная, по своему устройству абсолютно тождественная катакомбам IV—VII вв., раскопанным на этом могильнике в 1966 г. Остальные погребения относятся к рубежу н. э.

Могилы располагались в очень плотном материковом грунте, в среднем на глубине от 1,5 до 3 м от поверхности материка. Из-за условий грунта контуры могильных ям прослеживались чаще всего лишь в 0,20—0,50 м от их дна. Раскопками 1967 г. было установлено, что, помимо грунтовых погребений, к рубежу н. э. относится и ряд катакомб, отличающихся от более поздних катакомб этого же могильника. Камеры раннесредневековых катакомб (IV—VII вв.) располагались на большой глубине (2,5—4 м от поверхности материка), что способствовало их лучшей сохранности и позволило в подавляющем большинстве случаев полностью восстановить их форму. Входная яма этих катакомб засыпалась мешаной рыхлой землей. Катакомбы, относящиеся к рубежу н. э., прослеживаются с большим трудом, поскольку входная яма их засыпалась очень плотной материковой глиной, что затрудняло, а в большинстве случаев не позволяло проследить контуры входных ям, даже у их дна. Камеры у этих катакомб располагались на меньшей глубине (в среднем 2,20—2,50 м от поверхности материка), что, возможно, способствовало обвалу их сводов — все открытые катакомбы этого времени имели камеры, полностью засыпанные плотной материковой глиной от обвалившегося свода и верхней части стен. Все это не позволило полностью реконструировать форму катакомб раннего периода. Некоторые характерные особенности в устройстве этих катакомб позволили выделить два типа.

Катакомбы первого типа имеют небольшую камеру, овальной формы (длина 2,20—1,95 м, ширина 1,50 м), вытянутую с юго-востока на

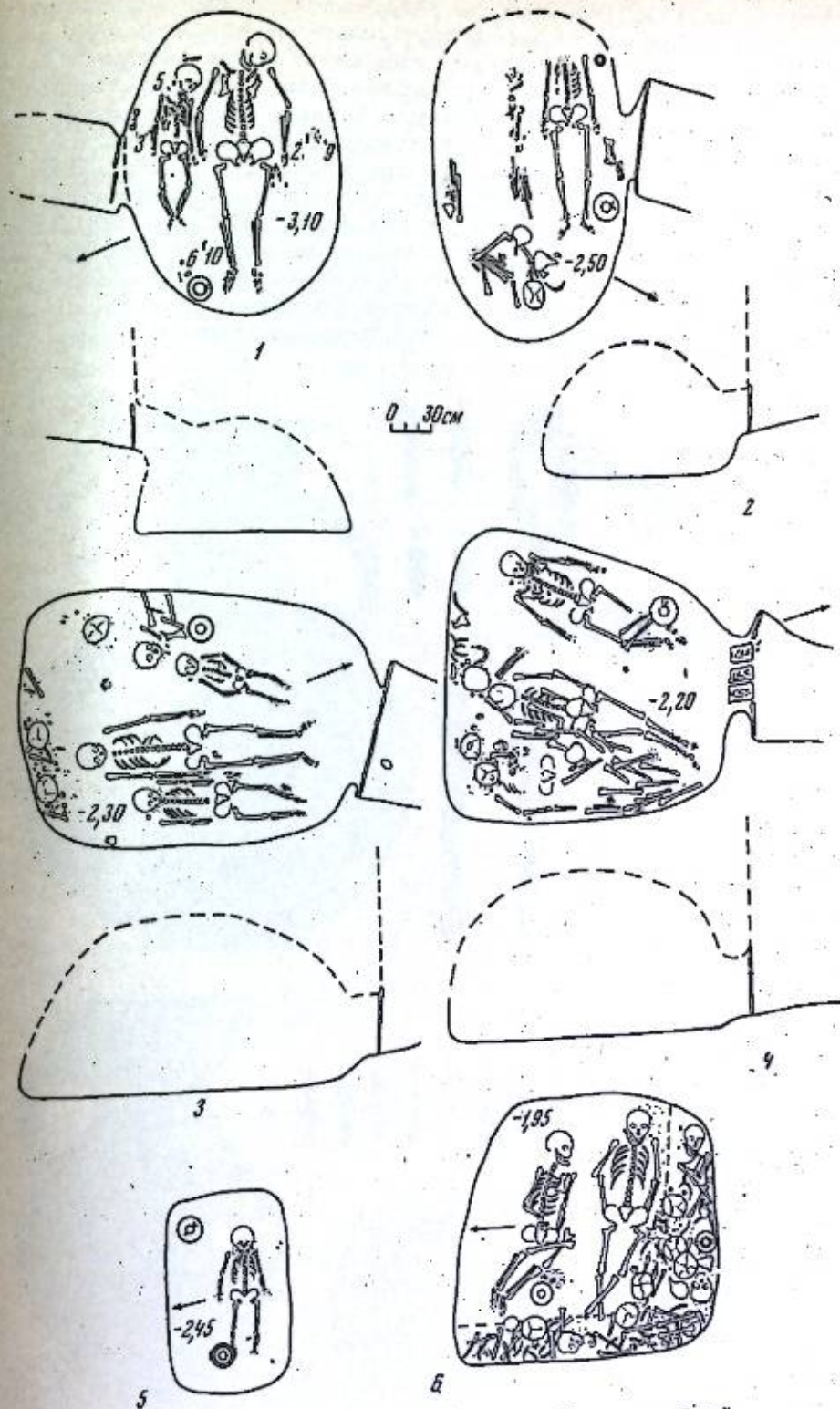

Рис. 34. Нижне-Джулатский могильник. Планы погребений

1 — погребение 33; 2 — погребение 47; 3 — погребение 30; 4 — погребение 46; 5 — погребение 31; 6 — погребение 29

¹ Доклад, прочитанный на секции Кавказа сессии Института археологии АН СССР в 1968 г.

² М. П. Абрамова. Раннесредневековые погребения Нижне-Джулатского могильника. «Уч. зап. КБНИИ», т. XXV, 1967, стр. 147—156.

³ М. П. Абрамова. Новые погребения сарматского времени из Кабардино-Балкарии. СА, 1968, № 3.

северо-запад, либо с юго-запада на северо-восток. Входная яма примыкала к камере с севера, она располагалась по поперечной ее оси, несколько под углом к ней. Направление входной ямы север—юг или северо-восток—юго-запад. Пол входной ямы наклонно понижался к камере. Стены были вертикальные, на стенах — следы орудия. Входная яма соединялась с камерой узким проходом, который загораживался со стороны входной ямы вертикально стоящими досками. Ширина прохода или устья 0,45 м, длина 0,10—0,15 м. Форма устья не установлена из-за обвала свода. Примерная высота его 0,45—0,50 м. Пол устья был также наклонным, а при переходе в камеру имелась отвесная высокая ступень (высотой 0,30—0,60 м). Дно камеры горизонтальное. В каждой катакомбе найдены один-два костяка, лежавшие в вытянутом положении на спине, головой на юго-восток или юго-запад, т. е. почти перпендикулярно к входной яме (рис. 34, 1, 2).

Рис. 35. Находки из погребений Нижне-Джулатского могильника.

1—8, 12—13 — железо; 10—11 — бронза; 14 — серебро; 17 — стекло, сердолик, гешир; 9, 15, 16, 18, 19 — глина; 1—5, 16 — погребение 33; 6—7, 9, 15 — погребение 47; 8, 10, 11, 14, 19 — погребение 46; 12—13 — погребение 37; 17 — погребение 30; 18 — погребение 31

Катакомбы второго типа имели иное устройство. Их камеры были вытянутой подтрапециевидной формы и имели направление, близкое к оси север—юг (север-северо-восток—юг-юго-запад и северо-восток—юго-запад). Входная яма примыкала к северному, более узкому концу камеры, располагаясь по длинной ее оси, несколько под углом к ней. Пол входной ямы был наклонным. Входная яма соединялась с камерой при помощи узкого короткого хода (устья), расположенного у дна ее. Ширина устья 0,45—0,70 м, высота 0,40—0,45 м, длина 0,10—0,20 м. Пол устья также был наклонным и при переходе из устья в камеру имелась ступень, правда, в отличие от катакомб первого типа очень небольших размеров—0,05—0,15 м. Устье закладывалось вертикально стоящими досками. Пол камеры также имел слабый уклон, понижаясь к противоположной от устья стене. Катакомбы содержали по несколько костяков, лежащих в подавляющем большинстве в вытянутом положении, на спине, ногами к выходу (рис. 34, 3—4). Ориентировка костяков в основном южная—юг—юго-запад, юго-запад, юго-восток. Необходимо отметить, что катакомбы этого типа служили, очевидно, семейными склепами. Судя по положению костяков, катакомбы эти использовались неоднократно, причем при последующих захоронениях более ранние костяки обычно сдвигались в сторону, либо более поздние укладывались непосредственно на костяки погребенных ранее, что случалось реже. Погребенные лежали головой к стене, противоположной от входа, т. е. к югу.

Ранние катакомбы Нижне-Джулатского могильника, как правило, не были ограблены и содержали большое количество разнообразного инвентаря в отличие от более поздних—раннесредневековых катакомб этого могильника, почти полностью ограбленных.

Некоторые различия между катакомбами двух типов раннего периода, отмеченные нами в устройстве катакомб, прослеживаются также и при разборе их инвентаря. Катакомбы первого типа содержали менее многочисленный и менее разнообразный инвентарь, принадлежавший, по-видимому, мужчинам-воинам. В основном это изделия из железа: железные пряжки, ножи, крючки для колчанов, железные трехлопастные втульчатые и черешковые наконечники стрел, железные обоймы и обкладки ремней, железные кольчатые удила (рис. 35, 1—7). Набор бус довольно однообразный—мелкие бусы из одноцветного стекла, гешира, сердолика и янтаря.

Набор этих вещей характерен для памятников последних веков до н. э. и первых веков н. э. Северного Кавказа, Северного Причерно-

морья и Нижнего Поволжья. Исключение составляют железные втульчатые наконечники стрел, которые являются характерной принадлежностью памятников Северного Кавказа (от Дагестана до Прикубанья) в скифо-сарматское время. В более северных районах, в частности в раннесарматских погребениях Поволжья, они встречаются значительно реже, и к I в. до н. э. они там полностью вытесняются черешковыми наконечниками стрел. На Северном Кавказе черешковые наконечники появляются в I в. до н. э., но господство их начинается лишь со II в. н. э., когда они полностью вытесняют втульчатые наконечники стрел. В катакомбах первого типа найдены единичные экземпляры втульчатых наконечников стрел. В одной катакомбе (погребение 9, раскопки 1966 г.) найдены втульчатые и черешковые наконечники стрел вместе, что позволяет датировать это погребение рубежом н. э. Дату катакомб первого типа уточняют кувшины первых веков н. э.⁴ (рис. 35, 9, 16). Сочетание их со втульчатыми наконечниками стрел позволяет датировать эти катакомбы I в. н. э.

Инвентарь катакомб второго типа более многочислен и разнообразен. Помимо железных предметов, встречающихся в катакомбах первого типа (ножи, пряжки, крючки от колчанов; рис. 35, 8), здесь найдены различные украшения из бронзы и серебра. В этих могилах обычно встречаются серебряные височные привески из проволоки, согнутой в 1,5 оборота. Концы их часто покрывались спиральной нарезкой, иногда они оформлялись в виде конических утолщений (рис. 35, 14). Встречаются здесь также бронзовые привески и булавки с конической головкой (рис. 35, 11) и в виде стержня с расширением в верхней части и со сквозным отверстием (рис. 35, 10). Все эти украшения находят близкие аналогии в памятниках позднекобанской культуры горных районов Центрального Кавказа последних веков до н. э. и рубежа н. э.⁵ В катакомбах второго типа найдено большое количество железных втульчатых стрел, лежавших обычно пачками у ног погребенных. Наличие совершенно разных по форме и размерам втульчатых наконечников стрел в пределах не только одной могилы, но и одного колчана затрудняет датировку по формам железных втульчатых наконечников стрел. Вероятно, основанием для датировки могло бы быть соотношение разных типов стрел в пределах одного колчана, однако сохранность их очень плохая. Преобладание втульчатых наконечников стрел, а также богатый набор разнообразных бус (рис. 35, 17), среди которых имеются бусы местного северокавказского происхождения, известные по могильникам горных районов Северной Осетии (Корца и др.), — все это в сочетании с наличием украшений кобанского типа позволяет говорить о тесной связи населения, хоронившего покойников в этих могилах, с местными племенами Северного Кавказа. Об этом же говорят и некоторые черты обряда в катакомбах второго типа: наличие отдельных скорченых костяков, посыпка покойников углем, использование могил в качестве семейных склепов и, наконец, форма катакомб, напоминающая подземные склепы, известные на Северном Кавказе, по последним данным, еще с эпохи бронзы.⁶

К числу катакомб можно отнести, по-видимому, и ряд погребений, в которых по условиям грунта не была прослежена их конструкция и совершенно не были выявлены входные ямы. По своей форме (большие подквадратные ямы), по наличию в них большого числа костяков (от 4

⁴ К. М. Скалон. Изображение животных на керамике сарматского периода. ТОИПКЭ, т. 1, 1941, табл. XII, 2.

⁵ Находки из Корца, собранные П. С. Уваровой (ГИМ, инв. № 55738); раскопки В. И. Долбежева (ГИМ, инв. № 28557); находки из Кобани, Северного и Западного Кавказа, раскопки В. И. Долбежева (ГИМ, инв. № 26946).

⁶ В. И. Маркович. Склепы эпохи бронзы у сел. Эгикал в горной Ингушетии. Доклад, прочитанный на секции Кавказа сессии Института археологии АН СССР в 1968 г.

до 13), часть из которых (очевидно, последние захоронения) лежали в вытянутом положении, а предыдущие были сдвинуты к стене (рис. 34, 6), эти могильные ямы могут рассматриваться как камеры катакомб с обвалившимся сводом. По своему устройству они более близки к катакомбам второго типа, хотя и имеют отличную от них ориентировку (восток—запад). Близки они к катакомбам второго типа и по характеру инвентаря. Здесь также встречаются серебряные привески в 1,5 оборота, богатый набор бус, разнообразные железные изделия, в том числе большое количество железных наконечников стрел (преобладают втульчатые, но есть и черешковые наконечники; рис. 35, 12, 13). Господство втульчатых наконечников стрел в катакомбах второго типа и наличие в них сосудов первых веков н. э. (рис. 35, 19) не позволяют датировать их временем позже I в. н. э. и допускает даже несколько более раннюю дату для катакомб этого типа — может быть, конец I в. до н. э. В целом их можно датировать рубежом н. э. Этнически катакомбные погребения можно связывать с аланскими племенами.

К рубежу н. э. относятся и грунтовые погребения этого могильника. Среди грунтовых могил наиболее интересно погребение 31, в котором найден детский костяк в вытянутом положении, на спине, головой на восток (рис. 34, 5). При костяке найдены золотые украшения (фибула, привеска и бляшки) бисер и гешировые бусы, а также два сосуда — кувшин и красноглиняная гончарная миска на кольцевом поддоне, с двумя ручками (рис. 35, 18), по форме сходная с боспорскими позднеэллинистическими мисками. Погребение следует, по-видимому, датировать I в. до н. э. Грунтовые погребения Нижне-Джугатского могильника надо связывать с местными племенами Северного Кавказа.

Разнообразие типов погребальных сооружений Нижне-Джугатского могильника свидетельствует о довольно пестром этническом составе населения, обитавшего здесь на рубеже н. э. Однако в материальной и, по-видимому, духовной культуре имеется большое сходство между этими различными группами населения. Это подтверждается наличием одинаковых типов инвентаря и некоторых черт погребального обряда в могилах разных групп. Как в грунтовых могилах, так и в катакомбах обоих типов этого могильника, встречается обычай положения бус в кучу, иногда среди другого инвентаря, в стороне от костей скелета, обычно слева от него; в могилах различных групп найдены привески из просверленных клыков и когтей животных, также обычно сложенные в кучу около руки погребенного. В катакомбах разных типов найдены сходные по форме сосудики с железными цепями (рис. 35, 15), а также глиняные, по-видимому, ритуальные сосуды, внутри которых лежали гальки и угли.

Обычай положения галек в ритуальные сосуды известен в памятниках меотской культуры, в частности в Пашковском могильнике IV—III вв. до н. э.⁷ Такой обычай характерен и для некоторых местных племен Чечено-Ингушетии (могилы, обложенные камнями, и курганные погребения)⁸. В одном из курганных погребений Чечено-Ингушетии найден глиняный сосуд, внутри которого лежала железная цепь⁹. Все это говорит не только об общности разноэтнического населения, оставившего Нижне-Джугатский могильник, но и о том, что это население по некоторым чертам своей духовной и материальной культуры было в какой-то степени близко к племенам более восточных областей, обитавших, в частности, на территории Чечено-Ингушетии.

⁷ К. Ф. Смирнов. Меотский могильник у станицы Пашковской. МИА, № 64, 1958, стр. 283, рис. 7, 2; стр. 288, рис. 9, 16; стр. 296—299.

⁸ В. Б. Виноградов. Археологические разведки в Чечено-Ингушетии в 1964 г. «Изв. ЧИНИИ», т. VII, вып. 1, 1966, стр. 146—151, рис. 2.

⁹ Р. М. Мунчаев. Отчет о работе III отряда СКАЭ в 1966 г. Архив ИА, д. 3293, стр. 155, рис. 47, 52.

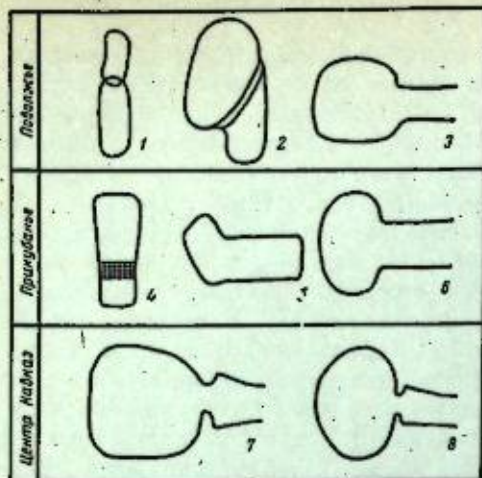

Рис. 36. Сравнительная таблица павнов могил

1 — Калининский могильник, курган 19, погребение 21; 2 — Усатово, курган 5, погребение 11; 3 — Мечет-Сай, курган 2, погребение 1; 4 — станция Каванская, курган 1; 5 — станция Каванская, курган 16; 6 — станция Каванская, курган 19; 7—8 — Нижне-Джулатский могильник, погребения 46 и 33

Открытые на Нижне-Джулатском могильнике катакомбы являются наиболее ранними катакомбами, которые можно связывать с аланскими племенами Северного Кавказа; они подтверждают сведения письменных источников о наличии аланских племен на Северном Кавказе уже в I в. н. э.¹⁰ В первых веках н. э. катакомбные погребения распространяются на широкой территории Северного Кавказа — от Чечено-Ингушетии до Прикубанья. Генетически эти катакомбы нередко связывают с сарматскими катакомбами Поволжья и Приуралья, где они известны уже в IV—III вв. до н. э.¹¹ Однако аланские катакомбы Центрального и Северо-Восточного Кавказа по своему устройству имеют существенные отличия как от катакомб Поволжья, так и от катакомб Северо-Западного Кавказа. Характерной чертой аланских катакомб центральных районов Северного Кавказа от I в. н. э. и вплоть до позднеаланских катакомб XI—XII вв. является наличие у них узкого входа, соединяющего входную яму (или дромос) с камерой. Поволжские катакомбы, так же как и катакомбы Золотого кладбища, такого входа не имеют и являются скорее разновидностью подбоев, а не катакомбами (рис. 36). Хотя это не отрицает их аланской принадлежности, поскольку подбойные могилы были широко распространены у алан, в частности в Северном Причерноморье во II—IV вв. н. э. Наличие у катакомб центральных районов Северного Кавказа характерного узкого прохода или устья, соединяющего входную яму с камерой, подчеркивает своеобразие аланской культуры этого района. Возможно, генетически катакомбы этого типа следует связать со Средней Азией, где они известны, в частности, в окрестностях Ташкента¹². Однако этот вопрос требует специального изучения. Можно высказать и другое предположение. Распространение этого типа катакомб и длительное его существование в течение I тысячелетия н. э. связано с влиянием и устойчивостью местных традиций. Особенно это относится к катакомбам второго типа, своеобразная форма которых и наличие в них большого количества костяков (до 15) — черты, не характерные для катакомб других территорий этого времени, — позволяют связывать появление их с влиянием местных северокавказских обычаев.

Исследованные на Нижне-Джулатском могильнике катакомбы говорят о тесной связи и смешении алан с местными племенами Северного Кавказа еще на самом раннем этапе их расселения.

¹⁰ Марк Анней Лукан. О гражданской войне десять книг, VIII, 215—225; Иосиф Флавий. Иудейские древности, VII, 7, 4.

¹¹ М. Г. Мошкова. Памятники прохоровской культуры. САИ. вып. Д 1-10, 1963, стр. 21, табл. 2, 7; 3, 1, 3; 4, 7.

¹² Отчет об археологических раскопках Н. П. Остроумова в окрестностях г. Ташкента. Архив ЛОИА, ф. I, л. 34, 1886 г.

В. И. МАРКОВИН

САРМАТСКАЯ ТАМГА НА СКАЛАХ УЙТАША
(ДАГЕСТАН)

Между селением Уйташ и хутором Соси-Булак в предгорной части Дагестана (45 км к юго-востоку от Махачкалы) на участке массивных выходов скал светлого чокракского песчаника (миоцен) зарегистрировано несколько групп наскальных изображений (знаки плодородия, счетные знаки в виде параллельных насечек и решетчатых перекрестий, изображения животных — козлов, туров, лошади)¹. Некоторые из древних рисунков покрыты темно-коричневым стекловидным пустынным загаром. Особенно большой интерес представляет находка тамги сарматского облика. Она высечена на южной стороне очень массивной скалы², на высоте 1,60 м от ее подножия. Глубокие врезы в песчаник нанесены острым орудием, края тамги не успели сгладиться, и контуры ее резко отличаются от слабо заметных более древних рисунков. Участок скалы с тамгой слегка поврежден и покрыт серо-охристым загаром. Тамга представляет собой трехчленный, довольно сложный знак, линии которого завершаются дугами. Элементы тамги направлены в противоположные стороны и своим движением напоминают свастический узор. Под тамгой помещен небольшой зооморфный знак. Общий размер описанного рисунка 55×25 см (рис. 37 и 38, 1). У подножия скал собрана коллекция керамики сарматского времени: обломки ручек с одиночными налестками и орнаментальными врезками вокруг декоративного ребра, обломки сосудов и чаш (рис. 39). Поверхность большинства фрагментов серая, реже покрыта красным ангобом (рис. 39, 3, 4), глиняное тесто тщательно отмучено и содержит шамот и песок, цвет серый и коричневатый. Собранная керамика находит полные аналоги в памятниках II—III вв. н. э. предгорного Дагестана (могильники у с. Карабудахкент³, сборы на территории Тарнаира и Капчугая⁴), а отдельные ее элементы (врезки, налестки, ангобирование) очень близки ялойлутепинской керамике Азербайджана⁵. Несомненно, тамгу Уйташа можно связывать с найденной возле нее керамикой. Сопоставление тамги с современными тавровыми знаками горцев⁶ и средне-

¹ Аналогичные изображения см.: В. И. Марковин. Наскальные изображения в предгорьях Северо-Восточного Дагестана. СА, 1958, № 1, стр. 147 сл.

² Тамга обнаружена в 1965 г. автором и преподавателем Дагестанского педагогического института Н. Г. Полихрониди.

³ К. Ф. Смирнов. Грунтовые могильники алано-сарматского времени у сел. Карабудахкент. МАД, II, 1961, стр. 167 и сл.

⁴ Сборы автора. См.: В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. «Тр. ЧИНИИ», т. VI, 1963, стр. 119, 120, рис. 45.

⁵ О. Ш. Исмизаде. Ялойлутепинская культура. Баку, 1956, стр. 54 и сл., табл. XV, 2; XVI, 2; XXI, 3 и др.

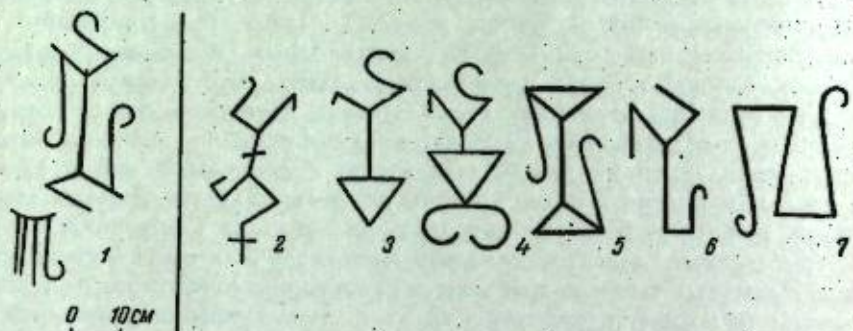
⁶ В. П. Пожидаев. Кабардино-черкесская тамга и кавказский орнамент. «Уч. зап. КНИИ», т. IV, 1948, стр. 215, табл. I.

Рис. 37. Тамга, высеченная на скале близ Уйташ.

Рис. 38. Тамги сарматского времени

1 — тамга скалы близ Уйташ (прорис); 2—7 — тамги различных памятников Причерноморья (2, 3 — по И. Костржевскому, № 42, 43; 4—7 — по Э. И. Соломонову, № 24, 145, 189, 230)

вековыми петроглифами Дагестана показывает, что ничего общего между ними нет⁷. В то же время сравнение уйташского начертания со знаками сарматского времени весьма плодотворно, хотя среди известных сарматских знаков нет абсолютно идентичных уйташской тамге, но элементы их близки ей, так же как они близки ей композиционно (рис. 38, 2—7)⁸. Сопоставляемые знаки происходят из Причерноморья (Боспор — Ольвия) и относятся к первым векам н. э.⁹ В сарматских знаках находят аналогии и небольшой Т-образный (зооморфный) знак (стилизация двух копей), сопровождающий уйташскую тамгу.

Уйташская тамга — вторая находка подобного рода, обнаруженная на территории Северо-Восточного Кавказа. Впервые сарматские тамги были обнаружены на бронзовом котле I в. до н. э. — I в. н. э., происходящем из Чечено-Ингушетии (на нем изображены триквестр и знак в виде

⁷ См.: Е. М. Шнеллинг. Изобразительное искусство народов горного Дагестана. «Доклады и сообщения МГУ», вып. 9, 1950; Д. М. Атаев, В. И. Маркович. Петрография горной Аварии. «Уч. зап. ИИЯЛ ДагФАН СССР», т. XIV, 1965; П. М. Дебилов. Резьба по камню в Дагестане. М., 1966.

⁸ J. Kozłowski. Pismo obrazkowe, znaki własności i symboli religijne? «Przeegl archeologiczny», т. II, III, z. 3, 4, 1921, стр. 127, рис. 1; Э. И. Соломонов. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959, стр. 96, 97, 104, 105, 107, 108, рис. 42, 48, 52, 60.

⁹ Э. И. Соломонов. Указ. соч., стр. 17.

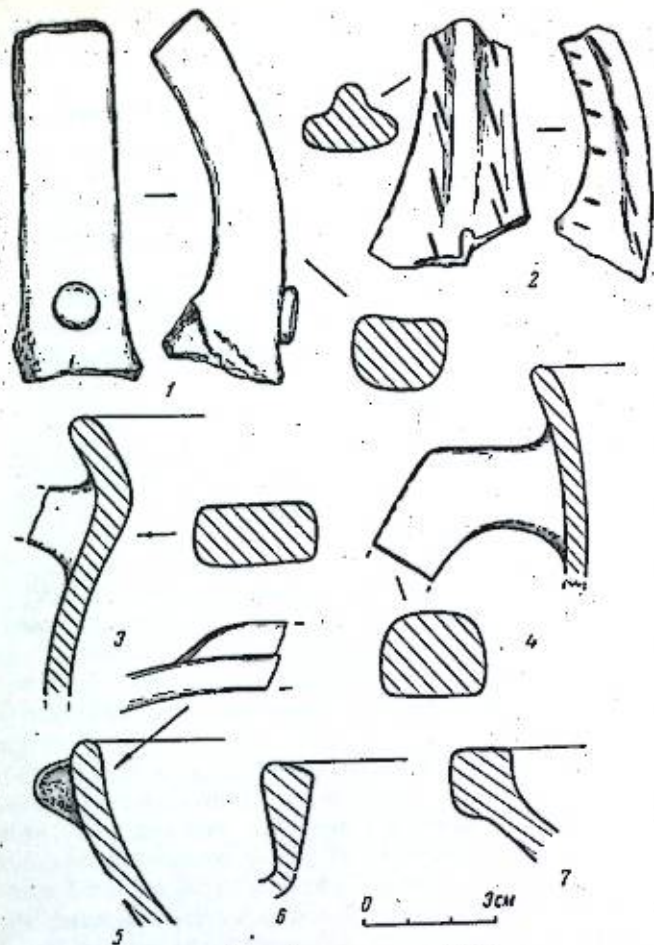

Рис. 39. Находки из селения Уйташ

1—2 — керамика, собранная близ скалы с тамгой, 3, 4 — обломки, покрытые автобом

буквы Н)¹⁰, но котел с полной уверенностью нельзя относить к предметам местного производства. Однако описанная тамга выбита на скалах в той части Дагестана, которая известна, как Дербентский проход. Тамга, обнаруженная на скалах Уйташа, еще одно неоспоримое подтверждение сарматского проникновения в Дагестан, впервые засвидетельствованного раскопками Таркинского могильника¹¹. Керамика, обнаруженная в Уйташе, и синхронная ей тамга подтверждает в свою очередь сарматское влияние на культуру местных горцев, эта керамика имеет не чисто сарматский, а, как принято говорить, сарматоидный облик.

Находка сарматской тамги в районе Уйташа тем более важна, что в литературе по истории Дагестана появляется тенденция умалчивать и преуменьшать степень проникновения сарматов в пределы Дагестана и их влияние на культуру местных племен, хотя на карте соответствующих памятников значительная часть присулакского Дагестана занята ими¹². Это, очевидно, периферия мощного союза сарматских племен (аорской

¹⁰ В. Б. Виноградов. Указ. соч., стр. 91, 92, рис. 41, 1.

¹¹ Е. И. Крупнов. Новый памятник древних культур Дагестана. МИА, № 23, 1951, стр. 222—225; К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948—1949 гг. МИА, № 23, 1951, стр. 257 сл.

¹² В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа, стр. 181, рис. 1.

конфедерации)¹³. О сарматском проникновении в пределы Прикаспия, предгорной части Северного Дагестана, упоминается в «Очерках истории Дагестана»¹⁴ и в «Истории Дагестана»¹⁵.

В недавно вышедшей многотомной «Истории Дагестана» совершенно отрицаются сарматские черты в материалах могильника у с. Карабудахкент и преуменьшается сарматское проникновение на территорию страны южнее с. Тарки¹⁶, хотя известно, что могильники Карабудахкент 1 и 3 близки Таркинскому могильнику, где были найдены сарматские погребения¹⁷.

Уйташская тамга представляет интерес для изучения вопросов, связанных с сарматским продвижением в Дагестан, и, помимо того, увеличивает число сарматских памятников, обнаруженных в пределах Прикаспия.

П. М. ДОЛУХАНОВ

ГЕОЛОГО-ГЕОМОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
ГОРОДИЩА ЧАЙКА

Осенью 1967 г. были проведены геолого-геоморфологические исследования в районе городища Чайка, близ Евпатории, где в V—II вв. до н. э. существовало греческое поселение (фактория), позднее превращенное скифами в крепость¹. Полученные данные позволяют наметить общую методику палеогеографического изучения античных памятников в Северном Причерноморье.

Работы сводились к подробному изучению форм рельефа прибрежной полосы и их картированию; проведению продольного профиля через городище (при помощи нивелира) и точному измерению высот основных геоморфологических уровней; изучению геологических слоев, обнаженных в районе раскопа, а также изучению строения морских террас.

Городище расположено на плоской слабо наклоненной в сторону моря равнине. В районе городища имеются: котловина (лиман), наиболее пониженная часть которой занята современным озером Ялы-Майнак, и система морских террас и валов, фиксирующих последовательное изменение высотного положения морского берега. Нивелировка позволила выделить следующие высотные уровни (рис. 40): 1) верхний террасовый уровень 2,5—3 м; 2) хорошо выраженную террасу, высотой 1,2—1,5 м; 3) террасовидный уступ высотой 1 м; 4) уровень дна оз. Ялы-Майнак — 0,5 м; 5) современную волноприбойную зону.

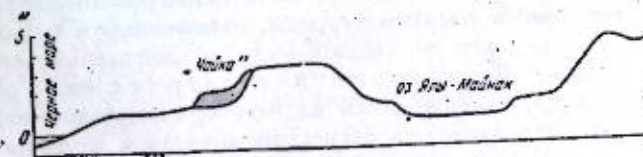

Рис. 40. Городище Чайка. Поперечный профиль

Греческие, а позднее скифские здания были воздвигнуты на террасе высотой 1,2—1,5 м. Ближе к тыловой зоне эта терраса отпрепарирована: фундаменты греческих зданий располагаются непосредственно на кровле известняков. Ближе к морю терраса покрыта слоем морских отложений —

¹ А. Н. Карасев. Раскопки на городище Чайка близ Евпатории. КСИА, вып. 95, 1963, стр. 33—42; он же. Раскопки у санатория «Чайка» близ Евпатории. КСИА, вып. 103, 1965, стр. 131—138; И. В. Яценко. Раскопки скифских строительных остатков на городище Чайка у Евпатории. «Археологические открытия 1967 г.», М., 1968, стр. 212, 213.

¹³ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки, стр. 272; В. Г. Котович, Н. Б. Шейхов. Археологическое изучение Дагестана за 40 лет. «Уч. зап. ИИЯЛ ДагФАН СССР», т. VIII, 1960, стр. 351.

¹⁴ «Очерки истории Дагестана», т. I. Махачкала, 1957, стр. 22 (автор раздела В. Г. Котович).

¹⁵ Р. М. Магомедов. История Дагестана. Махачкала, 1961, стр. 30.

¹⁶ «История Дагестана», т. I. М., 1967, стр. 107, 108 (автор раздела Д. М. Атаев).

¹⁷ К. Ф. Смирнов. Грунтовые могильники..., стр. 167, 218.

песков и суглинков. Терраса эта выражена как в районе раскопа, так и вокруг котловины оз. Ялы-Майнак.

В районе раскопа была установлена следующая последовательность напластований:

- 0,0—0,25 м — песок глинистый мелкозернистый темно-коричневого цвета; строительные остатки I—II вв. н. э.
- 0,25—0,5 м — супесь пылеватая светло-коричневого цвета;
- 0,5—1,0 м — завалы стен: песок суглинистый среднезернистый;
- 1,0—1,4 м — песок желтоватый среднезернистый;
- 1,8—2,2 м — песок кварцево-оолитовый, средне- и крупнозернистый, стерильный;
- 2,2—2,4 м — строительные остатки греческого здания (IV в. до н. э.);
- 2,4—2,6 м — суглинок сероватый плотный;
- 2,6—2,63 м — супесь желтоватая цементированная;
- 2,63—2,7 м — супесь сероватая плотно цементированная;
- 2,7—2,8 м — песок крупнозернистый цементированный;
- 2,8—3,0 м (видимая мощность) — слоистая толща; чередование суглинистых и супесчаных прослоек.

Отложения, установленные на глубинах 2,6—3,0 м, являются морскими осадками.

В котловине Ялы-Майнакского озера Б. Н. Ивановым и П. Д. Подгородецким² установлена следующая стратиграфия:

- 0,0—3,0 м — песок серый разнозернистый с обломками раковин, водонасыщенный;
- 3,0—5,0 м — суглинок голубовато-серый мягкопластичный.

На основании приведенных данных, а также на основании литературных материалов можно предположить следующий характер развития побережья в позднечетвертичное время.

Первый этап—Новоэвксинская регрессия (—24 ÷ —26 м, по А. Б. Островскому)³. В течение этого этапа происходит размыв кровли мезотийских известняков и заложение Ялы-Майнакской долинной системы.

Второй этап—Новочерноморская трансгрессия. Эта трансгрессия, имеющая планетарный характер, достигала на Черном море значений порядка 3—5 м⁴. Максимум этой трансгрессии датируется IV—III тысячелетиями до н. э. Временем этой трансгрессии следует датировать образование самой высокой террасы, измеренной в районе «Чайки» (2,5—3 м).

Третий этап—Фанагорийская регрессия. Уровень моря медленно понижается, задерживаясь на некоторых промежуточных отметках. Продолжительная задержка регрессии привела к формированию террасы 1,2—1,5 м—той самой террасы, на которой расположено городище. В ту эпоху, когда происходило формирование этой террасы, местность

² Б. Н. Иванов, Н. Д. Подгородецкий. Заключение о геолого-геоморфологических особенностях территории раскопок антично-скифских сооружений V—III вв. до н. э. в районе Чайки (рукопись).

³ А. Б. Островский. Регрессивные уровни Черного моря и их связь с переуглублением речных долин Кавказского побережья. «Изв. АН СССР», сер. географ., 1967, № 1, стр. 39.

⁴ Д. А. Лилленберг, К. И. Шишев, В. И. Попов. Новые данные о черноморских террасах Странджинского побережья Болгарии. ДАН СССР, т. 169, № 53, 1964, стр. 552—555; Н. С. Благоволит, А. Н. Щеглов. Колебания уровня Черного моря в историческое время по данным археолого-геоморфологических исследований в Юго-Западном Крыму. «Изв. АН СССР», сер. географ., 1968, № 2, стр. 49—58.

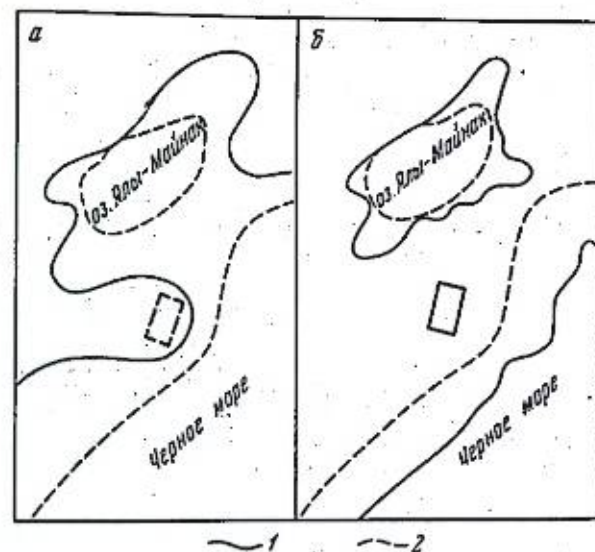

Рис. 41. Местность в районе Чайки

1 — древняя береговая линия; 2 — современная береговая линия; а — в эпоху формирования террасы, высота 1 м; б — в эпоху максимума фанагорийской регрессии

в районе городища представляла собой острый и длинный мыс, с трех сторон окруженный морем. Оз. Ялы-Майнак составляло часть неглубокого залива, вдающегося в сушу (рис. 41). К сожалению, у нас нет достаточных данных для точного датирования этой террасы. В связи с этим нельзя считать окончательно решенным вопрос о взаимоотношении греческого поселения с заливом, реконструируемым в районе оз. Ялы-Майнак. Однако есть основания полагать, что такой залив был и мог использоваться мелко сидящими судами по крайней мере на ранних этапах существования греческого поселения. Причем это предположение, по-видимому, справедливо даже в том случае, если уровень моря был на несколько метров ниже современного, что устанавливается для ряда античных поселений Крыма и Северо-Западного Причерноморья⁵.

На протяжении большей части времени существования городища уровень моря был ниже современного. Залив Ялы-Майнак мелел и заносился песком. Сильное развитие получали эоловые процессы, вызывавшие перемещение значительных масс песка: этим объясняется наличие многочисленных прослоек песка, наблюдаемых в разрезе.

После максимального понижения уровня⁶ (по А. Б. Островскому, на 6—8 м ниже современного) начинается новый подъем (Нимфейская трансгрессия). С этой трансгрессией связывается образование пересыпи, окончательно отрезавшей оз. Ялы-Майнак от моря (рис. 41, б).

⁵ См. статью К. К. Шиланка в настоящем выпуске, стр. 109—114.

⁶ Н. С. Благоволит, А. Н. Щеглов. Указ. соч., 1968 стр. 58.

⁷ А. Б. Островский. Указ. соч., 1967, стр. 39.

Г. М. ЛЕВКОВСКАЯ

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПАЛЕОГЕОГРАФИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ ГОРОДИЩА ЧАЙКА ПО ДАННЫМ СПОРОВО-ПЫЛЬЦЕВОГО АНАЛИЗА

Для спорово-пыльцевого анализа было отобрано 11 образцов, собранных П. М. Долухановым в 1967 г., из городища Чайка (квадрат 99). Здесь залегают остатки греческого строения конца III в. — первой половины II в. до н. э. и скифских сооружений второй половины II в. до н. э. и I в. до н. э. — I в. н. э., чередующихся со стерильными прослойками (рис. 42). Описание городища приводится в ряде работ¹.

Все образцы, отобранные на городище Чайка, содержали значительное количество пыльцы и спор. Качественный состав их также разнообразен — встречено около 40 семейств, родов и видов растений.

Пыльца и споры в образцах, отобранных в Крыму, были обнаружены ранее лишь дважды — Е. С. Малясовой² и Г. О. Пашкевич³.

В распределении пыльцы и спор по разрезу какой-либо зависимости от литологии отложений не наблюдается (рис. 42). Сохранность пыльцы и спор во всех образцах была хорошей.

По данным палинологического анализа (рис. 42) намечается два типа спорово-пыльцевых спектров (сверху вниз).

Для образцов 1—6 (средневековые и скифские слои, а также стерильная прослойка, датируемые I в. до н. э. — I в. н. э. и VIII—IX вв. н. э.) характерно минимальное содержание пыльцы древесных пород (от 1,0 до 10,7%) и безраздельное господство пыльцы травяно-кустарничковых растений (от 81,5 до 99,0%).

Пыльца деревьев и кустарников представлена единичными зернами ели, сосны, ольхи, древовидной березы, вяза, ивы. Как показывают результаты изучения современных проб, основная масса пыльцы оседает неподалеку от места произрастания растений, ее преобладающих, но отдельные зерна могут переноситься водой и ветром на десятки километров. В данном случае незначительное количество древесной пыльцы безусловно принесено из облесенных районов.

Пыльца травянистых растений является в основном местной. Среди нее господствует (в среднем 60%) пыльца степных видов маревых (по крайнему мере два вида), в значительном количестве встречается пыльца

¹ А. Н. Карасев. Раскопки на городище Чайка близ Евпатории. КСИА, вып. 95, 1963, стр. 33—42; И. В. Яценко. Раскопки скифских строительных остатков на городище Чайка в Евпатории. «Археологические открытия 1967 г.», М., 1968, стр. 212, 213.

² Данные содержатся в работе: А. А. Борисов. О колебаниях климата Крыма за историческое время. ИВГО, т. 88, вып. 6, 1956, стр. 535.

³ Г. О. Пашкевич. Спорово-пыльцевые исследования в джудай в стоянок парвизио людини фронтов та Олаківка на Керченському півострові. «Український ботанічний журнал», 1967, № 4, стр. 92—96.

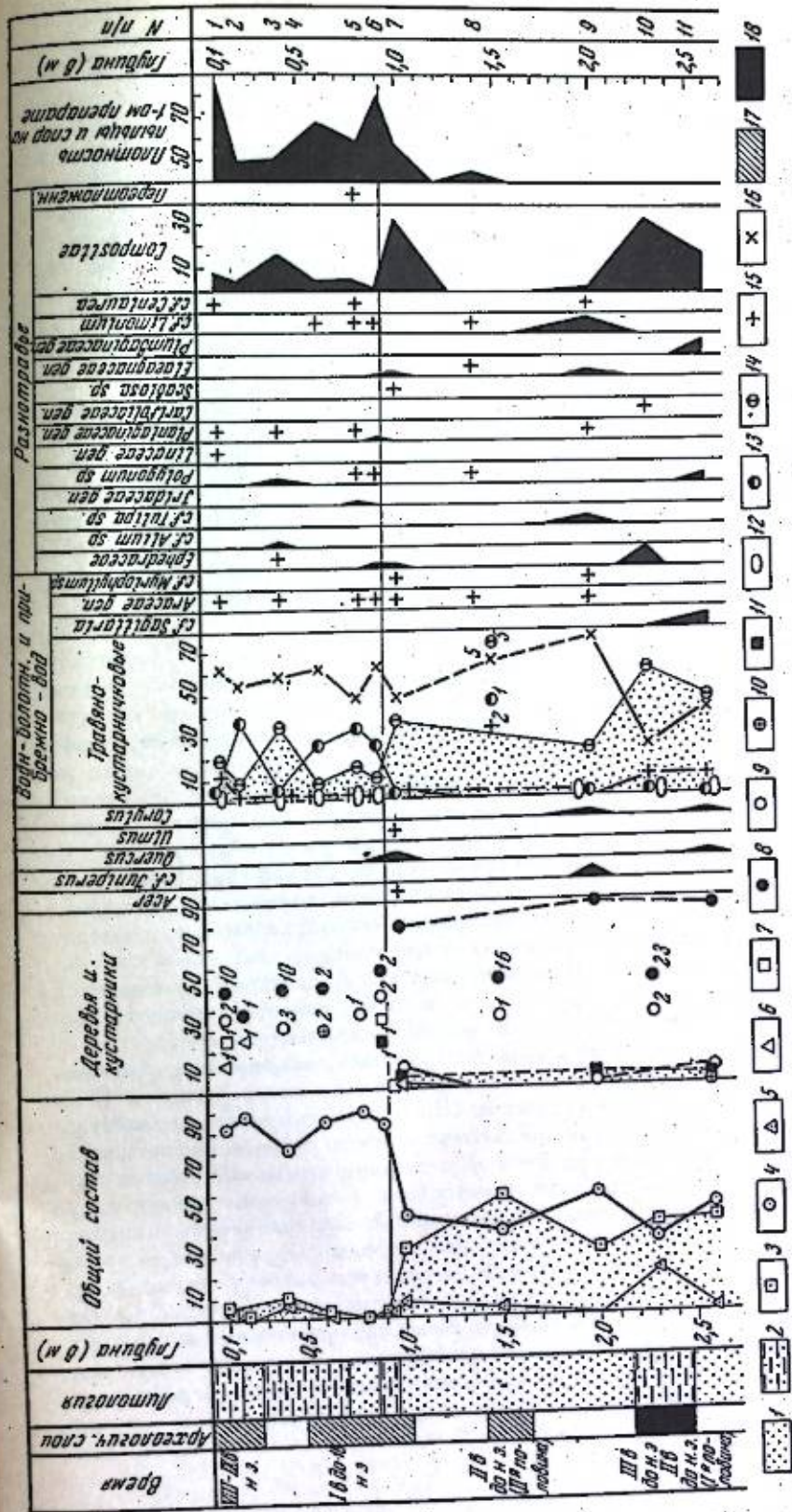

Рис. 42. Спорово-пыльцевая диаграмма разреза городища Чайка

1 — палеолит; 2 — суглинки; 3 — песок; 4 — сосны, ольхи, древовидной березы, вяза, ивы; 5 — споры растений; 6 — ель; 7 — ольха; 8 — сосны; 9 — березы; 10 — ивы; 11 — широколиственные породы (сумах); 12 — ольха; 13 — злаки; 14 — разнотравье (сумах); 15 — полевые; 16 — маревые; археологические слои; 17 — скифские; 18 — греческие. Распространение латинских названий: 1 — Acer — клен; 2 — Juniperus — можжевельник; 3 — Quercus — дуб; 4 — Ulmus — ива; 5 — Corylus — лещина, орешник; 6 — Juglans — орех; 7 — Araceae — ароидные; 8 — Myrica — ива; 9 — Eriophorum — эфедровые; 10 — Alnus — ольха; 11 — Tilia — липа; 12 — Iridaceae — тарья — стрелолист; 13 — Polygonum — горец; 14 — Linaceae — льняные; 15 — Plantaginaceae — подорожниковые; 16 — Scrophulariaceae — жимолостные; 17 — Scabiosa — савблос; 18 — Elysiaceae — лозовые; 19 — Plumbaginaceae — свинчатковые; 20 — Limonium — керпик; 21 — Centaurea — василек; 22 — Compositae — сложноцветные.

злаков (в среднем 20%). В сравнительно небольшом количестве (в сумме 12%) отмечено разнотравье. Оно представлено несколькими видами сложноцветных (они количественно преобладают) и отдельными зернами эфедры, дикого лука, ирисовых, подорожниковых, василька, лимонника и др., единично встречена пыльца полыни и осок.

Общий состав спектра и количественный и качественный состав травяно-кустарничковых растений указывают на то, что во время формирования рассматриваемых отложений в районе исследований и на значительном удалении от него безраздельно господствовала степная растительность — сообщества, образованные злаками и маревыми. На протяжении всего этапа существовали условия, сходные с современными.

Второй тип спорово-пыльцевых спектров (рис. 42) характерен для образцов 7—11 (контакт стерильной прослойки и скифских слоев I в. до н. э. — I в. н. э. и более древние горизонты).

Этот палинологический горизонт отличается от предыдущего более высоким содержанием пыльцы древесных пород (от 30,7 до 56,7%). Пыльца деревьев представлена преимущественно пыльцой сосен (78,1—86,0%), чаще встречаются единичные зерна пыльцы лещины и широколиственных пород — клена, дуба, вяза, которые переносятся на незначительные расстояния. Обнаружена также пыльца можжевельника и сумаха.

В отличие от предыдущего горизонта в травяно-кустарничковой части спектра уменьшается роль пыльцы злаков (до 2% вместо 20% ранее) и возрастает количество степного разнотравья (40% вместо 12%).

Разнотравье особенно обильно в нижней части разреза. По-прежнему в значительном количестве встречается пыльца маревых, единична пыльца полыней и осок. Разнотравье представлено семействами, родами и видами, перечисленными выше (сложноцветные, эфедра, подорожниковые, кермек, василек); кроме того, отмечена пыльца тюльпана, скабиозы, а также жимолостных и лоховых. По устному сообщению Е. С. Малясовой, сходные спектры были получены ею при анализе четырех образцов из Сакского озера с глубины 0,3—0,7 м, на которые ссылается А. А. Борисов⁴. Ею было обнаружено также значительное количество пыльцы сосен, единично — граба, дуба, липы, вяза, много пыльцы полыни и разнотравья.

Таким образом, для рассматриваемых спектров характерно сочетание степных (они преобладают) и лесных компонентов.

Увеличение количества древесной пыльцы в спектрах указывает на то, что степной Крым и прилегающие к нему районы горного Крыма в рассматриваемый этап были облесены больше, чем сейчас.

По морфологическим признакам пыльца сосен, встреченная в ископаемом состоянии (рис. 43), отличается от пыльцы сосны крымской (*Pinus Pallasiana* Lamb.) и сосны Станкевича (*Pinus Stankewiczii* Tom.), растущих сейчас в Крыму. По размерам она больше всего похожа на пыльцу сосны обыкновенной (*Pinus silvestris* L.) и пыльцу крымской горной сосны (*Pinus hamata* D. Sosn.), которая некоторыми ботаниками также принимается за разновидность сосны обыкновенной. По сравнению с пыльцой ряда древесных пород (широколиственные породы, лещина и др.) пыльца сосен очень летуча. Поэтому данные по одному разрезу не позволяют пока однозначно судить о характере растительности прошлого. Возможно, увеличение в спектрах пыльцы сосен указывает на большую облесенность горного Крыма или на распространение интразональных сосновых боров в районе исследований. О значительно большем распространении в прошлом сосновых боровых лесов в горном Крыму имеются указания и в ботанической литературе⁵, причем, по мнению В. И. Тали-

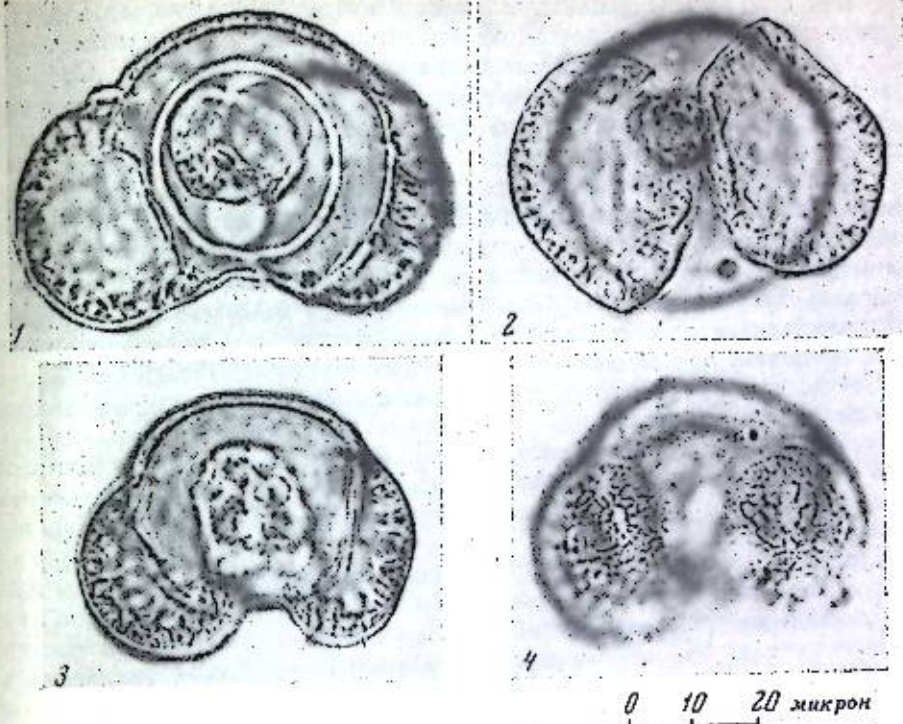

Рис. 43. Пыльца сосны, обнаруженная в образцах 11 (1—2) и 7 (3—4) (увеличено)

ева, на южном склоне, по-видимому, господствовала сосна *Pinus laevis*, а на северном — *Pinus silvestris* L.

О том, что клен, дуб, вяз, а также лещина, можжевельник и сумах росли в прошлом в районе степного Крыма, можно говорить более уверенно, так как пыльца этих растений обычно переносится ветром на незначительные расстояния и продуцируют ее растения в сравнительно небольших количествах. Археологические данные подтверждают этот вывод. По сообщению А. Н. Щеглова⁶, на северо-западном (бухта Ветреная) и на южном (с. Окуневка) побережьях Тарханкутского полуострова при раскопках сгоревшего жилого дома и зернохранилища, построенных в III в. до н. э., обнаружены обгоревшие остатки ильма-вяза, дуба, можжевельника, клена и сосны (определения Г. Н. Лисицкой). Кроме того, там же определены остатки тополя-осины и ясеня. Все остатки, кроме сосны, представляют собой мелкие обломки истлевшего дерева, хвороста, кусочки прутьев в гнистой обмазке и сырцовых кирпичках, т. е. дерево наверняка бралось поблизости. Только сосна определена по обработанному изделию.

Значительно большее облесение степного Крыма в прошлом подтверждается также рядом других данных — палеонтологических, флористических и ботанико-географических. Так, кости лесных животных — кабана и бобра — найдены при раскопках Неаполя Скифского⁷. Травяной покров современных лесостепных дубков Крыма имеет лесные элементы, свойственные лишь густым высокоствольным лесам⁸. На Тарханкутском полу-

⁴ А. А. Борисов. Указ. соч., стр. 535.

⁵ В. И. Талиев. Флора Крыма и роль человека в ее развитии. «Тр. Харьковского об-ва исследователей природы», XXXV, 1901, стр. 336.

⁶ А. Н. Щеглов. Очерк физико-географических условий в Северо-Западном Крыму в античную эпоху. Рукопись.

⁷ Н. А. Троицкий и А. Н. Киселев. Растительность и животный мир Крыма. «Изв. Крымского отделения Географического об-ва», вып. 6, 1961, стр. 23.

⁸ Там же, стр. 20.

острове⁹, особенно на Джангульском оползневом побережье¹⁰, по балкам встречаются заросли древесной или кустарниковой растительности, сопутствуемые рядом тенелюбивых травянистых представителей. Сведения о большей облесенности прилегающих к Крыму степных районов Украины для рассматриваемого этапа приводятся в некоторых письменных источниках, например у Геродота¹¹.

Географическое положение городища Чайка (район Евпатории) между лесостепным районом горного Крыма и Тарханкутским полуостровом (на наличие древесной растительности на Тарханкутском полуострове указывает Н. Н. Дзенс-Литовская¹²), удаленным от городища лишь на несколько десятков километров к северу и югу, делает правдоподобным предположение о распространении в прошлом (вплоть до рубежа нашей эры) древесной растительности и в районе городища Чайка.

Сейчас на юге граница лесостепи проходит по р. Булганак. Древесная растительность представлена там тремя видами дуба, грабом, кленом, а к северу и востоку от Бахчисарая — красным можжевельником и крымской сосной. На Тарханкутском побережье единично встречаются серебристая груша, терн, боярышник и другие древесно-кустарниковые растения.

Состав травяно-кустарниковой части спектра (рис. 42) также подтверждает вывод о большей облесенности территории в прошлом, так как уменьшение роли злаков и увеличение роли разнотравья в составе травяных ценозов характерно для тех вариантов степей, которые расположены ближе к границе лесной области.

Данные о бывшей облесенности степного Крыма представляют несомненный интерес в общегеографическом плане. В ботанической литературе идет полемика по вопросу о взаимоотношении леса и степи. Основоположником господствующих взглядов, по которым лес наступает на степь, является ботаник С. И. Коржинский¹³. Наоборот, Г. И. Танфильев¹⁴ считал, что на степных почвах лес никогда не мог расти вследствие их богатства растворенными минеральными солями. Почвовед Д. А. Драницын¹⁵ обнаружил в Сибири оподзоленные черноземы, которые могли образоваться лишь в результате наступления леса на степь. Мысль о наступлении леса на степь в ряде работ защищал А. С. Берг¹⁶. И. М. Крашенинников¹⁷ на южной окраине Киргизских степей находил следы наступления степей на пустыни. Первым, кто высказался против теории исконного безлесия степей, был В. И. Талиев¹⁸. Он считал, что дубовые леса ранее занимали всю северную окраину ныне степной обла-

⁹ Н. Н. Дзенс-Литовская. Флористический очерк Тарханкутского п-ва в Крыму «Уч. зап. АГУ», сер. геогр., № 125, вып. 7, 1950, стр. 338, 339, 346.

¹⁰ П. Д. Подгородецкий и Ф. Н. Вишняков. Джангульское оползневое побережье в Крыму и его природа. «Охрана и развитие богатства Крыма». Симферополь, 1960, стр. 256.

¹¹ Геродот. История в 9 книгах. 1885, кн. IV, стр. 306.

¹² Н. Н. Дзенс-Литовская. Растительность степного Крыма. «Уч. зап. АГУ», сер. геогр., вып. 7, № 125, 1950, стр. 134, 139, 164—173.

¹³ С. И. Коржинский. Северная граница черноземной области восточной подлесья Европейской России в ботанико-географическом и почвенном отношении. «Тр. Об-ва естествоиспытателей при Казанском университете», ч. I, XVIII, 5(1888), стр. 128.

¹⁴ Г. И. Танфильев. Пределы лесов на юге России. СПб., 1894, стр. 27.

¹⁵ Д. А. Драницын. Вторичные подзолы и перемещение подзолистой зоны на севере Обь-Иртышского водораздела. «Изв. Докучаевской почвенной комиссии», II (1914), № 2, стр. 45.

¹⁶ А. С. Берг. Природа СССР. М., 1953.

¹⁷ И. М. Крашенинников. Киргизские степи как объект ботанико-географического анализа и синтеза. «Изв. Главного ботан. сада», XXII, 1, 1922, стр. 34.

¹⁸ В. И. Талиев. Нерешенная проблема русской ботанической географии (лес и степь). «Лесной журнал», 1904, № 3—4.

сти и впоследствии были уничтожены человеком. Г. Э. Гроссет¹⁹ пытался примирить оба взгляда путем признания постоянных колебаний границы между лесом и степью в лесостепи, где лес и степь сосуществуют равноправно.

В отношении Крыма лишь Е. М. Хорват²⁰ высказал мнение о том, что крымская лесостепь первична. Большинство крымских ботаников считают, что в прошлом Крым был более облесен, чем сейчас²¹.

Однако почти все касавшиеся этого вопроса исследователи располагали только ботаническими или почвенными наблюдениями, лишенными точных хронологических привязок. Сочетание палинологических и археологических материалов для района Евпатории позволяет более точно фиксировать начало резкого остепнения — оно приходится на самое начало нашей эры. Гибель древесной растительности могла произойти в результате иссушения климата или воздействия человека.

И. Е. Бучинский²², рассмотрев большое количество исторических источников, утверждает, что «климат Украины за историческую эпоху заметно не изменился, хотя и проявились его вековые колебания», а многие лесные массивы были «уничтожены человеком, но отнюдь не в связи с какими-либо изменениями климата». Однако эти источники, отражая прошлую и современную облесенность ряда районов и роль человека в уничтожении лесов, не могут дать представления о роли климатического фактора в этом процессе, так как они исходят из непосредственных ощущений, а не из регулярных записей об изменениях климата в течение ряда лет и, кроме того, многие суждения субъективны (например, данные Геродота, приехавшего на сравнительно короткий срок из теплой Греции в холодную Скифию). Между тем по данным метеорологических наблюдений, которые имеются на Украине за последние 150 лет, обнаруживаются вековые колебания климата, на что указывает и И. Е. Бучинский. По метеорологическим данным, и для Крыма намечаются ритмы изменения температур и влажности продолжительностью около 35 лет. А. А. Борисов²³ проанализировал эти ритмы до рубежа н. э. и дальше, сопоставил с данными палинологического анализа Е. С. Малясовой и сведениями из исторических источников. Таким путем он построил кривую хода среднегодовой температур и количества осадков, которая, однако, недостаточно подкреплена фактическим материалом. По А. А. Борисову, на рубеже н. э. климат Крыма был более влажным и жарким (за счет летних температур).

Особенно четкие доказательства климатических изменений в прошлом мы находим в осадках озер Крыма. Работами В. В. Перфильева²⁴ и Ю. В. Первольфа²⁵ доказано, что микрозоны в иле озер связаны с сезонной слоистостью. Затем В. Б. Шостакович²⁶ установил прямую зависи-

¹⁹ Г. Э. Гроссет. Лес и степь. Воронеж, 1930, стр. 88—89.

²⁰ Е. М. Хорват. Растительность крымских «дубков». «Тр. Никитского Ботан. сада», XXV, вып. 1-2, 1948, стр. 109.

²¹ В. В. Талиев. Указ. соч., стр. 336; Е. В. Вульф. Растительность Крымской Яйлы. «Тр. Никитского Ботан. сада», XXV, вып. 1-2, 1948, стр. 60, 61; Н. Н. Дзенс-Литовская. Указ. соч., стр. 218; Н. А. Троицкий и А. Н. Киселев. Указ. соч., стр. 40.

²² И. Е. Бучинский. Изменился ли климат Украины за историческое время. «Изв. Всесоюзного Географического об-ва», т. 85, вып. 1, 1953, стр. 29 и 27.

²³ А. А. Борисов. Указ. соч., стр. 535.

²⁴ В. В. Перфильев. К изучению озерных отложений. «Изв. Гидрологического ин-та», № 19, 1927, стр. 91.

²⁵ Ю. В. Первольф. Илы и условия их образования в соляных озерах Крыма. «Тр. Лаборатории озероведения АН СССР», т. 2, 1953, стр. 166.

²⁶ В. Б. Шостакович. Иловые отложения озер и периодические колебания в явлениях природы. «Зап. Гос. гидрологического ин-та», т. 13, 1934, стр. 55; он же. Иловые отложения Сакского озера как летописи климата. «Саки-курорт», вып. I. Симферополь, 1935, стр. 271.

мость между количеством осадков и толщиной микрозон ила. Сравнение теоретически вычисленных и фактических величин осадков за последние 50—80 лет показало очень близкое сходство между ними. По уменьшению толщины микрозон в илах Сакского озера В. Б. Шостакович установил, что одно из резких изменений режима Сакского озера и, следовательно, иссушение климата происходило во II—I вв. до н. э. В настоящее время в ряде озер степного Крыма²⁷ на глубине 2—2,5 м от поверхности ила лежит пласт поваренной соли мощностью до 4 м. Он мог образоваться лишь в очень засушливый период, так как в современных условиях вся выпадающая соль вскоре снова растворяется. Подсчет числа микрозон в илах над поваренной солью и в самом соляном пласте показал, что он образовался примерно 2000—2200 лет до н. э. Таким образом, на рубеже н. э. в Крыму был исключительно сухой и жаркий климат, продолжавшийся около 200 лет.

Активная роль в истреблении лесов бесспорно принадлежит и человеку (пожары, вырубка, выпас скота и т. д.). Так, по данным Е. В. Вульфа²⁸, ййла была обезлесена рукой человека и в результате выпаса стад. Роль человека в уничтожении древесной растительности особенно подробно освещена В. Н. Талиевым²⁹ и А. И. Бучинским³⁰.

Полученные по палинологическим данным географические выводы представляют определенный исторический интерес. Особенности развития географической среды на рубеже н. э. не могли не влиять на земледелие, плодоводство, садоводство и торговлю сельскохозяйственными продуктами.

Климатические изменения, в отличие от антропогенных воздействий, должны были проявиться одновременно и равноценно на больших территориях. Некоторые данные об изменениях климата в античную эпоху (архаический период) и более поздние этапы имеются, например, для Средиземноморья³¹. Поэтому изучение античных памятников Северного Причерноморья и палинологическое исследование озерных отложений Крыма позволит в дальнейшем решить проблемы, выявленные на материалах городища Чайка.

²⁷ А. И. Дзенс-Литовский. Геологический возраст донных солевых отложений минеральных озер. «Природа», 1936, № 12, стр. 54.

²⁸ Е. В. Вульф. Растительность восточных ййла Крыма, их мелнорапия и хозяйственное значение. М., 1925, стр. 155.

²⁹ В. Н. Талиев. Указ. соч., стр. 332.

³⁰ А. И. Бучинский. Указ. соч., стр. 27.

³¹ H. H. Lamb. Climatic changes during the course of Early Greek History. «Antiquity», vol. XLII, № 167, 1968, p. 231, 232.

К. К. ШИЛИК

РЕКОНСТРУКЦИЯ ТОПОГРАФИИ АНТИЧНОЙ ОЛЬВИИ

С 1964 г. Лабораторией археологической технологии ЛОИА совместно с группой античной археологии разрабатывается тема «Методика реконструкции топографии античных поселений Северного Причерноморья». Первым объектом исследования была Ольвия, где в октябре того же года была проведена геоакустическая съемка акватория и геоморфологическое обследование берега¹. В 1966 и 1968 гг. автором исследовались геологическое строение Нижнего города Ольвии и его гидрогеология.

Динамика рельефа Ольвии теснейшим образом связана с развитием всего Черноморского бассейна в позднечетвертичное время, поэтому остановимся кратко на истории развития бассейна.

В течение всего последнего (виюрмского) оледенения уровень Черноморского бассейна был ниже современного, по данным разных авторов, на 26 ÷ 40 м. Эта фаза развития бассейна названа новозвксинской. В позднеледниковое время с освобождением огромных масс воды, ранее сконденсированной в ледниках, начинается эвстатическое повышение уровня мирового океана, а вместе с ним и уровня Черноморского бассейна — черноморская трансгрессия. Приблизительно в III тысячелетии до н. э. трансгрессия достигла максимума: уровень Черноморского бассейна превысил современный, по различным данным, на 2 ÷ 4 м. Этот этап П. В. Федоровым назван новочерноморской трансгрессией². К этому этапу относится образование террасы, повсеместно наблюдаемой в наше время на Черноморском побережье, названной П. В. Федоровым новочерноморской (рис. 44). Высота тылового шва (подножья берегового обрыва) этой террасы над современным уровнем моря в районе Одесса — Очаков достигает 3 м. По окончании черноморской трансгрессии началась фаза отступления моря — фаногорийская регрессия, закончившаяся (по П. В. Федорову) в середине I тысячелетия до н. э. Уровень моря на этом этапе развития разные исследователи также определяют по-разному: от 4 до 10 м ниже современного. Затем последовала новая трансгрессия, продолжающаяся до наших дней. В ходе ее Е. Н. и Л. А. Невесские³ выделили период ускорения (жеметинского), падающий на конец I — начало II тысячелетия н. э. По данным же П. В. Фе-

¹ К. К. Шилик, Б. Г. Федоров. Геоакустическое исследование подводной Ольвии. СА, 1968, № 4, стр. 126—137.

² П. В. Федоров. Четвертичные террасы Каспийского и Черного морей и их возможная корреляция с террасами Средиземного моря. «Тр. Ин-та геологии АН ЭстССР», т. 8, 1961, стр. 39.

³ Е. Н. Невесский, Л. А. Невеская. К вопросу о строении и истории формирования толщ морских отложений в голоцене. «Тр. Ин-та геологии АН ЭстССР», т. 8, 1961, стр. 11.

Рис. 44. Кривая хода новочерноморской и нимфейской трансгрессий на Черном море (по П. В. Федорову)

дорова, уровень моря в этот период даже превысил современный на 1 м (нимфейская трансгрессия).

Высота новочерноморской террасы, возраст которой приблизительно 4000 ÷ 5000 лет, почти одинакова для всех берегов Черного моря и зависит в основном от параметров штормового волнения для данного района. Из этого следует, что за указанный промежуток времени влияние тектонических движений земной коры на величину относительного погружения берегов значительно меньше влияния эвстатического фактора.

Кроме изменения уровня моря, на топографию прибрежных участков влияют и факторы, являющиеся следствием трансгрессии — абразия берегов и аккумуляция наносов. Причем влияние абразии может иметь иногда большее значение, чем собственно изменение уровня. Особенно это относится к берегам, сложенным рыхлыми породами.

Как показало геологическое обследование Ольвии, весь Нижний город был построен на новочерноморской террасе⁴. Об этом свидетельствует повсеместное наличие под культурным слоем Нижнего города переложившего кварцевого песка с остатками фауны моллюсков, характеризующих новочерноморскую террасу, а также высота тылового шва террасы — около 2,5 м. Верхняя часть террасы с тыловым швом сейчас скрыта мощным (до 7 ÷ 8 м) культурным слоем.

Ко времени основания Ольвии море отступило и новочерноморская терраса была осушена. Уровень моря времени появления первых милетских переселенцев определить пока не удастся. Уровень же, относящийся к концу III—I в. до н. э., можно приблизительно определить способом, которым обычно пользуются археологи: по границе затопленной, но сохранившейся части городища. По данным геоакустического обследования, достоверная восточная граница городища, определенная по остаткам затопленной послелегетской оборонительной стены, не выходит за пределы глубины в 2,5 м. Нужно учесть, что постройки возводились не на уровне современного дна, а на поверхности осушенной в то время новочерноморской террасы, которая в этом месте погребена современными отложениями на глубине около 4,5 м от современного уровня лимана. При закладке фундаментов необходимо было некоторое превышение над уровнем лимана, обеспечивающее безопасность от заливания водой во время нагонных явлений и связанного с ними штормового волнения. В наше время нагоны здесь достигают +0,5 м, а высота волн 1 м и более⁶.

⁴ Подробно материал об обнаружении и определении новочерноморской террасы в Ольвии изложен в статье: Б. Г. Федоров и К. К. Шилин. Погребенная новочерноморская терраса на берегу Бугского лимана. «Изд. АН СССР», сер. геогр., 1968, 3, стр. 90—94.

⁵ М. Н. Костяницын. Гидрология устьевой области Днепра и Ю. Буга. М., 1964, стр. 123 и 185.

Можно считать, что уровень моря во II—I вв. до н. э., вычисленный по сохранившейся границе застройки, был на 6 м ниже современного. Следует подчеркнуть, что разность уровней, определенная этим способом, почти всегда будет меньше действительной.

Более точно уровень моря в античную эпоху (в I в. н. э.) можно определить по уровню илов и скорости их накопления. Для этого нужно знать соотношение уровней илов и моря в античное время. Указание на это соотношение можно извлечь из «Борисфенитской речи» Диона Христомата⁶, который утверждает, что берега лимана были болотисты, а сам он мелководен. Исходя из этого указания и учитывая, что современный лиман не имеет болотистых берегов (все берега сложены песком и ракушей), можно утверждать, что в процессе фанагорийской регрессии уровень моря упал ниже уровня прибрежных илов, накопившихся в период более высокого стояния уровня моря. Дион был в Ольвии в I в. н. э., когда, видимо, уже началась новая трансгрессия, не превысившая еще уровня осушенных илов. Косвенное указание на начавшуюся трансгрессию имеется у самого Диона Христомата. Он говорит, что «в самом лимане видно много деревьев, издали похожих на мачты; так что неопытные корабельщики ошибаются, правя к ним, как бы к кораблям». Поскольку корабли плавали только летом (зимой лиман замерзал), то это могли быть только засохшие деревья. Гибель большого числа деревьев, стоящих в лимане, можно объяснить подъемом уровня лимана. Слой илов, налегающих сейчас на илы, осушенные при Дионе, накапливался в течение около 1900 лет. Средняя скорость илообразования в лиманах и озерах Причерноморья составляет 1 ÷ 2 мм в год⁷. За 1900 лет суммарное накопление ила составит 1,9 ÷ 3,8 м. Средняя глубина границы илов на Бугском лимане, по данным геолокации, составляет 5,2 м. Следовательно, в I в. н. э. уровень моря в районе Ольвии был на 7 ÷ 9 м ниже современного.

Очень близкое значение уровня фанагорийской регрессии приведено в работе А. Б. Островского⁸. На громадном материале (по данным 3600 буровых скважин) А. Б. Островский определяет этот уровень для Черноморского побережья Кавказа в — (8 ÷ 10) м. Такое совпадение уровня моря в период регрессии, для отдаленных районов побережья, один из которых поднимается, а другой тектонически стабилен⁹, еще раз подчеркивает значительное преобладание эвстатического фактора над тектоническим в процессе формирования побережий в позднем голоцене.

Топографию Ольвии античного времени определяют два основных фактора, о которых шла речь выше: положение новочерноморского клифа (берегового обрыва времени максимума новочерноморской трансгрессии), замыкавшего с запада осушенную террасу, и положение береговой линии (уреза) античного времени, замыкавшей террасу с востока.

Положение уреза полностью определяется уровнем моря в античное время. Поскольку этот уровень вычислен и топография затопленной части городища известна, то и положение уреза на плане определить

⁶ В. В. Латышев. SC, т. I. СПб., 1893, стр. 171, 172.

⁷ Ю. В. Первольф. Илы и условия их образования в соляных озерах Крыма. «Тр. Лаборатории озероведения АН СССР», т. 2, 1953, стр. 181, 202, 218.

⁸ А. Б. Островский. Стратиграфия, неотектоника и геологическая история плейстоцена Черноморского побережья Кавказа. Автореферат канд. дисс. Ростов-на-Дону, 1968.

⁹ Вблизи Ольвии в широтном направлении проходит нулевая линия скоростей современных вертикальных движений земной коры (см.: Ю. А. Мещеряков. Изучение современных вертикальных движений земной коры «Вестник АН СССР», 1964, 11, стр. 54; В. А. Матцкова. Уточненная карта скоростей современных вертикальных движений земной коры на западе Европейской части СССР и некоторые соображения о периоде этих движений. «Современные движения земной коры», т. I. М., 1963, стр. 77, карта.

несложно. Необходимо подчеркнуть, что положение уреза на плане в очень малой степени зависит от величины вычисленной разности уровней моря в античное и наше время, поскольку с трехметровой глубины начинается крутой склон глубоководной части лимана. В зависимости от того, на 4 или $7 \div 9$ м ниже был уровень моря, линия уреза переместится на плане не более чем на $30 \div 40$ м.

Вопрос о расположении береговой линии времени основания города уже поднимался в археологической литературе. А. Н. Карасев пришел к выводу, «что в древности правый берег Бугского лимана по сравнению с современным проходил на 500 м дальше на восток...»¹⁰. Эта цифра получена косвенным путем на основании предположения, что две из радиальных ольвийских дорог должны пересекаться с границей некрополя на самом берегу лимана (одна — в районе Парутинской балки, другая — в районе Широкой балки). Строго говоря, цифра относится только к указанным точкам берега, но, поскольку эта цифра в какой-то степени предположительна, А. Н. Карасев интерполирует ее на весь участок берега между этими точками. В. Д. Блаватский критически относится к цифре, полученной А. Н. Карасевым, и, основываясь на результатах подводной разведки, говорит, что «береговая линия в античное время должна бы проходить примерно в $250 \div 300$ м к востоку от нынешнего берега средней и южной части городища»¹¹.

Батиметрическая карта ольвийской акватории, полученная в результате геоакустических работ, и вычисленный выше уровень моря в античную эпоху ($-7 \div 9$ м) позволяют с большой точностью провести береговую линию того времени. Линия уреза проходила несколько восточнее современной границы илов (рис. 45). В районе центральной части городища уровень ила поднимается на 1,5 м по сравнению с другими участками берега, так как здесь существует своеобразный подводный залив, в котором ветровое течение чувствуется меньше, поэтому ил, заносимый туда во время штормов, застаивается. Точное положение уреза для полученной разности уровней можно определить, воспользовавшись эхограммами. На широтных эхограммах хорошо зафиксирована наклонно уходящая под илы поверхность новочерноморской террасы. Нетрудно определить, на каком расстоянии от берега находятся точки террасы, имеющие глубину $7 \div 9$ м от современного уровня моря. Поверхность террасы в районе древнего берега всюду довольно круто уходит вниз, поэтому неточности в определении положения древнего берега на горизонтальной проекции (на плане) будут невелики. Получены следующие цифры. У Северной балки древний берег отстоял от современного на 500 м, что точно совпадает с цифрой А. Н. Карасева, против центра городища — на $300 \div 320$ м, что очень близко к цифре В. Д. Блаватского, у южного мыса и Заячьей балки — на 400 м.

Таким образом, использование метода геолокации позволило реконструировать линию уреза античной Ольвии. Полученные результаты показывают, что никакого противоречия между реконструкциями, приведенными в работах А. Н. Карасева и В. Д. Блаватского, нет. В работе А. Н. Карасева реконструировано среднее расстояние, и оно совпало с действительным средним расстоянием. В работе В. Д. Блаватского даны конкретные цифры для средней части городища, где некогда существовал неглубокий залив, и эти цифры также подтвердились.

Рассмотрим вопрос о новочерноморском клифе. Падение уровня моря в районе Ольвии от максимума новочерноморской трансгрессии до мак-

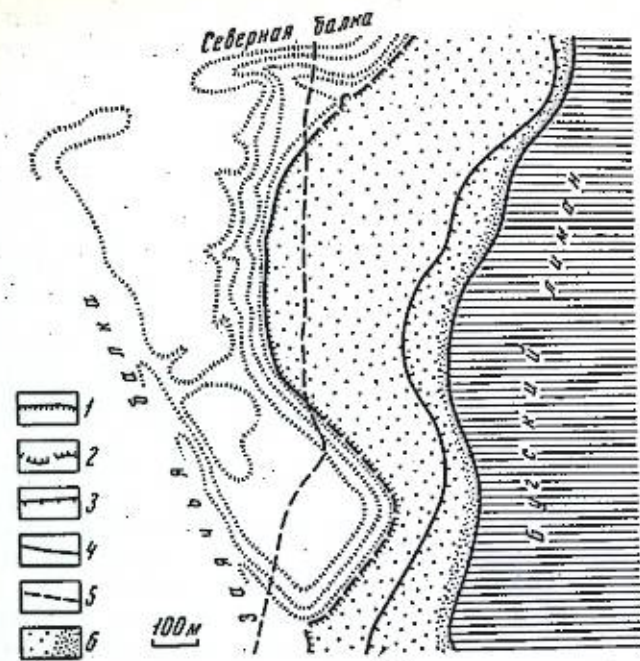

Рис. 45. Реконструкция береговой линии Ольвии античного времени и новочерноморского берегового обрыва

1 — сохранившийся новочерноморский клиф; 2 — он же (реконструкция); 3 — бровка террасы, обнажившейся в результате фанагорийской регрессии; 4 — береговая линия античного времени; 5 — современная береговая линия; 6 — поверхность обнажившейся новочерноморской террасы

симума фанагорийской регрессии составило около $9 \div 11$ м. Все оставленное водой пространство занимала терраса. Берегового обрыва у уреза в то время, разумеется, не могло быть. Над широкой террасой-пляжем возвышался клиф, образовавшийся в конце новочерноморской трансгрессии. К VI в. до н. э. он отмер, то есть стал пологим и задерновался, как склоны современного амфитеатра. Возможно, он порос кустарником, а внизу даже деревьями, так как там имелись обильные источники. Задерноваться могла и верхняя часть террасы. Возможность оползней на отмершем клифе была совершенно исключена.

Абразия, сопровождающая современную трансгрессию, сильно изменила очертания берега. Она почти везде размывала новочерноморский клиф. Поэтому положение его не везде удастся восстановить с одинаковой достоверностью.

В Нижнем городе этот клиф сохранился под культурными наслоениями, мощность которых около $7 \div 8$ м. Подножье клифа (или тыловой шов террасы) расположено на высоте около 2,5 м от современного уровня моря. В местах выхода рассматриваемого древнего клифа в обрыве современного клифа высота последнего достигает 10 м. Если провести на современном плане Ольвии горизонталь 10 м, то мы получим довольно точное положение новочерноморского клифа в Нижнем городе¹².

Хотя вне Нижнего города древний клиф и уничтожен абразией, однако положение его для южной части городища все же может быть восстановлено. Дело в том, что гряды камней, отмеченные геолокатором на дне против Южного мыса, представляют собой остатки древних

¹⁰ А. Н. Карасев. Планы Ольвии XIX в. как источники для исторической топографии города. МИА, № 50, 1956, стр. 34.

¹¹ В. Д. Блаватский. Подводные разведки в Ольвии. СА, 1962, № 3, стр. 228.

¹² Дипольное электропрофилирование, проведенное сотрудником ИА АН УССР В. П. Дудкиным по просьбе автора в июле 1968 г., подтвердило правильность этой реконструкции.

оползней. Можно сказать, что эти оползни происходили в период современной трансгрессии: если бы они происходили в период новочерноморской трансгрессии, то остатки их были бы захоронены отложениями современной аккумулятивной террасы, а не лежали на ее поверхности. Учитывая это, положение новочерноморского клифа у Южного мыса можно провести на плане городища по восточной гряде камней. Следовательно, за время современной трансгрессии абразия уничтожила у Южного мыса полосу коренного берега шириной до 200—250 м. Эта величина дает возможность реконструировать топографию всей южной части городища, продлив в сторону лимана участок плато между Нижним городом и Зячьей балкой.

В других местах лимана полоса уничтоженного абразией берега, вероятно, еще шире, так как на Южном мысу абразия замедляется глыбами известняка и песчаника. Наиболее трудный для реконструкции топографии участок городища — его северо-восточная часть. Как показала шурфовка на пляже, в северной точке контакта коренных пород с культурным слоем тыловой шов новочерноморской террасы имеет азимут около 30°. Севернее этой точки положение клифа можно изобразить только предположительно (задача осложняется также наличием Северной балки). Онажившаяся терраса при высоте 9—11 м от уреза до тылового шва не могла быть узкой, поскольку она выработана морем в легко размываемых мезотических глинах, а это значит, что крутизна ее была невелика. Если учесть, что у Южного мыса размыв составил 200—250 м, то 300 м вряд ли будут слишком завышенной величиной для размывтого участка берега к северу от городища.

Оценивая точность полученной реконструкции, можно сказать, что она вполне достаточная для дальнейшей работы по реконструкции площади города и положения разрушенных лиманом оборонительных сооружений.

Проведенная работа еще раз показала необходимость построения достаточно строгой кривой изменения уровня Черного моря в голоцене — кривой, которая позволила бы после проведения наземной и подводной геоморфологической съемки уверенно датировать все морфологические уровни и реконструировать рельеф территории исследуемого памятника в любую эпоху.

Е. А. ЦЕПКИН

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ РЫБНОГО ПРОМЫСЛА
В ТАНАИСЕ

Изучению промысловой ихтиофауны и рыболовства античных городов Северного Причерноморья было посвящено несколько работ различных исследователей¹. Они основаны на материалах из раскопок Херсонеса, Тиритаки, Мирмекия, Ольвии, Пантикапея и некоторых других городов и поселений Боспорского царства.

В настоящей статье вкратце приведены основные результаты исследования остеологического материала из раскопок Танаиса в 1962—1966 гг.² Коллекция содержала 715 экземпляров костных остатков. Хорошая их сохранность позволила определить с точностью до вида 676 экз., или 94,6%.

Костные остатки принадлежали 11 видам рыб, относящихся к пяти семействам:

I. Семейство осетровых — *Acipenseridae*: 1) белуга — *Huso huso* (L.). Костные остатки этого вида в Танаисе найдены впервые. Белуге принадлежат 24 кости (*marginale*, *praemaxillo-maxillare*, *dentale*, *entopterygoideum*, *cleithrum*, *clavicula* и покровные кости черепа). Размеры рыб, восстановленные по этим остаткам, колеблются от 70 до 250 см³; 2) стерлядь — *Acipenser ruthenus* L. Этот вид представлен 103 экз. костей (*operculum*, *parasphenoideum*, *marginale*, *clavicula*, *cleithrum*, жучки, обломки покровных костей черепа). Размеры стерляди колеблются от 55 до 107 см, основная масса рыб имела длину 70—85 см; 3) осетр — *Acipenser güldenstädti* Br. В коллекции обнаружено 29 экз. костей (*operculum*, *marginale*, *clavicula*; жучки), принадлежавших осетрам длиной от 90 до 180 см; 4) севрюга — *Acipenser stellatus* Pallas. Представлена 55 фрагментами *operculum*, *clavicula*, *cleithrum*, *marginale*, жучек и покровных костей черепа, которые принадлежат особям длиной от 120 до 150 см.

II. Семейство щуковых — *Esocidae*. Впервые в Танаисе найдены три кости щуки — *Esox lucius* L. (*ceratohyale*, *hyomandibulare* и позвонок). Длина рыб, восстановленная по двум из них, равняется 97 и 105 см.

¹ М. И. Тихий. Аноус Херсонеса Таврического. «Вестник рыбопромысла», № 1-3, 1917, стр. 1—40; В. Ю. Мартин. Новые данные о рыбном промысле в Боспоре Киммерийском по раскопкам Тиритаки и Мирмекия. СА, VII, 1941, стр. 94—106; он же. Рыбозасолочные ванны. Тиритаки. МИА, № 4, 1941, стр. 93—95; В. Д. Лебедев. Пресноводная четвертичная ихтиофауна Европейской части СССР. М., 1960, стр. 261—283; А. Д. Житенева. Промысловые рыбы и рыболовство в древней Ольвии. «Зоологический журн.», т. XLVI, вып. 1, 1967, стр. 98—103.

² Е. А. Цепкин. Рыбы городища Танаис. «Вопросы ихтиологии», т. I, вып. 3 (20), 1961, стр. 448—452.

³ Для осетровых рыб и сома вычислялась абсолютная длина тела (L), для всех остальных видов — длина тела от конца рыла до основания средних лучей хвостового плавника (l).

III. Семейство карповых — Cyprinidae. Представлено костными остатками четырех видов: 1) тарань — *Rutilus rutilus heckeli* (Nordm). Найдена в Танаисе впервые. Ей принадлежит шесть костей (pharyngiale). Размеры рыб были следующими: 30, 32, 36, 39, 5, 40 и 40 см; 2) жерех — *Aspius aspius* (L.). Впервые в Танаисе обнаружено четыре фрагмента костей (dentale, hyomandibulare, pharyngiale). Размеры равнялись: 50, 55, 60 и 61 см; 3) лещ — *Ablamis brama* (L.). Фрагменты пяти костей (operculum и praeoperculum). Размеры рыб удалось восстановить по четырем из них: 38, 47, 48 и 50 см; 4) сазан — *Cyprinus carpio* L. Этому виду принадлежат 65 костей, представленных фрагментами operculum, praeoperculum, interoperculum, maxillare, hyomandibulare, parasphenoideum, pharyngiale, cleithrum, basioccipitale и колючих лучей плавников. Размеры рыб, восстановленные по этим остаткам, колеблются от 36 до 85 см; преобладают особи длиной 50—70 см.

IV. Семейство сомовых — Siluridae. Сом — *Silurus glanis* L. Этому виду принадлежат 332 кости (сложные и туловищные позвонки, basioccipitale, cleithrum, articulare, dentale, supracleithrum, ceratohyale, urostil, quadratum). Размеры рыб колеблются от 95 до 250 см; преобладают сомы длиной 150—190 см.

V. Семейство окуневых — Percidae. Судак — *Lucioperca lucioperca* (L.) Судак принадлежит 50 костей (dentale, articulare, maxillare, quadratum, parasphenoideum, praeoperculum, ceratohyale, frontale, позвонки). Размеры рыб колеблются от 48 до 105 см; большинство имело длину 55—70 см.

VI. Разные рыбы — Pisces species. К этой группе отнесены 15 обломков мягких лучей плавников и ребер, которые из-за отсутствия характерных признаков не могли быть определены более точно. Всего вероятнее, эти остатки принадлежали тем же самым видам рыб, другие части скелета которых удалось определить с максимальной точностью.

Таким образом, судя по остаткам костей из раскопок 1962—1966 гг., промысловая фауна рыб Танаиса состояла из 11 видов, а учитывая материал из раскопок 1959 г. — из 12 видов (см. табл.), встречающихся в низовьях Дона и прилегающих участках Азовского моря в настоящее время.

Таблица

Видовой состав рыб и количество костных остатков из раскопок Танаиса

Виды рыб	Раскопки 1959 г.		Раскопки 1962—1966 гг.		Виды рыб	Раскопки 1959 г.		Раскопки 1962—1966 гг.	
	абс.	%	абс.	%		абс.	%	абс.	%
Белуга	—	—	24	3,4	Тарань	—	—	6	0,8
Стерлядь	17	3,9	103	14,8	Вырезуб	3	0,7	—	—
Осетр	48	10,0	29	4,2	Жерех	—	—	4	0,5
Севрюга	26	6,0	55	7,9	Лещ	10	2,3	5	0,7
Acipenseridae	—	—	24	3,4	Сазан	31	7,2	65	9,3
gen. sp.	—	—	—	—	Сом	277	64,1	332	47,5
Щука	—	—	3	0,4	Судак	25	5,8	50	7,1
					Всего	434	100,0	700	100,0

Приведенные в таблице данные характеризуют значение каждого из этих видов в промысле танаитов. Основу рыбного промысла в Танаисе составляли осетровые (белуга, стерлядь, осетр, севрюга), сом и карповые. Среди последних наибольшее значение имел сазан.

Существенную роль в условиях того времени играл судак. Щука же, по-видимому, являлась случайным объектом промысла. Во всяком случае малое количество костных остатков этого вида указывает на то, что специального промысла щуки у танаитов не было.

Видимо, небольшую роль в уловах играли также вырезуб, жерех и тарань.

Следует отметить, что в Танаисе добывались рыбы исключительно крупных размеров. Средние размеры рыб в промысле танаитов значительно превосходили средние размеры тех же видов рыб из современных уловов в Азовском море и низовьях Дона. В особенности это относится к таким видам, как стерлядь, сазан, сом, судак. Отсутствие в уловах танаитов мелких рыб безусловно свидетельствует о специализации рыболовства как одной из важнейших отраслей экономики древнего Танаиса.

Промысел рыбы в Танаисе, видимо, происходил в течение круглого года, однако в основном — в весенне-летнее и осеннее время. По расположению годовых колец на позвонках некоторых рыб удалось определить время года, когда была поймана рыба. Так, например, сома добывали летом, судака — в конце весны и начале лета.

Добычу крупной рыбы в таком большом количестве могли обеспечить лишь различные сетяные орудия (сети, невода). Найденные при раскопках городища многочисленные каменные и глиняные грузила⁴ свидетельствуют о том, что сети и невода были основными орудиями, с помощью которых танаиты промыслили рыбу.

Большое количество костных остатков рыб, найденных при раскопках Танаиса, свидетельствует о хорошо развитом специализированном рыбном промысле, продукты которого, несомненно, являлись важным предметом экспорта танаитов.

Поскольку раскопками в Танаисе пока еще не обнаружены производственные сооружения, предназначенные для засолки рыбы, можно предполагать, что заготовка рыбы впрок осуществлялась посредством вяления и сушки.

⁴ Д. Б. Шелов. Раскопки северо-восточного участка Танаиса 1955—1957 гг. «Древности Нижнего Дона», М., 1965, рис. 16, стр. 75; М. А. Наливкина. Раскопки юго-восточного участка Танаиса 1960—1961 гг. «Древности Нижнего Дона», рис. 29, стр. 157.

III. ХРОНИКА

РАБОТА СЕКТОРА АНТИЧНОЙ АРХЕОЛОГИИ
В 1966—1968 ГГ.

Работа сектора, как и в предыдущие годы, была сосредоточена на разработке проблем, связанных с античной археологией Северного Причерноморья, взаимоотношениям античных городов Причерноморья с местными племенами и со Средиземноморьем.

За истекший период вышли следующие монографии и своды:

Н. А. Онайко. Античный импорт в Приднепровье и Побужье VII—V вв. до н. э. САИ. М., 1966.

«Керамическое производство и античные керамические строительные материалы». САИ. М., 1966.

И. Т. Кругликова. Боспор в позднеантичное время. М., 1966.

В. Д. Блаватский. Античная полевая археология. М., 1967.

Г. А. Кошеленко. Культура Парфин М., 1966.

В. Д. Блаватский, Г. А. Кошеленко. La culte de Mithra sur la côte septentrional de la Mer Noire. Leiden.

За этот же период были завершены многолетние темы и подготовлены к печати следующие работы.

Д. Б. Шелов в 1968 г. закончил работу над темой «Танаис и Нижний Дон» и защитил докторскую диссертацию. Первая часть работы сдана в печать.

Б. Г. Петерс в 1968 г. закончил работу над темой «Морское дело в древней Греции» и защитил ее в качестве кандидатской диссертации.

Н. А. Онайко закончила и сдала в печать свод археологических источников — «Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV—II вв. до н. э.» Работа является продолжением уже вышедшего из печати свода археологических источников, посвященного характеристике античного импорта в Скифию в VII—V вв. до н. э.

Н. И. Сокольский закончил работу над темой «Деревообработка в античных государствах Северного Причерноморья». По теме автором были подготовлены и сданы в печать свод археологических источников — «Деревянные саркофаги из античных государств Северного Причерноморья» и монография «Античное деревообрабатывающее ремесло в Северном Причерноморье».

М. М. Кобылина подготовила и частично сдала в печать четыре выпуска сводов археологических источников: «Терракотовые статуэтки Северного Причерноморья» («Терракоты Северо-Западного Причерноморья», 1 вып.; «Терракоты Херсонеса и Западной части Боспорского государства», 2 вып.; «Терракоты Пантикапея», 3 вып.; «Терракоты Таманского полуострова», 4 вып.). Это коллективная работа, М. М. Кобылина является главным редактором всех выпусков и принимала авторское

участие в их составлении. В числе авторов сводов — сотрудники сектора. Б. Г. Петерс подготовил публикацию терракот Михайловского городища, И. Т. Кругликова — терракот сельских поселений европейского Боспора и терракот Горгиппии.

Сотрудниками сектора — И. Т. Кругликовой, Т. М. Арсеньевой и Е. М. Алексеевой — подготовлен и сдан в издательство сборник «Поселения и могильники Керченского полуострова и. э.» (МИА, № 155). В этом сборнике отражены исследования поселения у дер. Семеновка, могильника у дер. Ново-Отрадное и дана классификация бус из погребений.

Сотрудниками сектора Д. Б. Шеловым, А. И. Болтуновой, Т. М. Арсеньевой с участием А. К. Амброза, И. С. Каменецкого, Д. В. Деопика и В. И. Цалкина была подготовлен и сдан в печать сборник «Античные древности Подонья—Приазовья» (МИА, № 154). Это второй том трудов Нижнедонской экспедиции.

Для коллективного труда «Археология СССР» были написаны главы «Античная археология Северного Причерноморья» (И. Б. Зеест), «Искусство Северного Причерноморья» (М. М. Кобылиной) и «Археология стран Закавказья античной эпохи» (А. И. Болтуновой). Работы эти обсуждались на секторе.

Кроме указанных монографических работ и сборников, сотрудниками сектора опубликовано и сдано в печать больше 100 статей, касающихся разных сторон истории и археологии Северного Причерноморья и Средиземноморья.

Продолжалась работа над уже начатыми темами: В. Д. Блаватский работал над многолетней темой «Скульптурное дело в античном обществе»; А. И. Болтунова занималась темой «Проблемы истории стран Закавказья в античную эпоху»; И. Т. Кругликова продолжала работать над проблемой «Сельские поселения европейского Боспора»; Г. А. Цветаева исследовала вопрос «Экономические и культурные связи Римской империи с античными государствами Северного Причерноморья»; Т. М. Арсеньева работала над изучением лепной керамики Танаиса; Е. М. Алексеева готовила свод археологических источников «Античные бусы Северного Причерноморья VI в. до н. э.—IV в. н. э.».

Помимо перечисленных выше проблем, В. Д. Блаватский занимался исследованием вопроса о происхождении античного мировоззрения и об основных этапах его формирования. На Ученом совете Института им прочитан доклад на тему «Истоки эллинистического мифологического мировоззрения», а на заседании сектора — «Эллинистическое мифологическое мировоззрение периода полисов».

А. И. Болтунова на заседании Ученого совета ЛОИА, посвященного столетию со дня рождения С. А. Жебелева, прочла доклад на тему «Были ли Танаис разрушен Полемоном?»

Коллектив сектора работает надписанием научно-популярной книги «Античная цивилизация». На заседаниях сектора был обсужден ряд подготовленных глав этой книги: «Введение» к I и II части книги (В. Д. Блаватский), «Ремесло Греции» (И. Б. Зеест), «Сельское хозяйство Греции» (И. Т. Кругликов), «Дом и частный быт Греции» (Г. А. Цветаева), «Искусство древнего Рима» (М. М. Кобылина).

Тематика докладов, заслушанных на секторе, отличалась большим разнообразием. Много времени в работе сектора было уделено обсуждению разрабатываемых сотрудниками тем и законченных монографий. Д. Б. Шелов по исследуемой им теме прочел пять докладов: «Остров Алопекия», «Боспор и Танаис в III—I вв. до н. э.», «Полемон и Танаис», «О фиасах Танаиса», «Танаис и Нижний Дон». Б. Г. Петерс сделал два доклада: «Морское дело древней Греции в эгейское время» и «Морское дело древней Греции». И. Т. Кругликова сделала доклад о статуэтках

Горгиппи, Е. М. Алексеева — о классификации бус Боспора, М. М. Кобылина — о Фанагорийской Сирене.

По различным вопросам истории и археологии Северного Причерноморья сотрудники сектора прочли следующие доклады:

В. Д. Блаватский — «О боспорских всадниках», «О росписи Стасонского склепа», «Основание Аполлонии Иллирийской», «Воздействие античного искусства на византийское и мусульманское искусство».

А. И. Болтунова — «Надгробия из пантикапейского некрополя, найденные в 1961 г.» и «Боспорский фиск».

И. Б. Зеест — «Задачи исследования керамического материала».

Н. И. Сокольский — «Виноделие азиатского Боспора».

Г. А. Цветаева — «Протомы Деметры и Керы из Горгиппии».

К. А. Качурис — «Война Элевсина против Афин».

На заседаниях сектора выступали и сотрудники других учреждений:

Б. Н. Граков — «Об одной забываемой статье экспорта из Северного Причерноморья в античное время».

Ю. М. Десятчиков — «Об одном опубликованном надгробии Боспора (стела Афения, сына Мены)».

Н. С. Белова — «К надписи IOSPE, II, 8».

П. Н. Шульц — «Статуэтки Диоскуров из Неаполя Скифского».

Д. С. Раевский — «О локализации двух древних городов в Северо-Западном Крыму».

М. Ван-ден Брюэн — «Поиски происхождения ионийского влияния на Грецию».

П. Бернар — «О раскопках городища Ай-Ханум в Афганистане в 1966 г.».

А. Н. Карасев — «Опыт реконструкции здания династии на Ольвийской агоре».

Г. А. Лордкипанидзе — «Колхида II—I вв. до н. э.»

Н. А. Фролова — «Из истории монетного дела Боспора II в. н. э.» и «Монетное дело и денежное обращение на Боспоре».

Кроме того, на секторе заслушивались доклады о полевых исследованиях сотрудников.

Сотрудники сектора принимали участие в ежегодных сессиях Отделения истории и пленумах ИА АН СССР¹.

Деятельность сектора в развитии и укреплении международных научных связей выразилась в различных формах сотрудничества.

На конгрессе Eigene в г. Герлице (ГДР) в 1967 г. прочли доклады А. И. Болтунова («Строительные надписи Танаиса») и Д. Б. Шелов («Новые археологические исследования на Нижнем Дону»).

На конгрессе Eigene в г. Варшаве в 1968 г. Д. Б. Шелов выступил с докладом «Некоторые проблемы археологического изучения Причерноморья».

И. Т. Кругликова в 1968 г. принимала участие в раскопках греко-бактрийского города у дер. Ай-Ханум в составе экспедиции французской археологической миссии в Афганистане.

Сотрудниками сектора подготовлены и сданы в печать ряд статей для зарубежных изданий.

За истекший период вышли из печати следующие научно-популярные книги, написанные сотрудниками сектора:

Д. Б. Шелов. Танаис — потерянный и найденный город. М., 1967.

Г. А. Цветаева. Сокровища Причерноморских курганов. М., 1968.

И. Т. Кругликовой написаны разделы о земледелии Греции, Рима,

¹ См.: П. М. Кожин. Сессия отделения истории и пленум ИА АН СССР. СА, 1967, № 2, стр. 289 сл.; Р. А. Розенфельдт. Сессия археологов в Кишиневе в 1967 г. СА, 1968, № 1; П. М. Кожин, Р. А. Розенфельдт. Сессия отделения и пленум ИА АН СССР. СА, 1969, № 4.

о земледелии местных племен и городов Северного Причерноморья в книге «Возникновение и развитие земледелия» (М., 1967).

Книга В. Д. Блаватского и Г. А. Кошеленко «Открытие затонувшего мира» (М.), переведена на венгерский и эстонский языки.

Сотрудниками сектора проводились большие полевые исследования. В 1966—1968 гг. работали следующие экспедиции: Анапско-Керченская (И. Т. Кругликова); Таманская (Н. И. Сокольский); Нижнедонская (Д. Б. Шелов, А. И. Болтунова, Т. М. Арсеньева, Е. М. Алексеева); Фанагорийская (М. М. Кобылина); Гермонасская (И. Б. Зеест); Новороссийский отряд (Н. А. Онайко); Михайловский отряд (Б. Г. Петерс); Порфмийский отряд (А. И. Болтунова)².

Т. М. Арсеньева.

² См.: сборники «Археологические открытия 1966 г.», М., 1967; «Археологические открытия 1967 г.», М., 1968; «Археологические открытия 1968 г.», М., 1969.

ГРУППА АНТИЧНОЙ АРХЕОЛОГИИ ЛОИА АН СССР В 1966—1968 ГГ.

В 1966—1968 гг. группа продолжала работать над вопросами, связанными с историей культуры Причерноморья и Средиземноморья античной эпохи, а также проблемой средневековых поселений Таврики.

Наиболее крупными опубликованными работами, подготовленными группой, являются два сборника: «Надписи Ольвии» (1968 г.) и «Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья (к 100-летию со дня рождения академика С. А. Жабелева, 1968 г.)». В различных изданиях опубликован ряд статей сотрудников группы.

Сотрудниками группы проведены следующие работы. И. Б. Брашинский закончил монографию «Экономические связи античных городов Причерноморья». В ней освещаются взаимосвязи отдельных областей Причерноморья с другими центрами античного мира, а также с местными племенами в период VII—I вв. до н. э. В 1967 г. вышла из печати его научно-популярная книга «Сокровища скифских царей» (изд-во «Наука»).

С. И. Капошина готовила монографию «Памятники сарматской культуры на Нижнем Дону». В основу этого труда положены материалы из сарматских курганов, раскопанных под руководством автора в районе Новочеркасска.

А. Н. Карасев в 1967 г. приступил к работе над темой «Древнегреческая фактория близ Керкинитиды». Он строит ее на материалах раскопок городища в окрестностях Евпатории («Чайка»). По теме «Монументальные памятники ольвийской агоры» написана статья «Опыт реконструкции ольвийского здания суда».

Е. Г. Кастанаян закончила исследование «Чернолаковая керамика с накладным орнаментом эллинистического времени из Мирмекия» (по материалам Боспорской экспедиции) и подготовила к печати свою диссертацию «Лепная керамика боспорских городов».

Е. И. Леви работала над монографией «Очерки истории и культуры Ольвии догетского периода». Закончен раздел «Ольвийские культуры VI—V вв. до н. э.» и начата глава «Ольвийские проксении». Участвовала в подготовке к изданию корпуса терракот Северного Причерноморья (раздел: «Ольвийские терракоты»).

К. К. Марченко написал статью «Лепная керамика Ольвии и Березани конца VII—VI вв. до н. э.» и приступил к исследованию лепной керамики Елизаветовского городища в дельте Дона.

Г. М. Мелентьева занималась лепной керамикой Ольвии по материалам раскопок зернохранилища II—III вв. н. э. на территории ольвийской агоры, а также готовила к публикации материалы из раскопок одного из сарматских курганов Нижнего Дона.

В. И. Пругло заканчивает монографию «Терракоты Боспора» по материалу, добытому раскопками Мирмекия, Тиритаки, Илурата и сельской усадьбы. Участвовала в подготовке «Корпуса терракот Северного Причерноморья» (написала разделы, посвященные терракотам Мирмекия, Илурата и Тиритаки).

П. Н. Шульц подготовил и сдал в печать исследование «Позднескифская культура и ее варианты на Днепре и в Крыму». В 1968 г. приступил к новому монографическому исследованию: «Скифские изваяния и сарматские антропоморфные стелы».

И. Г. Шургая написал и сдал в печать статью «Агонистические погребальные амфоры в некрополях Северного Причерноморья». Готовит к печати монографию «Очерки по истории культуры Александрии египетской эпохи эллинизма (конец IV—I вв. до н. э.)».

А. Н. Щеглов, вступивший в коллектив группы в июле 1968 г., продолжал работать над монографией «Северо-Западный Крым в античную эпоху». Работа основана на материалах, добытых раскопками Тарханкутской экспедиции 1959—1967 гг., проводившейся под руководством автора, также на результатах предшествующих исследований.

А. Л. Якобсон закончил монографию «Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврики» (печатается в изд-ве «Наука»). Работа обобщает результаты раскопок поселений, которые вел автор (1956—1967 гг.) и впервые освещает экономическую и социальную жизнь средневековых поселений Таврики в VIII—IX вв. Написаны два очерка «Археология средневекового Крыма» и «Археология средневекового Закавказья» (для издания ИА «Археология СССР») и работа «Взаимосвязи Таврики и Закавказья в средние века».

На заседаниях группы были заслушаны доклады, прочитанные как сотрудниками группы на темы их плановых работ, так и сотрудниками других научных учреждений — советских и зарубежных: Ю. С. Крушкел (Москва) — «Гончарная мастерская, открытая близ Горгиппии (раскопки в районе хутора Рассвет в 1964—1965 гг.)»; Н. И. Сокольский (Москва) — «Работы Таманской экспедиции 1964—1965 гг.»; К. К. Шилик (Ленинград) — «Палеогеография Ольвии по результатам геоакустического и геоморфологического исследований»; Д. П. Каллистов (Ленинград) — «К вопросу о царстве Атея»; Д. С. Кириллин (Керчь) — «Раскопки трехбратних курганов на Керченском полуострове в ноябре 1965 г.»; Ю. Б. Циркин (Ленинград) — «„Оловянный“ путь и северная торговля Месембрии»; Г. А. Цветаева (Москва) — «О последних раскопках в Горгиппии»; В. Д. Блаватский (Москва) — «Мифологическое мировоззрение в период полиса»; Э. А. Сыманович (Москва) — «Новые раскопки Николаевского могильника на Нижнем Днепре»; К. К. Шилик (Ленинград) — «Реконструкция географических условий и ее роль в восстановлении исторического процесса на примере Северного Причерноморья»; А. И. Болтунова (Москва) — «Неизданные надписи Боспора»; И. В. Богданова-Березовская (Ленинград) — «Химико-технологическое изучение статуэток Диоскуров из Неаполя Скифского»; О. И. Бич (Ленинград) — «Один из источников рабства в античных колониях Северного Причерноморья»; Д. Б. Шелов (Москва) — «Боспор и Танаис в III—I вв. до н. э.»; Н. В. Шебалин (Ленинград) — «Об ольвийском судопроизводстве»; Н. С. Белова (Ленинград) — «К надписи IPE, II, 8»; Е. А. Молев (Горький) — «Внутренняя политика первых спартокидов»; М. Кожа (Бухарест) — «О работах в Истрии и о лепной керамике, найденной в Истрии»; А. Д. Милчева (София) — «Геммы с гностическими изображениями из Археологического музея в Софии» и «Камени с женскими портретными изображениями конца II—начала III в. н. э.»; В. И. Бочкарев (Ленинград) — «Киммерийские котлы»; О. Д. Лордкипа-

нидзе (Тбилиси) — «Раскопки в Вани в 1963 г.»; П. М. Долуханов (Ленинград) — «Геоморфологические очерки городища Чайка».

Двумя сотрудниками группы защищены кандидатские диссертации: Е. Г. Кастанаян «Лепная керамика боспорских городов» (по материалам Боспорской экспедиции ЛОИА АН СССР) и И. Г. Шургая «Из истории культуры Александрии Египетской III—I вв. до н. э.».

Сотрудники Археологического института Румынской Академии наук М. Кожа и П. Александреску работали в течение двух недель над материалами, добытыми экспедициями группы. Аспирантка А. Д. Милчева, прикомандированная из Народной Республики Болгарии, работала в течение года в составе группы над своей диссертацией, посвященной исследованию резных камней из собрания Археологического музея в Софии.

Сотрудники группы продолжали полевые исследования античных и раннесредневековых памятников Северного Причерноморья.

Боспорская экспедиция в 1966 г. продолжала работать под руководством В. Ф. Гайдукевича в Мирмекии и в Илурате. В Мирмекии исследовались зольный алтарь-эсхара конца IV—первой половины III в. до н. э. и остатки расположенного под ним святилища IV в. до н. э. В Илурате в юго-западной части городища раскрыто жилое здание III в. н. э.

После кончины В. Ф. Гайдукевича экспедиция в 1967 и 1968 гг. продолжала работы на Керченском полуострове под руководством П. Н. Шульца. Велись раскопки большого кургана Кара-оба, в Порфмии, Илурате и некрополе Пантикапея на северном склоне горы Митридат. На кургане полностью раскрыты две каменные крепицы, на северном его склоне обнаружено кольцо из бутового камня, опоясывающее курган. Геофизические работы указали на наличие пустоты — быть может, склепа, вырубленного в скале. Западнее с. Октябрьского Ленинского района исследован курган эпохи бронзы. В центре его находилась каменная плитовая гробница со скорченным погребенным второй половины II тысячелетия до н. э. Курган был окружен тремя концентрическими кольцами кромлехов. Произведено доисследование кургана с уступчатым склепом конца IV в. до н. э. в районе Золотого кургана.

Катакомбный отряд (начальник Ю. А. Калашник) исследовал земляные склепы на северном склоне горы Митридат. Обследовано 60 позднеантичных склепов III—IV вв. н. э., часть которых имеет росписи геометрического стиля. Порфмийский отряд (начальник А. И. Болтунова) возобновил раскопки античного города Порфмий, расположенного у переправы с Керченского полуострова на Таманский. Раскрыты остатки здания конца V—начала IV в. до н. э. с ямами, в которых обнаружены амфоры, кувшины. Отряд по раскопкам Илурата (начальник И. Г. Шургая) продолжал раскопки юго-западной части городища; раскопано два помещения. Отряд по изучению некрополя Илурата (начальник М. М. Кубланов) раскрыл ряд склепов, вырубленных в скале; склепы оказались разграбленными.

Ольвийская экспедиция (начальник Е. И. Леви) после двухлетнего перерыва (1965—1966 гг.) продолжала в 1967—1968 гг. исследование двух крупных зданий, расположенных на агоре — зданий суда и гимназия конца IV—III в. до н. э. К 1967 г. были определены северная и восточная границы зданий, а в 1968 г. установлена западная граница. Среди находок в большом количестве продолжали встречаться глиняные кружочки для подсчета голосов.

В западной части раскопа на площади около 50 кв. м раскрыты остатки арханческого слоя с большим количеством находок VI в. до н. э. Здесь обнаружена часть землянок, подвал и ямы. При исследовании центральной части раскопа на месте двора здания суда частично раскрыт подвал V в. до н. э. На этом же участке найден клад из 12 больших

ассов с изображением Деметры. В здании гимназия продолжалось раскрытие большого зала, вдоль восточной стороны которого находились банные помещения. Выявлены помещения 6 и 7 сравнительно хорошей сохранности. Обнаружен резервуар, сложенный из квадратов известняка, предназначенный, вероятно, для подогрева воды с отходящим от него трубопроводом (раскрыто семь глиняных труб полной сохранности).

Ниже уровня пола гимназия обнаружены две большие ямы с материалами VI и V вв. н. э. Раскрыто также несколько ям зернохранилища II—III вв. н. э.

Чайкинская экспедиция (начальник А. Н. Карасев), проводимая совместно с Московским государственным университетом, продолжала раскрытие древнегреческой фактории. В 1966 г. удалось обнаружить строительные остатки, относящиеся к более раннему зданию фактории — V в. до н. э. Исследовалась южная часть памятника, где раскрыта четвертая, угловая башня. В одном из помещений фактории найден рельеф «Отдыхающий Геракл» со следами полихромии (III в. до н. э.). В 1967 и 1968 гг. на Чайкинском городище продолжала работать Московская экспедиция (начальник И. В. Яценко), раскрывавшая верхние скифские строительные остатки.

Средневековый отряд Крымской экспедиции (начальник А. Л. Якобсон) вел раскопки средневековых сельских поселений VIII—IX вв. в Юго-Западном Крыму. Раскапывались поселения близ с. Гончарного, где исследовано место концентрации железного шлака, и близ г. Передовое, где раскопан жилой дом с пристроенным к нему хозяйственным помещением. Кроме того, зачищены тарапаны VIII—X вв. на городище Кыз-Кермен (близ Бахчисарая) и обследована крепость того же времени Сандык-Кая, где произведена топографическая съемка.

Южно-Донская экспедиция (начальник И. Б. Брашнинский) работала в составе двух отрядов. Один из них вел работы на Елизаветовском городище в низовьях Дона и на прилегающем к нему курганном могильнике. На городище раскрыто обширное здание полужемляночного типа и строительные комплексы хозяйственного назначения, один из которых был связан, вероятно, с рыболоплением. Другой отряд исследовал могильник Елизаветовского городища. На могильнике раскопано 36 захоронений, в том числе женское погребение первой половины V в. до н. э. с полным набором оружия (меч, копье, стрелы). Установлена дата возникновения Елизаветовского городища — первая половина V в. до н. э.

По инициативе и при участии сотрудников группы было подготовлено и проведено в марте 1968 г. заседание Ленинградской секции Ученого совета ИА АН СССР, посвященное памяти акад. С. А. Жебелева в связи со столетием со дня его рождения. С докладами выступили научные сотрудники группы и сектора античной археологии ИА АН СССР.

Кроме того, на заседании Ленинградской секции Ученого совета ИА АН СССР 29 ноября 1967 г. был заслушан и обсужден коллективно подготовленный доклад группы о состоянии ее работы и о перспективах и направлении работы в ближайшее пятилетие. Решение Ученого совета по докладу группы положено в основу ее дальнейшей работы.

С целью популяризации достижений советской археологии в области античности сотрудниками группы был прочитан ряд лекций, состоялись выступления по радио и телевидению. Работы экспедиции освещались в местной и центральной печати. Во время раскопок проводились экскурсии по раскапываемым памятникам.

Е. Г. Кастанаян

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДЖ	Античная декоративная живопись
АК	Археологическая комиссия
АО	Археологические открытия
БСЭ	Большая советская энциклопедия
ВДИ	Вестник древней истории
ГИМ	Государственный исторический музей
ГХМ	Государственный Херсонесский музей
ДАН	Доклады Академии наук
ДБК	Древности Боспора Киммерийского
ИА	Институт археологии
ИВГО	Известия Всероссийского географического общества
ИГАИМК	Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИЯЛ	Институт истории, языка и литературы
ИТУАК	Известия Таврической ученой архивной комиссии
КБН	Корпус боспорских надписей
КБНИИ	Кабардино-Балкарский научно-исследовательский Институт
КСИА	Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСОГАМ	Краткие сообщения Одесского государственного археологического музея
КСОГУ и ОГАМ	Краткие сообщения Одесского государственного университета и Одесского государственного археологического музея
ЛГУ	Ленинградский государственный университет
ЛОИА	Ленинградское отделение Института археологии
МАД	Материалы к археологии Дагестана
МАК	Материалы археологической комиссии
МГУ	Московский государственный университет
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР
НЭ	Нумизматика и эпиграфика
ОАК	Отчеты Археологической комиссии
ПИСП	Проблемы истории Северного Причерноморья
РАНИОН	Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
СА	Советская археология
САИ	Свод археологических источников
СКАЭ	Северо-Кавказская археологическая экспедиция
СХМ	Сообщения Херсонесского музея
ТОИПКЭ	Труды Отдела истории первобытной культуры Эрмитажа
ФАН	Филнал Академии наук
ХС	Херсонесский сборник
ЦЧО	Центрально-Черноземная область
ЧНИИИ	Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт
AJA	American Journal of Archaeology
ESA	Eurasia Septentrionalis Antiqua
IOSPE	Inscriptiones Orae Septentrionalis Ponti Euxini
SC	Seythica et Caucasica
SCIV	Studii si cercetari de Istorie Veche

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. Доклады и дискуссии

И. Т. Кругликова. Религиозные представления сельского населения Боспора	3
И. Б. Брашинский. Новые данные о греческом импорте на Нижнем Дону (по материалам Елизаветовского городища и могильника)	12
А. Н. Щеглов. Поселения Северо-Западного Крыма в античную эпоху	19
Э. А. Рикман. О влиянии позднеантичной культуры на черняховскую в Днестровско-Прутском междуречье	25

II. Полевые и лабораторные исследования

И. В. Яценко. Исследование сооружений скифского периода на городище Чайка в Евпатории (1964—1967 гг.)	31
И. И. Гущина. Раскопки могильника Бельбек III в Крыму	39
О. Я. Савеля. О керамике с яркими орнаментами из Херсонеса	48
О. Д. Дашевская. Два граффити на амфорах Южно-Донузлавского городища	51
Э. В. Яковенко. Уздечный набор V в. до н. э. из Восточного Крыма	54
И. Г. Шургая. Раскопки в юго-западном районе Илурата в 1966—1968 гг.	61
М. М. Кобылина. Квартал ремесленников на южной окраине Фанагории	69
Н. А. Онайко. Раскопки античного поселения на Малой земле	73
Л. М. Казакова, И. С. Каменецкий. Курганы Таванса	81
М. П. Абрамова. Исследование Нижне-Джулатского могильника в 1967 г.	88
В. И. Марковин. Сарматская тамга на скалах Уйташа (Дагестан)	95
П. М. Долюханов. Геолого-геоморфологическая характеристика городища Чайка	99
Г. М. Левковская. Реконструкция палеогеографических условий городища Чайка по данным спорово-пыльцевого анализа	102
К. К. Шилик. Реконструкция топографии античной Ольвии	109
Е. А. Цепенки. Новые материалы к истории рыбного промысла в Тавансе	115

III. Хроника

Работа сектора античной археологии в 1966—1968 гг. (Т. М. Арсеньева)	118
Группа античной археологии ЛОИА АН СССР в 1966—1968 гг. (Е. Г. Кастанаян)	122

**СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ
В СКИФО-САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ
КСИА, вып. 124**

*Утверждено к печати
Ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии АН СССР*

Редактор издательства *Г. В. Монсеев*
Технический редактор *А. И. Курякина*

Сдано в набор 20 I 1970 г. Подписано к печати 5/VIII 1970 г.
Усл. печ. л. 11,72. Уч.-изд. л. 10,3. Формат 70×108¹/₁₆.
Тираж 1650 экз. Бум. № 2.
Т-11225. Тип. зак. 739.
Цена 70 к.

Издательство „Наука“
Москва, К-62, Подсосенский пер., д. 21
1-я типография издательства „Наука“
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12